

ЧАК ПАЛАНИК

БОЙЦОВСКИЙ
КЛУБ

18+

РОМАН

Annotation

Это – самая потрясающая и самая скандальная книга 1990-х.

Книга, в которой устами Чака Паланика заговорило не просто «Поколение Икс», но – «Поколение Икс» уже озлобленное, уже растерявшее свои последние иллюзии.

Вы смотрели фильм «Бойцовский клуб»?

Тогда – читайте книгу, по которой он был снят!

- [Чак Паланик](#)

-

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)

- [20](#)

- [21](#)

- [22](#)

- [23](#)

- [24](#)

- [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
-

Чак Паланик
Бойцовский клуб
Роман

Chuck Palahniuk

Fight club

© Chuck Palahniuk, 1999

© Перевод. К. Егорова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Тайлер находит для меня работу официанта, после чего сует мне в рот пушку и говорит: первый шаг к вечной жизни – смерть. А ведь мы с Тайлером были закадычными друзьями. Люди вечно спрашивают, знал ли я Тайлера Дердана.

Прижимая дуло пистолета к моему нёбу, Тайлер говорит:

– На самом деле мы не умираем.

Языком я чувствую дырки-глушители, которые мы просверлили в стволе. Основной шум при выстреле производят расширяющиеся газы; кроме того, есть еще звуковой удар от быстро летящей пули. Чтобы сделать глушитель, нужно просто просверлить в стволе пушки дырки. Много дырок. Тогда газы выйдут, а скорость пули будет меньше скорости звука.

Если просверлишь дырки неправильно, пушка взорвется в руке.

– На самом деле это не смерть, – добавляет Тайлер. – Мы станем легендой. Никогда не состаримся.

Я прижимаю языком ствол к щеке и отвечаю:

– Тайлер, это про вампиров.

Через десять минут здание, на котором мы стоим, исчезнет. Возьми курящуюся девяностовосьмипроцентную азотную кислоту и смешай с серной в пропорции один к трем. Все это на ледяной бане. Затем глазной пипеткой по каплям добавь глицерин. Получишь нитроглицерин. Я знаю это, потому что знает Тайлер. Смешай нитроглицерин с опилками – и вот она, добрая пластичная взрывчатка. Многие ребята смешивают нитроглицерин с хлопком и добавляют в качестве сульфата английскую соль. Это тоже работает. Другие парни используют парафин в смеси с нитроглицерином. У меня с парафином никогда ничего не получалось.

В общем, мы с Тайлером стоим на крыше Паркер-Моррис-билдинг, я – с пистолетом во рту, и слышим, как разбивается стекло. Загляни за край. Сегодня облачно, даже наверху. Это самый высокий небоскреб в мире, и на такой высоте ветер всегда холодный. Здесь так тихо, что чувствуешь себя мартышкой-астронавтом. Выполняешь простые задания, каким тебя обучили.

Дернуть за рычаг.

Нажать кнопку.

Ты не понимаешь, что делаешь, а потом просто умираешь.

Смотришь за край с высоты ста девяноста первого этажа и видишь, что улица внизу превратилась в пятнистый ковер людей, которые стоят и таращатся вверх. Бьющееся стекло – это окно прямо под нами. Окно на боковой стороне здания разбивается, и вылетает картотека, огромная, будто черный холодильник. Прямо под нами картотека с шестью ящиками срывается с отвесного обрыва стены и падает, медленно переворачиваясь, становясь все меньше, исчезая в плотной толпе.

Где-то под нами мартышки-астронавты из Комитета шалостей проекта «Хаос» носятся сломя голову по ста девяноста одному этажу, уничтожая обрывки истории. Похоже, старая поговорка насчет того, что любимых всегда ранишь сильнее, работает в обе стороны.

С дулом пистолета во рту и стволом между зубами произносить можно только гласные.

Нам осталось десять минут.

Из здания вылетает еще одно окно, осколки стекла напоминают вспугнутую голубиную стаю. За ними дюйм за дюймом вылезает темный деревянный стол, подталкиваемый Комитетом шалостей. Наконец стол накреняется, скользит и превращается в кувыркающийся летучий магический предмет, который исчезает в толпе.

Через девять минут от Паркер-Моррис-билдинг ничего не останется. Если взять нужное количество гремучего студня и обернуть фундаментные столбы, то можно обрушить любое здание. Но не забудьте хорошенько обложить все это дело мешками с песком, чтобы взрыв пришелся на столб, а не на парковку вокруг него.

Подобных советов нет ни в одном учебнике истории.

Три способа приготовить напалм. Первый: смешать в равных пропорциях бензин и замороженный концентрат апельсинового сока. Второй: смешать в равных пропорциях бензин и диетическую колу. Третий: сыпать раскрошенный наполнитель для кошачьего лотка в бензин, пока не загустеет.

Спросите меня, как сделать нервно-паралитический газ. Ах, эти безумные автомобили, начиненные взрывчаткой!

Девять минут.

Паркер-Моррис-билдинг сложится всем ста девяноста одним этажом, медленно, как падающее в лесу дерево. Обрушить можно что угодно. Странно представить, что место, на котором мы стоим, превратится в точку в небесах.

Мы с Тайлером находимся на краю крыши, у меня во рту пистолет, и я гадаю, насколько он чистый. Мы напрочь забываем про убийственно-суицидальные заморочки Тайлера, глядя, как из здания выскальзывает очередная картотека, ее ящики выдвигаются, и ветер подхватывает и уносит листы белой бумаги.

Восемь минут.

Из открытых окон начинает сочиться дым. Подрывная команда подорвет запальный заряд примерно через восемь минут. Запальный заряд подорвет основной, фундаментные столбы рухнут, и серия снимков с Паркер-Моррис-билдинг войдет во все учебники истории.

Пять кадров, цейтраферная съемка. Вот здание стоит. На второй картинке – кренится на восемьдесят градусов. Потом на семьдесят. На четвертой – на сорок пять, и несущая конструкция начинает трещать, а башня – выгибаться. Последний кадр: башня всем своим ста девяноста одним этажом падает на Национальный музей, а он и есть истинная цель Тайлера.

– Теперь это наш мир, наш, – говорит он. – А эти древние люди мертвы.

Если бы я знал, чем все обернется, предпочел бы сейчас быть мертвым и на Небесах.

Семь минут.

На крыше Паркер-Моррис-билдинг, с дулом пистолета во рту. Метеоритный дождь столов, картотек и компьютеров падает на толпу вокруг здания, дым клубится из выбитых окон, в трех кварталах дальше по улице подрывная команда смотрит на часы, а я знаю: все это – пушка, анархия, взрыв – из-за Марлы Сингер.

Шесть минут.

У нас тут нечто вроде любовного треугольника. Я хочу Тайлера. Он хочет Марлу. Марла хочет меня. Я не хочу Марлу, а Тайлер не хочет меня. Больше не хочет. Дело не в любви и заботе, а в собственности и обладании.

Без Марлы у Тайлера ничего не останется.

Пять минут.

Вероятно, мы станем легендой, а может, и нет. Я бы сказал, нет, но поглядим.

Где был бы Иисус, если бы никто не написал Евангелия?

Четыре минуты.

Языком отталкиваю дуло к щеке и говорю: хочешь стать легендой, Тайлер? Друг, я об этом позабочусь. Я был здесь с самого начала.

Я помню все.

Три минуты.

Мощные руки Боба сомкнулись вокруг меня, и в темноте я оказался зажат между его новыми потными сиськами, необъятными, как Господь Бог. Каждый вечер мы встречались в церковном подвале, полном мужчин: это Арт, это Пол, это Боб. Широкие плечи Боба наводили меня на мысли о горизонте. Густые светлые волосы Боба были результатом того, что получается, когда гель для волос именует себя моделирующим муссом. Такие густые и светлые, с таким ровным пробором.

Обхватив меня руками, Боб гладит меня по голове, прижимая к сучьему вымени, проросшему на его груди-бочке.

– Все будет хорошо, – говорит он. – Поплачь.

Всем телом я ощущаю, как химические реакции внутри Боба сжигают пищу и кислород.

– Может, они успели вовремя, – продолжает Боб. – Может, это просто семинома. При семиноме выживаемость – почти сто процентов.

Плечи Боба распрямляются в длинном вдохе, а затем никнут, никнут, никнут в судорожных рыданиях. Распрямляются. Никнут, никнут, никнут.

– Поплачь, – говорит Боб, и вдыхает, и всхлипывает, всхлипывает, всхлипывает. – Давай, поплачь.

Большое влажное лицо опускается на мою макушку, скрывая меня внутри. Сейчас я заплачу. Слезы всегда близко, когда ты в душной темноте, внутри кого-то другого, когда понимаешь, что все, чего ты мог достичь, пойдет прахом.

Все, чем гордился, отправится на помойку.

И я скрыт внутри.

Почти неделю я не был так близок ко сну.

Вот так я встретил Марлу Сингер.

Боб плачет, потому что шесть месяцев назад ему удалили яички. Потом – гормональная поддерживающая терапия. У Боба выросла грудь, поскольку у него слишком высокий тестостерон. Подними уровень тестостерона выше нормы – и в поисках равновесия тело начнет усиленно вырабатывать эстроген.

Сейчас я заплачу, ведь вся жизнь сводится к пустому месту, даже не к пустому месту – к забвению.

Слишком много эстрогена – и у тебя вырастет сучье вымя.

Легко заплакать, когда понимаешь, что все, кого ты любишь, отвернутся от тебя или умрут. В долгосрочной перспективе любая выживаемость стремится к нулю.

Боб любит меня, потому что думает, что мне тоже удалили яички.

Вокруг нас в подвале епископальной церкви Святой Троицы, заставленном дешевыми клетчатыми диванами, собралось около двух десятков мужчин и всего одна женщина. Все держатся по двое, большинство плачут. Некоторые пары наклонились вперед, прижавшись друг к другу ушами, словно борцы. Мужчина с единственной женщиной положил локти ей на плечи – по локтю с каждой стороны головы – и плачет, уткнувшись лицом ей в шею. Женщина поворачивает голову, поднимает сигарету.

Я выглядываю из подмышки Большого Боба.

– Вся моя жизнь, – всхлипывает он. – Сам не знаю, зачем я это делаю.

Единственная женщина в «Останемся мужчинами вместе» – группе поддержки больных раком яичек, – эта придавленная незнакомцем женщина курит сигарету и встречается со мной взглядом.

Притворщик.

Притворщик.

Притворщик.

Огромные глаза, как в японских мультиках, тусклые короткие черные волосы, постная, как снятое молоко, желтушная, как пахта, в платье с обойным узором из темных роз. Эта женщина была в моей группе поддержки больных туберкулезом вечером по пятницам. И за круглым столом меланомы вечером по средам. Вечером по понедельникам она была в моем лейкомическом дискуссионном кружке «Крепкая вера». Пробор на ее голове напоминает кривую молнию белого скальпа.

У всех этих групп поддержки – смутно-оптимистичные названия. Моя группа паразитов крови, вечером по четвергам, называется «Свободный и чистый».

Моя группа мозговых паразитов называется «Выше и дальше».

И воскресным вечером, на встрече «Останемся мужчинами вместе» в подвале епископальной церкви Святой Троицы, – эта женщина снова здесь.

Хуже того: я не могу плакать, когда она смотрит на меня.

Это должна быть самая лучшая часть – Большой Боб обнимает меня, и мы вместе безнадежно рыдаем. Мы все так усердно работаем. Это единственное место, где я могу расслабиться и сдатьсь.

Это мои каникулы.

В первую группу поддержки я пришел два года назад, после того как снова посетил врача по поводу бессонницы.

Я не спал три недели. Три недели без сна – и вся твоя жизнь превращается во внетелесный опыт. Доктор объяснил: «Бессонница – лишь симптом чего-то более серьезного. Выясни, в чем настоящая проблема. Слушай свое тело».

Я просто хотел спать. Хотел маленькие голубые капсулы амобарбитала, по двести миллиграммов. Хотел красно-синие капсулы туинала, ярко-алый секонал.

Доктор велел мне жевать корень валерианы и больше двигаться. Сказал, что в конце концов я засну.

Мое синюшное, сморщенное лицо напоминало лицо трупа.

Доктор сказал: если я желаю увидеть настоящие страдания, мне следует заглянуть в Первое причастие вечером во вторник. Посмотреть на мозговых паразитов. На дегенеративные костные болезни. На органический мозговой синдром. На то, как поживают раковые больные.

И я пошел.

В первой группе люди знакомились друг с другом: это Элис, это Бренда, это Довер. Все улыбались с приставленным к голове невидимым пистолетом.

Я никогда не называю своего настоящего имени в группах поддержки.

Маленькая женщина-скелет по имени Хлоя, в печально обвисших штанах, говорит мне: самое ужасное в мозговых паразитах – то, что никто не хочет заниматься с ней сексом. Она одной ногой в могиле – даже ее страховая разродилась семьюдесятью пятью тысячами баксов, – и чего желает Хлоя? В последний раз потрахаться. Ей нужна не близость, а секс.

Что может на это сказать мужик? Что бы вы сказали?

Началось с того, что Хлоя почувствовала себя немного усталой – а теперь ей настолько все опостылело, что она не хочет лечиться. Порнофильмы – у нее дома куча порнофильмов.

Во время Великой французской революции, сообщила мне Хлоя, женщины-заключенные – герцогини, баронессы, маркизы и прочие – трахались с любым, кто на них залезет. Хлоя дышала мне в шею. Пора платить по счетам. Трах убивает время.

Маленькая смерть, так это называют французы.

Если мне интересно, у Хлои были порнофильмы. Амилнитрит. Смазка.

При обычных обстоятельствах у меня возникла бы эрекция. Однако наша Хлоя – скелет, покрытый желтым воском. С учетом того, как она выглядит, я – ничто. Даже меньше, чем ничто. Но плечо Хлои тычется в мое плечо, когда мы сидим кружком на ворсистом ковре. Мы закрываем глаза. Очередь Хлои вести медитацию, и она рассказывает про сад спокойствия. Мы поднимаемся на холм к дворцу, в котором семь дверей. Внутри дворца – семь дверей: зеленая дверь, желтая дверь, оранжевая дверь; вместе с Хлоей мы открываем каждую – синяя дверь, красная дверь, белая дверь – и смотрим, что за ними скрывается.

Закрыв глаза, мы представляем свою боль шаром белого целительного света, парящим у наших ног, поднимающимся к нашим коленям, поясу, груди. Наши чакры раскрываются. Сердечная чакра. Головная чакра. Хлоя ведет нас в пещеры, где мы встречаем своих тотемных животных. Мой тотем – пингвин.

Пол пещеры был покрыт льдом, и пингвин сказал: скользите. Без каких-либо усилий мы заскользили по туннелям и галереям.

Потом настало время обниматься. Открыть глаза.

Это терапевтический физический контакт, объяснила Хлоя. Каждый должен выбрать себе партнера. Хлоя кинулась мне на шею и зарыдала. У нее дома было эротическое нижнее белье. Она плакала. У Хлои были масла и наручники, и она плакала, а я смотрел, как секундная стрелка моих часов совершает одиннадцать оборотов.

В общем, я не плакал в своей первой группе поддержки два года назад. Не плакал во второй или в третьей. Не плакал на паразитах крови, или раке кишечника, или органическом мозговом синдроме.

Бессонница – она такая. Все кажется очень далеким, копией копии. На расстоянии бессонницы от мира ты ни до чего не можешь дотронуться, и ничто не может тронуть тебя.

Потом появился Боб. Когда я впервые пришел на рак яичек, в «Останемся мужчинами вместе», Лосина Боб, Боб Сырная Лепешка обрушился на меня и зарыдал. Когда настала пора обнимашек, Лосина двинулся через всю комнату, свесив руки и ссутулив плечи. Прижав огромный лосиный подбородок к груди, моргая красными глазенками, шаркая ножищами, цепляя коленями друг за друга, он преодолел подвал и обрушился на меня.

Огромные ручищи Боба обхватили меня.

Он был качком, сказал Большой Боб. Ах, эта молодость, сперва метандиенон, сначала станозолол, лошадиный стероид. Собственный спортзал, у Большого Боба имелся спортзал. Трижды был женат. Занимался раскруткой продукции. Неужели я не видел его по телевизору? Вся программа по расширению груди – практически его изобретение.

От подобных откровений у меня всегда падает. Понимаете, о чем я?

Боб не понимал. Может, у него опустилось только одно *huevos* и он знал, что рискует. Боб поведал мне о послеоперационной гормональной терапии.

Многие бодибилдеры колют слишком много тестостерона – и у них вырастает сучье вымя.

Пришлось спросить, что Боб имел в виду под *huevos*.

Huevos, сказал он. Гонады. Шары. Бубенцы. Яички. В Мексике, где покупают стероиды, их называют яйцами.

Развод, развод, развод, сказал мне Боб и вытащил из бумажника фото самого себя – огромного и на первый взгляд голого, в набедренной повязке, на каком-то конкурсе. Глупо так жить, заявил он, когда стоишь, накачанный и бритый, на сцене, и жира в тебе не более двух процентов, а из-за диуретиков ты на ощупь холодный и твердый, как бетон. Ты ослеп от огней и оглох от шумов в звуковой системе. Но тут судья говорит: «Выставь правую ногу, напряги четырехглавую мышцу и замри». «Вытяни левую руку, напряги бицепс и замри». Это лучше, чем реальная жизнь.

Короткая дорожка к раку, вздохнул Боб. Потом он обанкротился. Двое его взрослых детей не отвечали на звонки.

Лечение вымени заключалось в том, что врач подрезал грудные мышцы и выкачивал жидкость.

Больше я ничего не запомнил, потому что Боб начал сжимать меня своими ручищами, а сверху опустилась его голова. Я очутился в небытии, темном, безмолвном и абсолютном, а когда наконец оторвался от мягкой груди Боба, на его рубашке отпечаталось мое мокрое лицо.

Это было два года назад, в мой первый вечер с «Останемся мужчинами вместе». И с тех пор почти каждый раз Большой Боб доводил меня до слез.

Я не вернулся к врачу. И не стал жевать корень валерианы.

Это была свобода. Полная утрата надежды являлась свободой. Если я молчал, то люди в группе предполагали самое худшее. И плакали сильнее. Я тоже плакал сильнее. Взгляни на звезды – и ты пропал.

Возвращаясь домой из группы поддержки, я ощущал себя более живым, чем прежде. Я не был добычей рака или кровяных паразитов; я был маленьким теплым центром сосредоточения всей жизни мира.

И я спал. Младенцы не спят так крепко.

Каждый вечер я умирал – и каждый вечер рождался вновь.

Воскрешенный.

Два успешных года – до нынешнего вечера. До нынешнего вечера, потому что я не могу плакать, когда эта женщина смотрит на меня. Не могу достичь дна, не могу спастись. Мой язык уже считает, будто обзавелся тисненными обоями, так сильно я искусал рот изнутри. Я не спал четыре дня.

Когда она смотрит, я – лжец. Она – фальшивка. Она – лгунья. Сегодня во время знакомства мы называли свои имена: я Боб, я Пол, я Терри, я Дэвид.

Я никогда не называю своего настоящего имени.

– Это рак, верно? – спросила она. И добавила: – Привет, я Марла Сингер.

Никто не сообщил Марле, какой именно рак. Мы все нянчились со своим внутренним ребенком.

Мужчина по-прежнему плачет ей в шею, а Марла делает очередную затяжку.

Я слежу за ней из-под сотрясающихся сисек Боба.

Для Марлы я – фальшивка. Увидев ее во второй раз, я потерял сон. Но первая фальшивка – я сам, если только все эти люди не выдумали свои болячки, сопли и опухоли, даже Большой Боб. Лосина. Сырная Лепешка.

Взгляните на его «смоделированные» волосы.

Марла курит и закатывает глаза.

В это мгновение ложь Марлы отражает мою собственную, и вокруг я вижу одну ложь. Посреди их правды. Все цепляются друг за друга и рискуют поделиться худшими страхами: что смерть у порога, что у них во рту – пистолетное дуло. Марла курит и закатывает глаза, а я погребен под всхлипывающим ковром, и внезапно даже смерть и умирание становятся скучной дешевкой, искусственными цветами на видео.

– Боб, ты меня раздавишь, – говорю я. Сперва пытаюсь шептать, потом уже не пытаюсь. – Боб. – Стараюсь говорить тише, затем кричу: – Боб, мне нужно в сортир!

Над раковиной в туалете висит зеркало. Если так пойдет, я встречу Марлу Сингер в «Выше и дальше», группе мозговых паразитов. Разумеется, Марла будет там, и я сяду рядом с ней. После знакомства и направленной медитации – семи дворцовых дверей, белого шара целительного света, – после того, как мы откроем чакры, когда придет пора обниматься, я схвачу сучку.

Прижав ее руки к телу, а свои губы – к ее уху, я скажу: Марла, ты – притворщица, убирайся.

Это единственная стоящая вещь в моей жизни, и ты ее рушишь.

Ты лгунья.

При следующей встрече я скажу: Марла, я не могу спать, когда ты здесь. Мне это нужно. Убирайся.

Просыпаешься в международном аэропорту.

При каждом взлете и посадке, когда самолет сильно кренится набок, я молился о катастрофе. Это мгновение, когда мы, беспомощный человеческий табак, набитый в фюзеляж, могли погибнуть, исцеляло мою бессонницу нарколепсией.

Так я встретил Тайлера Дердана.

Просыпаешься в О'Харе^[1].

Просыпаешься в Ла-Гуардия^[2].

Просыпаешься в Логане^[3].

Тайлер подрабатывал киномехаником. Из-за своей натуры он мог работать только по ночам. Если киномеханик сказывался больным, профсоюз звонил Тайлеру.

Есть ночные люди. Есть люди дневные. Я могу работать только днем.

Просыпаешься в Даллесе^[4].

Страхование жизни выплачивается в тройном размере, если умираешь в командировке. Я молился о сдвиге ветра, о засасываемых в двигатели пеликанах, и ослабленных болтах, и обледенелых крыльях. При взлете, когда самолет разгонялся по полосе, с поднятыми закрылками, спинками кресел, приведенными в вертикальное положение, закрытыми откидными столиками и ручной кладью, спрятанной в багажные отделения наверху, когда конец полосы неся нам навстречу, а мы даже не могли закурить, я молился о катастрофе.

Просыпаешься в Лав-Филд^[5].

В киноаппаратной старых кинотеатров Тайлер переключал бобины. Когда нужно переключать бобины, в аппаратной стоит два проектора, и один из них работает.

Я знаю об этом, потому что знает Тайлер.

Второй проектор заряжен следующей бобиной фильма. Большинство фильмов занимают шесть или семь маленьких бобин пленки, которые располагают в определенном порядке. В новых кинотеатрах из маленьких бобин делают одну пятифутовую. В таком случае не нужно иметь два проектора и переключать бобины туда-

сюда: бобина один – переключение – бобина два на другом проекторе – переключение – бобина три на первом проекторе.

Переключение.

Просыпаешься в СиТаке^[6].

Изучаю людей на ламинированной карточке в кармане сиденья. Женщина плавает в океане, каштановые волосы разметались по воде, подушка сиденья прижата к груди. Глаза широко раскрыты, но женщина не улыбается и не хмурится. На другой картинке люди, спокойные, как индийские коровы, тянутся со своих сидений к выпавшим из потолка кислородным маскам.

Очевидно, это чрезвычайная ситуация.

Разгерметизация кабины.

Просыпаешься – и ты в Уиллоу-Ран^[7].

Старый кинотеатр, новый кинотеатр. Чтобы переправить фильм в следующий кинотеатр, Тайлеру приходится вновь разбивать его на исходные шесть или семь бобин. Маленькие бобины кладутся в два восьмиугольных стальных чемоданчика. У каждого есть ручка. Подними такой чемоданчик – и вывих плеча обеспечен. Настолько они тяжелые.

Тайлер – банкетный официант, обслуживает столики в отеле в центре города, и Тайлер – киномеханик, состоит в профсоюзе киномехаников. Не знаю, сколько моих бессонных ночей проработал Тайлер.

В старых кинотеатрах с двумя проекторами киномеханику приходится стоять в будке и в нужный момент менять проекторы так, чтобы зрители не заметили, когда закончилась одна бобина и началась другая. Необходимо следить за белыми точками в правом верхнем углу экрана. Это предупреждение. Смотри фильм – и увидишь две точки в конце бобины.

Сигаретные ожоги, так их называют киношники.

Первая белая точка – двухминутное предупреждение. Надо запустить второй проектор, чтобы он разогрелся.

Вторая белая точка – пятисекундное предупреждение. Возбуждение. Ты стоишь между двумя проекторами, в будке – настоящая парилка от ксеноновых ламп, на которые нельзя смотреть, иначе ослепнешь. На экране мелькает первая точка. Звук к фильму

поступает из большой колонки за экраном. Будка киномеханика звуконепроницаема, потому что внутри стрекочут пулеметами зубчатые барабаны, протягивающие пленку перед объективом со скоростью шесть футов в секунду, десять кадров на фут, шестьдесят кадров в секунду. Ты стоишь между двумя работающими проекторами и держишь рукоятку затвора на каждом. Совсем старые проекторы оснащены сигнализацией на ступице подающей бобины.

Даже после того как фильмы перебрались на телевидение, предупреждающие точки никуда не делись. Их можно увидеть даже в самолетах.

По мере того как все больше пленки наматывается на приемную бобину, она замедляется, и подающей бобине приходится крутиться быстрее. В конце подающая бобина вращается так быстро, что сигнализация начинает трезвонить, предупреждая: пора менять бобину.

В темноте, раскаленной лампами внутри проекторов, звенит сигнализация. Встань между проекторами, возмись каждой рукой за рукоятку затвора и следи за углом экрана. Вот мелькнула вторая точка. Сосчитай до пяти. Закрой один затвор. И в то же мгновение открой другой.

Переключение.

Фильм продолжается.

Никто из зрителей ничего не заметил.

Сигнализация на подающей бобине нужна для того, чтобы киномеханик мог вздремнуть. Киномеханики делают много такого, чего не положено. Не в каждом проекторе есть сигнализация. Иногда просыпаешься в собственной темной постели, в ужасе, что заснул в будке и пропустил переключение. Зрители тебя проклянут. Их кинематографический сон будет потревожен, и менеджер позвонит в профсоюз.

Просыпаешься в Крисси-Филд^[8].

Куда я ни отправлюсь, везде – прелесть путешествий, крошечная жизнь. В отеле – крошечное мыло, крошечный шампунь, отдельные порции сливочного масла, крошечный ополаскиватель для рта и одноразовая зубная щетка. Уместись в обычное самолетное кресло. Ты гигант. У тебя слишком широкие плечи. Твои ноги, как у Алисы в Стране чудес, внезапно вытягиваются на много миль и касаются

сидящего впереди пассажира. А вот и обед: крошечный конструктор, собери себе куриный кордон-блю, займись делом.

Пилот включил табло «пристегните ремни» и просит воздержаться от перемещений по салону.

Просыпаешься в Мейгс-Филд^[9].

Иногда Тайлер просыпается в темноте, трясясь от ужаса, что забыл сменить бобину, или порвалась пленка, или пленка немного соскользнула в проекторе, и зубчатые барабаны компостируют звуковую дорожку.

Если зубчатые барабаны пройдутся по пленке, лампа будет светить сквозь звуковую дорожку, и вместо разговоров ты услышишь стрекот вертолетных лопастей: это луч проходит сквозь дыры.

Чего еще не следует делать киномеханикам: Тайлер вырезает из фильмов лучшие кадры. В самом первом откровенном фильме снялась обнаженной Энджи Дикинсон. К тому времени как копия фильма добралась из кинотеатров Западного побережья до кинотеатров Восточного, эта сцена исчезла. Один киномеханик вырезал кадр. Другой вырезал кадр. Все хотели обнаженную Энджи Дикинсон. Порно проникло в кинотеатры – и только посмотрите на киномехаников. Некоторые из этих парней собрали легендарные коллекции.

Просыпаешься в Боинг-Филд^[10].

Просыпаешься в аэропорту Лос-Анджелеса.

Сегодня мы летим практически порожняком, так что не стесняйтесь поднять подлокотники и вытянуться. Вытягиваешься зигзагом, скрюченный в коленях и поясе, раскинув согнутые локти по трем или четырем сиденьям. Я перевожу часы на два часа назад или на три вперед: тихоокеанское время, горное, центральное, восточное; час потерял – час приобрел.

Это твоя жизнь, и она с каждой минутой приближается к концу.

Просыпаешься в Кливленде.

Просыпаешься в СиТаке. Снова.

Ты киномеханик, усталый и злой, тебе скучно, и ты берешь один кадр из коллекции порнографии, собранной каким-то другим киномехаником, которую нашел в будке, и вставляешь этот кадр с агрессивным красным пенисом или раззявленной влажной вагиной крупным планом в очередной художественный фильм.

Это фильм про приключения животных: семья уехала и оставила собаку и кошку, а теперь они должны найти дорогу домой. На третьей бобине, сразу после того, как собака и кошка – а они общаются друг с другом человеческими голосами – поели из помойного бака, мелькает эрекция.

Так делает Тайлер.

Кадр показывают на экране одну шестидесятую секунды. Разделите секунду на шестьдесят равных частей. Столько длится эрекция. Четырехэтажная эрекция над опопкорненными зрителями, скользко-красная и ужасная, – и никто ничего не замечает.

Просыпаешься в Логане. Опять.

Это ужасный способ путешествовать. Я езжу на встречи, которые не желает посещать мой босс. Делаю заметки. И возвращаюсь к вам.

Куда бы я ни ехал, моя миссия – применить формулу. Сохранить тайну.

Простая арифметика.

Сюжетная задачка.

Если новая машина, созданная моей компанией, покидает Чикаго, двигаясь на запад со скоростью шестьдесят миль в час, и задний дифференциал заклинивает, и машина попадает в аварию и сгорает вместе со всеми, кто находился внутри, отзовет ли компания всю серию?

Берете число выпущенных автомобилей (А) и умножаете на вероятность поломки (В), а получившееся число умножаете на среднюю стоимость мирового соглашения (С).

А на В на С равно Х. Столько мы потратим, если не станем отзывать машины.

Если Х больше стоимости отзыва, мы отзываем автомобили, и все остаются живы и здоровы.

Если Х меньше стоимости отзыва – мы их не отзываем.

Куда бы я ни поехал, меня ждет выгоревший, смятый автомобильный кузов. Я знаю, где прячутся все скелеты, поэтому не боюсь увольнения.

Отель, ресторанная еда. Куда бы ни поехал, я завожу знакомства с соседями, от Логана до Крисси-Филд, от Крисси-Филд до Уиллоу-Ран.

Я координатор кампании по отзыву, объясняю случайному другу, сидящему рядом со мной, но хочу сделать карьеру судомойки.

Просыпаешься в аэропорту О'Хара. Опять.

После этого Тайлер повсюду вставлял пенис, обычно крупным планом. Или пульсирующую кровью четырехэтажную вагину размером с Большой каньон, в которой слышно эхо. Золушка танцевала со своим Прекрасным принцем, а люди смотрели на это. Никто не жаловался. Зрители ели и пили, однако что-то неуловимо менялось. Им становилось дурно, или они начинали плакать, сами не зная почему. Застукать Тайлера могла разве что колибри.

Просыпаешься в аэропорту Джона Кеннеди.

Я таю и разбухаю в момент приземления, когда одно колесо шасси врезается в посадочную полосу, а самолет кренится набок и не может решить, выправиться ему или опрокинуться. В это мгновение ничто не имеет значения. Взгляни на звезды – и ты пропал. Ничто. Ни багаж. Ни дурной запах изо рта. За иллюминаторами темно, газотурбинные двигатели работают на реверсе. Под их рев кабина наклоняется под неправильным углом – и тебе уже никогда не придется заполнять очередное расходное заявление. Собрать чеки на покупки дороже двадцати пяти долларов. Стричься.

Удар, второе колесо касается полосы. Стаккато сотен пряжек расстегиваемых ремней безопасности, и одноразовый друг, рядом с которым ты едва не погиб, говорит: надеюсь, вы успеете на пересадку. Да, я тоже надеюсь.

Мгновение исчезает. Жизнь продолжается.

И каким-то чудом, по случайности, мы с Тайлером встретились.

Было время отпуска.

Просыпаешься в аэропорту Лос-Анджелеса.

Снова.

С Тайлером я познакомился на нудистском пляже. Был конец лета, и я спал. Тайлер был голый и потный, измазанный песком, мокрые свалявшиеся волосы падали ему на лицо. Тайлер давно болтался поблизости. Вытаскивал из прибоа плавник и волок на пляж. Он уже установил на мокром песке полукруг из бревен, на расстоянии нескольких дюймов друг от друга. Там было четыре бревна, и, проснувшись, я смотрел, как Тайлер тащит пятое. Он выкопал ямку под одним концом бревна, поднял другой конец. Бревно скользнуло в ямку и встало немного криво.

Просыпаешься на пляже.

Мы были там единственными людьми.

Тайлер начертил палкой на песке прямую линию в нескольких футах от бревен и принялся выпрямлять бревно, утаптывая песок у основания. Я был единственным зрителем.

– Знаешь, сколько сейчас времени? – крикнул Тайлер.

Я всегда ношу часы.

– Знаешь, сколько сейчас времени?

Где, спросил я.

– Прямо здесь, – ответил Тайлер. – И прямо сейчас.

Было шесть минут пятого.

Вскоре Тайлер уселся, скрестив ноги, в тени стоявших бревен. Посидел несколько минут, потом встал, искупался, натянул футболку и пошел прочь. Я должен был спросить, чем занимался Тайлер, пока я спал. Если бы я проснулся в другом месте и в другое время, был бы я другим человеком? Я спросил, не художник ли Тайлер. Он пожал плечами и показал, что пять стоявших бревен были толще у основания. Кивнул на линию, которую провел в песке, и объяснил, как использовал ее, чтобы измерить тень каждого бревна.

Иногда, проснувшись, ты вынужден спросить, где находишься.

Тайлер создал тень гигантской руки. Сейчас большой палец был слишком коротким, а прочие – длинными, как у вампира, но он заявил, что ровно в четыре тридцать рука была совершенна. Гигантская теневая рука была совершенна в течение одной минуты – и одну совершенную минуту Тайлер сидел на ладони созданного им совершенства.

Просыпаешься – и понимаешь, что ты нигде.

Одной минуты достаточно, сказал Тайлер, ради этого приходится потрудиться, однако минута совершенства того стоит. Мгновение – вот чего обычно ждешь от совершенства.

Просыпаешься – и этого достаточно.

Его звали Тайлер Дердан, он был киномехаником из профсоюза, а также официантом в отеле. Тайлер Дердан оставил мне свой телефонный номер.

Так мы познакомились.

Сегодня вечером здесь собрались все обычные мозговые паразиты. У «Выше и дальше» всегда большая аудитория. Это Питер. Это Альдо. Это Марси.

Привет.

Знакомьтесь, это Марла Сингер, сегодня она с нами в первый раз.

Привет, Марла.

В «Выше и дальше» мы начинаем с Новостей. Эта группа вовсе не посвящена паразитическим мозговым паразитам. Здесь никогда не услышишь слова «паразит». Всем становится только лучше. Ах, этот новый препарат. Все только что благополучно перенесли кризис. Однако повсюду – болезненный прищур пятидневной головной боли. Женщина вытирает невольные слезы. У всех есть бейджи, и люди, с кем ты встречаешься каждый четверг на протяжении года, подходят к тебе, протянув руку и не отрывая взгляда от твоего бейджа.

Вряд ли мы знакомы.

Никто никогда не произносит слова «паразит». Только «агент».

Они не говорят про «исцеление». Лишь про «лечение».

В ходе Новостей кто-нибудь рассказывает, как агент распространился на его позвоночник, и внезапно он утратил контроль над левой рукой. Кто-то повествует, как агент иссушил выстилку его головного мозга, и теперь мозг отстает от черепа, что вызывает судороги.

Во время моего последнего визита женщина по имени Хлоя озвучила единственную хорошую новость, которая у нее имелась. Она уперлась в деревянные подлокотники своего кресла, поднялась и заявила, что больше не боится смерти.

Сегодня, после знакомства и Новостей, незнакомая девушка, на бейдже которой написано «Гленда», заявляет, что она сестра Хлои и что в два часа ночи прошлого вторника Хлоя наконец скончалась.

Что за сладость. Два года Хлоя рыдала в моих объятиях во время обнимашек – а теперь она мертва, лежит в земле, в урне, в мавзолее, в колумбарии. Это свидетельство того, что сегодня ты еще думаешь и передвигаешь ноги – а завтра становишься холодным удобрением,

буфетом для червей. Таково удивительное чудо смерти, и каким бы оно было сладким, если бы не эта.

Марла.

О, Марла вновь смотрит на меня, вычленив из всех мозговых паразитов.

Лжец.

Притворщик.

Марла – притворщица. И ты тоже притворщик. Все вокруг, морщащиеся, и дергающиеся, и падающие на пол, кашляя, с потемневшей шириной, – все это одно большое представление.

Внезапно направленная медитация перестает работать. За каждой из семи дворцовых дверей – зеленой дверью, оранжевой – Марла. Синяя дверь – за ней стоит Марла. Лгунья. Когда медитация приводит нас в пещеру, мое тотемное животное – Марла. Курит сигарету, закатывает глаза. Обманщица. Черные волосы, пухлые французские губы. Притворщица. Губы темные, как итальянский кожаный диван. Тебе не скрыться.

Хлоя была настоящей. Напоминала скелет Джони Митчелл, который заставили улыбаться во время вечеринки, любезничая со всеми присутствующими. Представьте знаменитый скелет Хлои, размером с насекомое, бегущий по склепам и галереям ее внутренностей в два часа ночи. Пульс – сирена над головой, объявляет: приготовиться к смерти через десять, девять, восемь секунд. Смерть наступит через семь, шесть...

Ночью Хлоя бежала сквозь лабиринт собственных слипающихся вен и взрывала сосуды, разбрызгивавшие горячую лимфу. Нервы – как растяжки в тканях. Абсцессы набухали вокруг жаркими белыми жемчужинами.

Объявление: приготовьтесь очистить кишечник через десять, девять, восемь, семь...

Приготовьтесь катапультировать душу через десять, девять, восемь...

Хлоя шлепает по лодыжку в почечной жидкости из своих отказавших почек.

Смерть наступит через пять.

Пять, четыре.

Четыре.

Паразитическая жизнь малюет граффити на сердце.

Четыре, три.

Три, два.

Хлоя проворно карабкается по свернувшейся выстилке
собственного горла.

Смерть наступит через три, через две.

Лунный свет проникает в открытый рот.

Приготовьтесь к последнему вдоху.

Испражниться.

Сейчас.

Душе покинуть тело.

Сейчас.

Смерть наступит.

Сейчас.

О, как это должно быть сладко – вспоминать теплое смятение
Хлои в моих объятиях, когда она лежит где-то мертвая.

Но нет, за мной наблюдает Марла.

Во время направленной медитации я раскидываю руки, чтобы
принять своего внутреннего ребенка, и этот ребенок – Марла с
сигаретой. Никакого белого шара целительного света. Никаких чакр.
Представьте, что ваши чакры раскрываются, как цветы, и в середине
каждой – замедленный взрыв сладкого света.

Лгунья.

Мои чакры закрыты.

Когда медитация завершается, присутствующие потягиваются,
крутят головой и помогают друг другу подняться. Готовятся к
терапевтическому физическому контакту. Ради обнимашек я
приближаюсь к Марле. Она смотрит мне в лицо, а я гляжу на
остальных в ожидании сигнала.

А вот и он: давайте все обнимем того, кто рядом.

Мои руки смыкаются вокруг Марлы.

Выберите кого-то особенного, сегодня.

Руки Марлы прижаты к поясу.

Расскажите ему, что вы чувствуете.

У Марлы нет рака яичек. Нет туберкулеза. Она не умирает. Ладно,
по мнению всяких умников, мы все умираем, но Марла умирает не так,
как Хлоя.

А вот и сигнал: поделитесь друг с другом.

Ну что, Марла, как тебе яйца?

Раскройтесь полностью.

Вот что, Марла: выметайся. Выметайся. Выметайся.

Давай, поплачь, если хочешь.

Марла смотрит на меня. У нее карие глаза. Мочки ушей сморщились вокруг дырочек, в которых нет серег. Обветренные губы подернулись мертвой кожей.

Давай, поплачь!

– Ты тоже не умираешь, – произносит Марла.

Вокруг нас пары стоят и всхлипывают, прислонившись друг к другу.

– Если выдашь меня, я выдам тебя, – говорит она.

Тогда поделим группы, предлагаю я. Марла может забрать костные болезни, мозговых паразитов и туберкулез. Я оставлю себе рак яичек, паразитов крови и органический мозговой синдром.

– А что насчет рака восходящей ободочной кишки? – спрашивает Марла.

Девочка выполнила домашнее задание.

Ободочную кишку разделим. Она получит первое и третье воскресенье каждого месяца.

– Нет, – возражает Марла.

Она хочет все. Рак, паразитов. Глаза Марлы сужаются. Она и не мечтала, что ей будет так хорошо. Марла чувствует себя живой. Состояние ее кожи улучшилось. За всю жизнь она ни разу не видела покойника. Жизнь не имела смысла, потому что ее не с чем было сопоставить. А теперь у нее есть умирание, и смерть, и утрата, и скорбь. Рыдания и содрогания, ужас и сожаление. Теперь, зная, что ждет всех нас, Марла наслаждается каждым мгновением жизни.

Нет, она не уступит ни одной группы.

– Не собираюсь возвращаться к прежним ощущениям, – заявляет Марла. – Я работала в похоронном бюро, чтобы чувствовать себя хорошо, радоваться тому, что дышу. Какая разница, все равно по специальности я работу не нашла.

Тогда возвращайся в свое похоронное бюро, говорю я.

– Похороны – ничто по сравнению с этим, – объясняет Марла. – Похороны – абстрактная церемония. А здесь – реальный опыт смерти.

Пары вокруг нас утирают слезы, хлюпают носами, хлопают друг друга по спине и расслабляются.

Мы не можем ходить оба, говорю я.

– Тогда не ходи.

Мне это нужно.

– Тогда посещай похороны.

Все разомкнули объятия и берутся за руки для заключительной молитвы. Я выпускаю Марлу.

– Сколько ты сюда ходишь?

Заключительная молитва. Два года. Человек в молитвенном кружке берет меня за руку. Другой за руку Марлу. Обычно к началу молитвы я едва перевожу дух. Благослови нас. Благослови нас в нашем гневе и страхе.

– Два года? – шепчет она, наклонив голову.

Благослови и поддержи нас. Любой, кто мог обратить на меня внимание, за эти два года либо умер, либо выздоровел – и навсегда покинул группу. Помогите нам, помогите.

– Ладно, – кивает Марла, – можешь забирать рак яичек.

Большой Боб, Сырная Лепешка, обливающий меня слезами. Спасибо. Приведи нас к нашей судьбе. Приведи нас к покою.

– Не стоит благодарности.

Так я встретил Марлу.

Охранник-оперативник все объяснил мне.

Носильщики могут не обратить внимания на тикающий чемодан. Этот охранник называл носильщиков кидалами. Современные бомбы не тикают. Однако, если чемодан вибрирует, носильщики – кидалы – должны вызвать полицию.

Я начал жить с Тайлером, потому что большинство авиакомпаний ввели это правило насчет вибрирующего багажа.

На обратный рейс из Даллеса я положил все в сумку. Когда много путешествуешь, быстро учишься паковать одно и то же в каждую поездку. Шесть белых рубашек. Двое черных брюк. Необходимый для выживания минимум.

Компактный будильник.

Беспроводная электробритва.

Зубная щетка.

Шесть трусов.

Шесть пар черных носков.

Если верить охраннику-оперативнику, при вылете из Даллеса мой багаж вибрировал, и полиция сняла его с рейса. В той сумке было все. Средства для контактных линз. Красный галстук с синими полосками. Синий галстук с красными полосками. Это должностные полоски, не клубные. И один чисто красный галстук.

Список всех этих вещей раньше висел на двери моей спальни, у меня дома.

Дом представлял собой кондоминиум на пятнадцатом этаже небоскреба, нечто вроде картотеки для вдов и молодых специалистов. Рекламная брошюра обещала фут бетонного пола, потолка и стены между мной и соседней стереосистемой или телевизором. Фут бетона и кондиционер, окна открывать нельзя, поэтому даже с кленовым настилом и регуляторами освещенности все семнадцать сотен воздухо непроницаемых квадратных футов пахли твоей последней готовкой или последним посещением сортира.

И не забудьте разделочные столешницы и низковольтные светильники.

Однако фут бетона – это важно, когда у соседки садятся батарейки в слуховом аппарате, и ей приходится смотреть телеигру со звуком на полную мощь. Или вулканический взрыв горящего газа и мусора, бывших гостинной и личными вещами, выбивает панорамные окна и вырывается пылающим факелом наружу, превращая вашу – и только вашу – квартиру в выпотрошенную, обугленную бетонную дыру в скальной стене здания.

Такое случается.

Все, включая ваш комплект зеленых стеклянных тарелок ручной работы, с крошечными пузырьками, неровностями и песчинками, доказывающими, что их изготовили честные, простые, трудолюбивые аборигены какой-то местности, разлетается вдребезги. Представьте, как длинные шторы выпархивают наружу и сгорают дотла на жарком ветру.

В пятнадцати этажах над городом все это горит, бьется и осыпается на проезжающие мимо машины.

Пока я, погрузившись в сон, лечу на запад на 0.83 Махах, или 455 милях в час, истинной воздушной скорости, ФБР обезвреживает мой багаж на освобожденной полосе в Даллесе. В девяти случаях из десяти, объясняет охранник-оперативник, вибрация вызвана электробритвой. Это была моя беспроводная электробритва. В десятом случае – вибратор.

Это мне рассказал охранник-оперативник. В пункте назначения, откуда я без багажа отправился домой на такси – и обнаружил на земле обрывки своих фланелевых простыней.

Представьте, говорит охранник, каково это – сообщать пассажирке по прибытии, что из-за вибратора ее багаж остался на Восточном побережье. А иногда и пассажиру. Политика авиакомпании не позволяет строить предположения о владельце вибратора. Избегайте определенности.

Некий вибратор.

А не ваш.

Никогда не говорите, что вибратор случайно включился.

Вибратор активировался и создал аварийную ситуацию, для решения которой потребовалось снять с рейса ваш багаж.

Когда я проснулся для пересадки в Стейплтоне, шел дождь.

Когда я проснулся в своем аэропорту, шел дождь.

По громкой связи нам предложили осмотреть сиденья на предмет забытых личных вещей. Затем по громкой связи назвали мое имя. Не могу ли я встретиться с представителем авиакомпании, который ждет меня у выхода?

Я перевел часы на три часа назад – и все равно было уже за полночь.

У выхода меня ждал представитель авиакомпании вместе с охранником-оперативником, чтобы сообщить: ха, из-за вашей электробритвы ваш багаж остался в Даллесе. Охранник назвал носильщиков кидалами. Потом обозвал мошенниками. Желая продемонстрировать, что могло быть хуже, он сказал: но это хотя бы не вибратор. А потом, может, потому, что мы оба были парнями и был уже час ночи, а может, чтобы развеселить меня, охранник поведал: на рабочем сленге стюардесс называют воздушными официантками. Или воздушными шлюшками. Охранник был одет как пилот: белая рубашка с маленькими эполетами и синий галстук. Мой багаж досмотрели и доставят на следующий день, сообщил он.

Охранник уточнил мое имя, адрес и номер телефона, а потом спросил, в чем разница между презервативом и кабиной.

– В презерватив входит только один член, – объяснил он.

Последние десять баксов я потратил на такси до дома.

Местная полиция тоже задавала много вопросов.

Мою электробритву, которая не являлась бомбой, по-прежнему отделяло от меня три часовых пояса.

Нечто, что было бомбой – большой бомбой, – взорвало мои изящные кофейные столики «Ньоронда» в форме лаймово-зеленой инь и оранжевого ян, которые вместе образовывали круг. Теперь они превратились в щепки.

Мой мягкий уголок «Хапаранда» с оранжевыми чехлами (дизайн Эрики Пеккари) стал грудой мусора.

Не я один пал жертвой гнездового инстинкта. Я знаю людей, которые раньше сидели в сортире с порнушкой, а теперь – с каталогом «ИКЕА».

У всех нас одинаковые кресла «Йоханнесхов» с обивкой «Стринне» в зеленую полоску. Мое пролетело пятнадцать этажей, пылая, и приземлилось в фонтан.

У всех нас одинаковые абажуры «Рислампа-Хар», сделанные из проволоки и экологически чистой небеленой бумаги. Мои пошли на конфетти.

Все это время, что я провел в сортире.

Столовые приборы «Алле». Нержавеющая сталь. Можно мыть в посудомоечной машине.

Настенные часы «Вильд» из оцинкованной стали. Без них я бы не выжил.

Стеллажи «Клипск».

Шляпные картонки «Хемлиг».

Всем этим была засыпана улица рядом с моим небоскребом.

Комплект пододеяльников «Моммала». Дизайн Томаса Харила, доступны в следующих расцветках: орхидея, фуксия, кобальт, черное дерево, гагат, яичная скорлупа или вереск.

Я покупал эти вещи всю жизнь.

Легкий в уходе текстурированный лак на журнальных столиках «Каликс».

Мои вложенные столы «Стег».

Вы покупаете мебель. Говорите себе: это последний диван, какой мне понадобится в жизни, и несколько лет испытываете удовлетворение оттого, что при любом раскладе вопрос с диваном решен. Затем приобретаете набор тарелок. Вскоре – великолепную кровать. Шторы. Коврик. А потом становитесь пленником своего уютного гнездышка, и вещи, которыми раньше владели вы, теперь владеют вами.

Так было, пока я не вернулся домой из аэропорта.

Привратник возник из тени и сообщил: произошел несчастный случай. Приезжала полиция, задавала много вопросов.

Полиция считает, может, это был газ. Запал на плите потух, или конфорка была открыта, газ сочился из нее и поднимался к потолку, пока не заполнил квартиру. Площадь квартиры с высокими потолками составляла семнадцать сотен квадратных футов, и на протяжении многих дней газ сочился и сочился, пока не заполнил все комнаты от пола до потолка. В компрессоре в основании холодильника проскочила искра. Детонация. Панорамные окна в алюминиевых рамах вылетели, диваны, лампы, тарелки и постельное белье полыхнули, а вместе с

ними школьные ежегодники, дипломы и телефон. Все это солнечной вспышкой вырвалось наружу с пятнадцатого этажа.

Нет, только не мой холодильник. Я заставил полки разными горчицами – молотыми и в стиле английского паба. Там было четырнадцать сортов обезжиренной салатной заправки и семнадцать видов каперсов.

Знаю, знаю, куча приправ и никакой нормальной еды.

Привратник высморкался, и что-то смачно шлепнулось в его носовой платок, словно мяч в перчатку кэтчера.

Вы можете подняться на пятнадцатый этаж, сказал он, но в квартиру заходить нельзя. Полиция запретила. Она интересовалась, не имелось ли у меня бывшей подружки, которая могла учинить такое, или не нажил ли я себе врагов, имевших доступ к динамиту.

– Нет смысла подниматься, – добавил привратник. – Осталась лишь бетонная коробка.

Полиция не исключала поджог. Никто не ощутил запаха газа. Привратник вскинул бровь. Парень коротал время, заигрывая с горничными и нянями из больших квартир на верхнем этаже, сидевшими в холле в ожидании транспорта после работы. Я прожил здесь три года – а привратник по-прежнему каждый вечер читал свой журнал «Эллери Куин», пока я жонглировал сумками и свертками, чтобы открыть парадную дверь и войти.

Привратник сказал что-то насчет людей, которые уезжают надолго и оставляют горящую свечу, длинную-предлинную, в луже бензина. Обычно так поступают люди с финансовыми проблемами. Желаящие с ними разобраться.

Я попросил разрешения воспользоваться телефоном в холле.

– Многие молодые люди стараются произвести впечатление и покупают слишком много вещей, – заметил привратник.

Я набрал номер Тайлера.

На Пейпер-стрит, в доме, который снимал Тайлер, зазвонил телефон.

О Тайлер, прошу, избавь меня.

Телефон звонил.

Привратник навалился на мое плечо и сказал:

– Многие молодые люди понятия не имеют, чего хотят на самом деле.

О Тайлер, прошу, спаси меня.

Телефон звонил.

– Эти молодые люди думают, будто хотят весь мир.

Избавь меня от шведской мебели.

Избавь от высокоинтеллектуального искусства.

Телефон зазвонил снова, и Тайлер ответил.

– Если не знаешь, чего хочешь, получишь много того, чего не желаешь, – заявил привратник.

Пусть я никогда не буду полноценным.

Никогда не буду удовлетворенным.

Никогда не буду совершенным.

Избавь меня, Тайлер, от совершенства и полноценности.

Мы с Тайлером договорились встретиться в баре.

Привратник спросил, по какому телефону со мной сможет связаться полиция. На улице по-прежнему шел дождь. Моя «ауди» стояла на парковке, и из ее лобового стекла торчал галогеновый торшер «Дакапо».

Мы с Тайлером встретились и выпили много пива, и Тайлер сказал: да, я могу пожить у него, но мне придется сделать ему одолжение.

На следующий день прибудет мой багаж с необходимым минимумом: шесть рубашек, шесть трусов.

Пьяный, в баре, где никто не обращал на нас внимания и всем было безразлично, я спросил у Тайлера, чего он хочет.

– Хочу, чтобы ты ударил меня как можно сильнее, – ответил Тайлер.

На втором слайде моей презентации для «Майкрософт» я ощущаю вкус крови и сглатываю. Мой босс не знаком с материалом, но не может позволить мне выступать с подбитым глазом и лицом, наполовину раздувшимся от швов на внутренней стороне щеки. Швы разошлись, я чувствую их языком. Представьте спутанную рыболовную леску на берегу. Я представляю черные стежки на кастрированной собаке и продолжаю глотать кровь. Босс готовит презентацию по моему сценарию, а я управляю проектором, чтобы держаться у стены, в темноте.

Я пытаюсь слизать кровь, и мои губы становятся липкими. Когда включится свет, я повернусь к консультантам Эллен, Уолтеру, Норберту и Линде из «Майкрософта» и скажу: спасибо, что пришли. Мой рот будет блестеть от крови, она просочится в щели между зубами.

Можно проглотить пинту крови, потом станет дурно.

Завтра бойцовский клуб, и я его не пропущу.

Перед презентацией Уолтер из «Майкрософта» улыбается своей похожей на паровую лопату маркетинговой челюстью, загорелой, цвета запеченного картофеля. Уолтер обхватывает мою ладонь своей гладкой, мягкой рукой с кольцом-печаткой на пальце и говорит:

– Не хотел бы я видеть, что стало с другим парнем.

Первое правило бойцовского клуба: бойцовский клуб не обсуждают.

Я объясняю Уолтеру, что упал.

Сам виноват.

Перед презентацией, когда я сижу напротив босса и рассказываю ему, как соотнести слайды с докладом и где будет видео, босс спрашивает:

– Чем ты занимаешься в выходные дни?

Просто не хочу умереть без единого шрама, отвечаю я. Красивым телом больше никого не удивишь. Глядя на девственные машины 1955 года, словно прямиком из салона, я всегда думаю: жизнь впустую.

Второе правило бойцовского клуба: бойцовский клуб не обсуждают.

Может, за ленчем к твоему столику подойдет официант с двумя подбитыми глазами большой панды. На прошлой неделе ты видел его в бойцовском клубе, с головой, зажатой между бетонным полом и коленом двухсотфунтового складского рабочего, что колотил кулаком по переносице снова и снова, с глухим, резким звуком, слышным даже за ревом толпы, пока официант не отдышался и не выплюнул кровью: хватит.

Ты молчишь, потому что бойцовский клуб существует только от открытия до закрытия.

Вот паренек из копировального центра. Месяц назад ты видел его. Он не может запомнить, что нужно пробить в заказе три дырки или поместить цветные прокладочные листы между стопками копий, однако десять минут этот паренек был богом, когда вышибал дух из сотрудника по связям с клиентами, а потом уселся сверху и колотил его, пока не пришлось остановиться. Это третье правило бойцовского клуба: когда кто-то просит остановиться или теряет сознание – хотя бы делает вид, – бой заканчивается. Видя этого паренька, ты не можешь сказать ему, каким классным был тот бой.

В каждом бою – только два человека. По одному бою за раз. Дерутся без рубашек и туфель. Бой продолжается столько, сколько нужно. Вот остальные правила бойцовского клуба.

Парни в бойцовском клубе и в реальном мире – разные люди. Даже если ты похвалишь паренька из копировального центра, что он хорошо дрался, это будет другой человек.

Мой босс не знает, что я за человек в бойцовском клубе.

После ночи в бойцовском клубе все в реальном мире приглушается. Ничто не может вывести тебя из равновесия. Твое слово – закон, и если люди нарушают его или допрашивают тебя, даже это не может поколебать твоего спокойствия.

В реальном мире я – координатор кампании по отзыву, в рубашке и при галстукe, сижу в темноте со ртом, полным крови, и меняю слайды, пока босс рассказывает «Майкрософту», почему выбрал для иконки именно этот бледно-васильковый оттенок.

На первом собрании бойцовского клуба нас было всего двое: мы с Тайлером колотили друг друга.

Раньше мне хватало того, что, придя домой злым, понимая, что жизнь не укладывается в мой пятилетний план, я мог убрать квартиру или вымыть машину. Когда-нибудь я умру без единого шрама, и после меня останутся милые квартирка и автомобиль. Очень, очень милые, пока не осядет пыль или не объявится новый владелец. Нет ничего вечного. Даже «Мона Лиза» разваливается на кусочки. После бойцовского клуба у меня шатается половина зубов.

Может, выход не в саморазвитии.

Тайлер никогда не знал своего отца.

Может, выход в саморазрушении.

Мы с Тайлером по-прежнему вместе ходим в бойцовский клуб. Теперь он собирается в подвале бара, в субботу ночью, после закрытия, и каждую неделю там все больше парней.

Тайлер встает под единственной лампочкой в середине черного бетонного подвала, и ее свет мерцает в темноте, отражаясь в сотнях пар глаз. Тайлер кричит:

– Первое правило бойцовского клуба! Бойцовский клуб не обсуждают! Второе правило бойцовского клуба! Бойцовский клуб не обсуждают!

Лично я знал своего папашу на протяжении лет шести, но ничего не помню. Каждые шесть лет мой папочка заводит новую семью в новом городе, словно это его работа.

В бойцовский клуб ходит поколение мужчин, воспитанных женщинами.

Тайлер стоит под одинокой лампочкой в послеполуночной тьме подвала и перечисляет другие правила: два человека на бой, один бой за раз, никаких туфель и рубашек, бой продолжается столько, сколько нужно.

– А седьмое правило заключается в том, – добавляет Тайлер, – что если ты впервые в клубе, то должен драться!

Бойцовский клуб – это не футбол по телевизору. Ты не смотришь на кучку незнакомцев, которые за полмира от тебя колотят друг друга, по спутнику с двухминутной задержкой, рекламой пива раз в десять минут и перерывами на поиск станции. После того как побываешь в бойцовском клубе, наблюдать футбол по телевизору – все равно что глядеть порнушку, когда можешь отлично потрахаться.

Бойцовский клуб заставляет ходить в спортзал, коротко стричь волосы и ногти. В спортзале полно парней, они пытаются быть мужчинами, словно быть мужчиной означает выполнять капризы скульптора или художника-постановщика.

Как говорит Тайлер, у них даже сопли прокачанные.

Мой отец не учился в колледже, поэтому я должен был его окончить. Потом я позвонил ему по межгороду и поинтересовался: что дальше?

Папаша не знал.

Когда я устроился на работу и мне стукнуло двадцать пять лет, я по межгороду спросил: что дальше? Папочка тоже не знал, поэтому ответил: женись.

Теперь я тридцатилетний старикан и не уверен, что женщина – ответ на мои вопросы.

То, что происходит в бойцовском клубе, не имеет отношения к словам. Кому-то нужно драться каждую неделю. На этой неделе Тайлер заявляет: пускаем первых пятьдесят – и все. Достаточно.

На прошлой неделе я выбрал парня, и мы с ним записались на бой. Наверное, у него выдалась скверная неделя, потому что он ухватил мою голову двойным нельсоном и колотил меня лицом по бетону, пока я зубами не прокусил себе щеку изнутри, а глаз не заплыл и не начал кровоточить. Я сказал: хватит – и смог полюбоваться кровавым отпечатком половины собственного лица на полу.

Тайлер встает рядом со мной, мы оба глядим на большую «О» моего рта посреди кровавой лужи и маленькую прорезь глаза, уставившуюся на нас с пола.

– Круто! – восклицает Тайлер.

Яжимаю парню руку и говорю: хороший бой.

– Как насчет следующей недели? – спрашивает он.

Пытаюсь улыбнуться распухшими губами и отвечаю: взгляни на меня. Как насчет следующего месяца?

Нигде не чувствуешь себя таким живым, как в бойцовском клубе. Когда ты один на один с другим парнем, под единственной лампочкой, в окружении внимательной толпы. Суть бойцовского клуба – не в том, чтобы выиграть или проиграть. Ее нельзя выразить словами. Ты наблюдаешь, как парень приходит в клуб в первый раз, и его задница напоминает буханку белого хлеба. Видишь этого же парня через шесть

месяцев – он словно вырезан из дерева. Он верит, что справится с чем угодно. В бойцовском клубе пыхтят и фыркают, как в спортзале, но суть не в том, чтобы хорошо выглядеть. Там истерически кричат на непонятных языках, словно в церкви, и, проснувшись воскресным днем, ты чувствуешь себя спасенным.

После моего последнего боя парень, с которым я дрался, вымыл пол, пока я звонил в страховую компанию, чтобы сообщить о намечающемся визите в травмопункт. В больнице Тайлер объясняет, что я упал.

Иногда Тайлер говорит за меня.

Я сам сделал это с собой.

Бойцовский клуб не обсуждают, потому что он существует всего пять часов, с двух ночи до семи утра воскресенья.

Когда мы с Тайлером создали бойцовский клуб, ни один из нас прежде не дрался. Если ты никогда не дрался, тебе интересно. Покалечат ли тебя? Что ты способен сотворить с другим человеком? Я был первым, кого Тайлер решился спросить об этом. Мы оба достаточно выпили в баре, где всем было безразлично, и Тайлер сказал:

– Хочу, чтобы ты сделал мне одолжение. Ударил меня как можно сильнее.

Я отказался, но Тайлер все мне объяснил. Рассказал, что не желает умирать без шрамов, устал смотреть профессиональные бои и хочет узнать больше про самого себя.

Про саморазрушение.

В то время моя жизнь казалась чересчур полноценной, и, может, нужно разбить себя вдребезги, чтобы стать чем-то лучшим.

Я огляделся и кивнул: ладно. Но снаружи, на парковке.

Мы вышли на улицу, и я спросил, куда Тайлер хочет получить – в лицо или в живот.

– Удиви меня, – предложил Тайлер.

Я сказал, что прежде никого не бил.

– Так дай себе волю, – посоветовал он.

Закрой глаза, попросил я.

– Нет, – возразил Тайлер.

Как любой парень в свою первую ночь в бойцовском клубе, я сделал глубокий вдох и ударил Тайлера кулаком наотмашь, целясь в

челюсть, словно в фильме про ковбоев. Мой кулак врезался ему в шею.

Черт, сказал я, это не считается. Хочу попробовать еще раз.

– Нет, считается!

Тайлер врезал мне, точно боксерской перчаткой на пружинке, как в утренних субботних мультиках. Попал прямо в середину грудной клетки, и я опрокинулся на машину. Мы стояли – Тайлер потирал сбоку шею, я прижимал руку к груди, – и оба понимали, что оказались там, где никогда прежде не были. Подобно кошке и мышке в мультиках, мы оба остались живы и хотели узнать, как далеко сможем зайти и не умереть.

– Круто, – произнес Тайлер.

Ударь меня еще раз, сказал я.

– Нет, ты меня!

Я ударил его, девчачьим широким замахом, прямо под ухо, а Тайлер оттолкнул меня и врезал каблуком мне в живот. То, что случилось дальше, нельзя выразить словами. Бар закрылся, а посетители вышли на парковку, окружили нас и начали вопить.

Я наконец почувствовал, что могу починить все, что не работает в этом мире; справиться с рубашками, которые вернулись из прачечной без пуговиц на воротничке; с банком, заявляющим, будто я задолжал сотни долларов. Моей работой, где босс влез в мой компьютер и напортачил с командами ДОС. И Марлой Сингер, которая украла у меня группы поддержки.

Когда бой заканчивался, проблемы оставались, но больше не имели значения.

Первый наш бой состоялся воскресной ночью. Тайлер все выходные не брился, и я оцарапал костяшки о его щетину. Мы лежали на спине на парковке, глядя на единственную звезду, которая пробилась сквозь уличные огни, и я спросил Тайлера, с чем он дерется.

С отцом, ответил Тайлер.

Может, нам не нужен отец, чтобы стать полноценными. В драках в бойцовском клубе нет ничего личного. Ты дерешься, чтобы драться. Бойцовский клуб не обсуждают – но мы обсуждали, и позднее парни собирались на парковке после закрытия бара, а когда похолодало, другой бар предложил нам подвал, где мы теперь собираемся.

Когда клуб собирается, Тайлер излагает правила, которые мы с ним придумали.

– Большинство из вас, – кричит он в световом конусе, в центре забитого мужчинами подвала, – пришли сюда, потому что кто-то нарушил правила! Кто-то рассказал вам про бойцовский клуб! Перестаньте болтать языком, – добавляет Тайлер, – иначе вам придется основать новый бойцовский клуб. На следующей неделе вы будете записываться, и только первые пятьдесят попадут внутрь. Если попали внутрь, сразу договаривайтесь насчет боя. Если не желаете драться, другие хотят, так что лучше вам сидеть дома.

– Если это ваша первая ночь в бойцовском клубе, – кричит Тайлер, – вам придется драться!

Большинство парней приходят в бойцовский клуб, потому что слишком боятся чего-то, чтобы драться. После нескольких боев боишься намного меньше.

Многие хорошие друзья познакомились в бойцовском клубе. Я езжу на встречи и переговоры и вижу лица за переговорными столами – бухгалтеров, младших менеджеров, поверенных со сломанными носами, расплывшимися под повязкой, словно баклажан, или парой швов под глазом, или зафиксированной нижней челюстью. Это тихие молодые люди, которые слушают, пока не придет пора решать.

Мы киваем друг другу.

Позднее босс интересуется, откуда я знаю этих людей. По мнению моего босса, в бизнесе все меньше джентльменов и больше отморозков.

Презентация продолжается.

Уолтер из «Майкрософта» притягивает мой взгляд. Молодой парень с ровными зубами, чистой кожей и работой, о которой следует написать в вестник выпускников. Он слишком молод, чтобы успеть повоевать, и если его родители не разведены, то отец никогда не бывает дома. Вот я перед ним: половина лица выбрита, на другой половине горит скрытый темнотой фингал. На губах блестит кровь. И, может, Уолтер думает о пресном, нудном обеде, на котором был в прошлый выходной, или озоновой дыре, или отчаянной необходимости прекратить жестокие испытания на животных. А может, и нет.

Однажды утром я вижу использованный презерватив, дохлой медузой плавающий в унитазе.

Так Тайлер встретил Марлу.

Я встал, чтобы отлить, а там, на фоне грязевых пещерных рисунков на мраморе унитаза, – это. Интересно, что думает сперма?

Где я?

Это и есть вагинальный склеп?

Что здесь происходит?

Всю ночь мне снится, как я трахаю Марлу Сингер. Марлу Сингер, которая курит сигарету. Марлу Сингер, которая закатывает глаза. Я просыпаюсь один в своей постели – и дверь в комнату Тайлера закрыта. Тот никогда не закрывает дверь в свою комнату. Всю ночь лил дождь. Черепица на крыше выгибается, сворачивается, вода проникает в дом, скапливается на потолочной штукатурке и стекает по осветительной арматуре.

Во время дождя приходится выкручивать пробки. Включать свет опасно. В доме, который снимает Тайлер, три этажа и подвал. Мы ходим со свечами. Там есть кладовки, затянутые сеткой веранды, где можно спать, и витражные окна на лестничной клетке. В гостиной – эркеры с банкетками. Лакированные резные плинтусы высотой восемнадцать дюймов.

Вода просачивается в дом, и все деревянные предметы разбухают или съеживаются, а вбитые в них гвозди – в полах, плинтусах и оконных рамах – вылезают и покрываются ржавчиной. Повсюду ржавые гвозди – на них наступаешь, их цепляешь локтем, – а на семь спален – всего одна ванная, и теперь в ней использованный презерватив.

Дом ждет чего-то – районирования или утверждения завещания; потом его снесут. Я спросил Тайлера, сколько он здесь живет, и он ответил: недель шесть. Раньше у дома был владелец, который всю жизнь собирал «Нэшнл джиографик» и «Ридерз дайджест». Высоченные шаткие стопки журналов растут с каждым дождем. Тайлер говорит, последний жилец делал из глянцевых страниц

конвертики для кокаина. Парадная дверь не запирается – выбита то ли полицией, то ли еще кем-то. Стены столовой покрыты девятью слоями обоев: цветы под полосками, под цветами, под птицами, под стеклотканью.

Единственные наши соседи – закрытая автомастерская, и на противоположной стороне улицы – склад длиной с квартал. В доме имеется чулан с семифутовыми валиками для прокатывания камчатных скатертей, чтобы не мялись. Есть обитый кедровым деревом охлаждаемый гардероб для мехов. Плитка в ванной расписана крошечными цветочками, изящней свадебного фарфора, а в унитазе плавает использованный презерватив.

Я живу с Тайлером около месяца.

Я – Белые Костяшки Джо.

Как он мог устоять? Прошлой ночью Тайлер сидел в одиночестве и вставлял половые органы в «Белоснежку».

Куда мне бороться за внимание Тайлера!

Я – Гневное, Распаленное Отвергнутое Чувство Джо.

Это моя вина. Тайлер говорит, что, когда прошлой ночью я лег спать, а он вернулся со своей официантской смены, из отеля «Риджент» снова позвонила Марла. Это оно, сказала Марла. Туннель, свет в конце туннеля. Смерть оказалась такой замечательной, что она желала поведать мне, как вышла из тела и воспарила.

Марла не знала, сможет ли ее дух воспользоваться телефоном, однако хотела, чтобы кто-нибудь хотя бы услышал ее последний вздох.

Но нет, трубку снял Тайлер – и понял все неправильно.

Они ни разу не встречались, и он решил, будто смерть Марлы – это плохо.

Ничего подобного.

Это вообще не касается Тайлера, однако он звонит в полицию – и мчится в отель «Риджент».

И теперь, согласно древней китайской традиции, о которой нам поведало телевидение, Тайлер всегда будет в ответе за Марлу, потому что спас ей жизнь.

Если бы я потратил несколько минут и отправился посмотреть на кончину Марлы, ничего этого не произошло бы.

Тайлер рассказывает, что Марла живет в номере 8 «G», на верхнем этаже отеля: восемь лестничных пролетов и дальше по коридору с

несущимся из-за дверей закадровым телевизионным смехом. Каждые две секунды вскрикивает актриса или орут под стрекот пуль гибнущие актеры. Тайлер добирается до конца коридора и не успевает постучать, как худющая желтоватая рука выстреливает из-за двери комнаты 8 «G», хватая его за запястье и затаскивает в номер.

Я прячусь за «Ридерз дайджестом».

Марла втягивает Тайлера в номер, и он слышит визг тормозов и вой сирен на улице перед отелем. Видит на комодке вибратор, изготовленный из мягкой розовой пластмассы, из какой делают кукол Барби, и на мгновение представляет миллионы литых пупсов, и Барби, и вибраторов, выползающих с одного конвейера на Тайване.

Марла замечает, что Тайлер смотрит на ее вибратор, закатывает глаза и объясняет:

– Не бойся. Он для тебя не опасен.

Она выталкивает его в коридор и говорит: ей очень жаль, но ему не следовало звонить в полицию, которая, похоже, уже подъехала.

В коридоре Марла запирает дверь номера 8 «G» и гонит Тайлера к лестнице. На лестнице они прижимаются к стене, когда мимо проносятся полицейские и спасатели с кислородным баллоном, на ходу спрашивая, где здесь номер 8 «G». Марла показывает на дверь в конце коридора.

Она сообщает полиции, что девица из 8 «G» раньше была очень милой, но теперь это чудовище, настоящая сука. Эта девка – заразные людские отходы, она запуталась и боится сделать что-нибудь неправильное, а потому не делает ничего.

– Девица из восемь-джи не верит в себя! – кричит Марла. – Боится, что чем дальше, тем меньше у нее будет вариантов!

– Удачи! – кричит Марла.

Полиция толпится у запертой двери 8 «G», а Марла с Тайлером торопятся в холл. У них за спиной полицейский орет под дверью:

– Разрешите вам помочь! Мисс Сингер, вы должны жить! Просто впустите нас, Марла, и мы поможем вам решить ваши проблемы!

Марла с Тайлером выбегают на улицу. Тайлер заталкивает Марлу в такси, а высоко над землей, на восьмом этаже отеля, за окнами ее номера мечутся тени.

Когда они оказываются на автостраде, с огнями, другими машинами и шестью полосами трафика, несущимися к точке на

горизонте, Марла просит Тайлера не давать ей уснуть до утра. Если она уснет, ей конец.

Много людей желают ей смерти, объясняет Марла. Эти люди мертвы, уже на другой стороне, и по ночам звонят ей по телефону. Она идет в бар и слышит, как бармен выкрикивает ее имя, а когда снимает трубку, в ней – мертвая тишина.

Почти всю ночь Тайлер с Марлой не спали в соседней комнате. Когда Тайлер проснулся, Марла уже сбежала обратно в отель.

Я говорю Тайлеру: Марле Сингер не нужен любовник, ей нужна патронажная сестра.

– Не называй это любовью, – отвечает он.

Короче, теперь Марла взялась за еще одну часть моей жизни. В колледже я заводил друзей. Они – жен. Я лишился друзей.

Отлично.

Замечательно, говорю я.

Какие-то проблемы? – спрашивает Тайлер.

Я – Сжатые Кишки Джо.

Нет, говорю я, все нормально.

Приставляю пистолет к голове и украшаю стену своими мозгами.

Все отлично, говорю я. Правда.

Босс отправляет меня домой, потому что мои брюки испачканы засохшей кровью, и я очень рад.

Дыра в щеке не заживает. Я иду на работу, и мои подбитые глазницы напоминают два раздутых черных бублика вокруг крошечных анусов, сквозь которые мне полагается видеть. До сегодняшнего дня меня возмущало, что я превратился в такого невозмутимого мастера дзен, а никто ничего не заметил. Однако я шлю ФАКСЫ. Сочиняю ХОККУ и рассылаю всем по ФАКСУ. На работе, встречаясь в коридоре с коллегами, излучаю дзен прямо в их враждебные ЛИЧИКИ.

Рабочие пчелы могут уйти.
Даже трутень может прочь улететь.
Матка в рабстве у них.

Расстаешься со своим бранным имуществом и машиной и переселяешься в съемный дом в ядовитой, злочной части города, где по ночам слушаешь, как Марла с Тайлером обзывают друг друга человеческой подтиркой.

Получи, человечья подтирка.
Подтирка, давай.
Терпи и не рыпайся, детка.

По контрасту я – невозмутимый центр вселенной.

С заплывшими глазами и черными хлопьями сухих кровавых пятен на брюках я говорю всем на работе: ПРИВЕТ! ПРИВЕТ! Взгляните на меня. ПРИВЕТ! Я ДЗЕН. Это КРОВЬ. Это НИЧТО. Привет. Все вокруг – ничто, и до чего же круто быть ПРОСВЕТЛЕННЫМ. Как я.

Эх.

Смотри. За окном. Птица.
Босс спросил: это твоя кровь?
Птица летит по ветру. Мысленно я пишу хокку.

Лишившись гнезда,
Птица мир домом зовет
Жизнь – дело твое.

Считаю на пальцах: пять, семь, пять. Моя ли кровь? Да, говорю я. Отчасти. Это неправильный ответ. Будто это имеет значение. У меня двое черных брюк. Шесть белых рубашек. Шесть трусов. Абсолютный минимум. Я хожу в бойцовский клуб. Такое бывает.

– Иди домой, – говорит босс. – Переоденься.

Я начинаю гадать: не один и тот же человек Тайлер с Марлой? Не считая траха, каждую ночь в комнате Марлы.

Где они делают это.

Делают это.

Делают это.

Тайлер с Марлой никогда не бывают в одной комнате. Я не вижу их вместе. Однако никто никогда не видел меня вместе с Жа Жа Габор^[11], но это не означает, что мы – один и тот же человек. Просто Тайлер не появляется, когда поблизости Марла.

Чтобы я смог постирать брюки, Тайлеру придется показать мне, как делать мыло. Он наверху, в кухне пахнет гвоздикой и паленым волосом. Марла – за кухонным столом, прижигает внутреннюю часть своей руки кретеком^[12] и обзывает себя человеческой подтиркой.

– Я принимаю свое гноящееся, больное разложение, – говорит Марла вишенке на конце сигареты. Она вкручивает сигарету в мягкое белое подбрюшье своей руки. – Гори, ведьма, гори.

Тайлер – наверху в моей комнате, разглядывает зубы в зеркале. Он сообщает, что нашел мне место банкетного официанта, на полставки.

– В отеле «Прессмэн», если сможешь работать по вечерам. Это распалит твою классовую ненависть.

Хорошо, киваю я, как скажешь.

– Тебя заставят носить черную бабочку, – добавляет Тайлер. – Для работы понадобятся только белая рубашка и черные брюки.

Мыло, Тайлер, говорю я, нужно приготовить мыло. Мне надо постирать брюки.

Я держу ноги Тайлера, пока он качает пресс.

– Чтобы сделать мыло, сначала нужно получить жир. – Тайлер набит полезной информацией.

Не считая траха, Марла и Тайлер никогда не бывают вместе в одной комнате. Если Тайлер поблизости, Марла игнорирует его. Знакомая история.

– Глубокий сон, в духе «Долины кукол»^[13]! Где даже любящий человек, готовый спасти тебе жизнь, все равно тебя убивает. – Марла смотрит на меня так, словно это я трахаю ее, и говорит: – Мне с тобой не победить, верно?

Она идет к задней двери, напевая жутковатую песенку из «Долины кукол», а я таращусь ей вслед.

Одно, два, три мгновения тишины – и Марла целиком покидает комнату.

Оборачиваюсь – и возникает Тайлер.

– Ты от нее избавился? – спрашивает он.

Ни звука, ни запаха. Тайлер просто возникает.

– Сначала, – говорит он, кидаясь от кухонной двери к морозилке, – нам нужно добыть жир.

Что до моего босса, говорит Тайлер, если я действительно зол, то мне следует пойти на почту, заполнить бланк по смене адреса и перенаправить всю его корреспонденцию в Рагби, штат Северная Дакота.

Тайлер принимается вытаскивать пакеты для сэндвичей с замороженной белой субстанцией и швырять их в раковину. Я должен поставить на плиту большую кастрюлю и почти доверху наполнить ее водой. Если воды будет слишком мало, топленый жир потемнеет.

– В этом жире полно соли, так что чем больше воды, тем лучше, – объясняет Тайлер.

Помести жир в воду и доведи воду до кипения.

Тайлер выдавливая белую массу из каждого пакета в воду, а потом запикивает пустые пакеты на самое дно мусорного ведра.

– Включи воображение, – говорит он. – Вспомни чушь, которой учат бойскаутов. Вспомни химию в старших классах.

Трудно представить Тайлера бойскаутом.

Вот еще что можно сделать, говорит он. Как-нибудь ночью подъехать к дому твоего босса и прицепить шланг к уличному крану. Прикрутить шланг к ручному насосу, закачать в трубы промышленную краску – красную, синюю или зеленую – и посмотреть, как будет выглядеть босс на следующий день. Или засесть в кустах с ручным насосом и качать, пока давление в трубах не поднимется до ста десяти фунтов на квадратный дюйм. При таком раскладе, когда кто-нибудь спустит воду в туалете, бачок взорвется. При ста пятидесяти, если кто-то включит душ, струя воды сорвет головку, и она превратится в минометный снаряд.

Тайлер говорит все это, чтобы я почувствовал себя лучше. На самом деле мне нравится мой босс. Кроме того, я теперь просветленный. Следую пути Будды. Паучьи хризантемы. Алмазная сутра и Речения с Лазурного утеса. Ну, там, Харе Рама, Кришна, Кришна. Просветленный, понимаете?

– Сунув перья себе в задницу, курицей не станешь, – изрекает Тайлер.

Жир плавится и всплывает на поверхность кипящей воды.

Значит, теперь я сую себе в задницу перья, говорю я.

Как будто Тайлер с сигаретными ожогами на руках – такая развитая душа. Мистер и миссис Человечья Подтирка. Я нацепляю маску спокойствия и превращаюсь в идущего на бойню коровьего индуса с аварийных инструкций в самолете.

Убавь нагрев под кастрюлей.

Я помешиваю кипящую воду.

Топленый жир будет всплывать, пока вода не покроется радужной, перламутровой пленкой.

Используй большую ложку, чтобы снять эту пленку и отложить.

Как там, спрашиваю я, Марла?

– Она хотя бы пытается добраться до дна, – отвечает Тайлер.

Помешиваю кипящую воду.

Продолжай мешать, пока топлёный жир не перестанет всплывать. Мы снимаем с воды топлёный жир. Хороший, чистый топлёный жир.

Тайлер говорит, я еще не добрался до дна, вовсе нет. И если не провалюсь в самый низ, мне не будет спасения. Иисус добился этого распятием. Недостаточно просто отказаться от денег, собственности и

знаний. Это не загородная прогулка. Я должен бежать от саморазвития, на всех парах нестись к катастрофе. Я больше не могу осторожничать.

Это вам не семинар.

– Если струсил, прежде чем достигнешь дна, никогда не добьешься успеха, – заявляет Тайлер.

Воскрешение возможно только после катастрофы.

– Лишь утратив все, что имел, получаешь свободу делать что угодно, – добавляет он.

У меня преждевременное просветление.

– И не забывай помешивать!

Когда топленый жир перестанет всплывать, вылей кипяток. Вымой кастрюлю и наполни чистой водой.

Я спрашиваю: далеко ли мне до дна?

– В твоём нынешнем положении ты даже представить не можешь, что такое дно, – отвечает Тайлер.

Повтори процесс со снятым топленым жиром. Положи его в воду и вскипяти. Сними верхний слой.

– В этом жире много соли, – говорит он. – Если соли слишком много, мыло не застынет.

Кипяти и снимай.

Возвращается Марла.

Стоит ей открыть сетчатую дверь, как Тайлер скрывается, растворяется, выбегает из комнаты, исчезает. Тайлер – наверху или в подвале.

Фу.

Марла с банкой хлопьев щелока входит в заднюю дверь.

– В магазине есть туалетная бумага из стопроцентного вторсырья, – сообщает она. – Наверное, перерабатывать туалетную бумагу – худшее занятие в мире.

Я беру банку щелока и ставлю на стол. Молча.

– Можно мне сегодня остаться здесь? – спрашивает Марла.

Я молчу. Мысленно считаю: пять слогов, семь, пять.

Тигр улыбнется,
Змея прошипит: люблю.
Ложь зло создает.

– Что ты готовишь? – спрашивает она.

Я – Точка Кипения Джо.

Иди, говорю я, просто уходи, убирайся. Ладно? Тебе мало куска моей жизни, который ты уже урвала?

Марла хватает меня за рукав и удерживает, чтобы поцеловать в щеку.

– Пожалуйста, позвони мне, – просит она. – Пожалуйста. Нам нужно поговорить.

Я говорю: да, да, да, да, да.

Как только Марла оказывается за дверью, возникает Тайлер.

Мгновенно, как по волшебству. Мои родители пять лет практиковали подобный фокус.

Я кипячу, а Тайлер освобождает место в холодильнике. Пар слоится в воздухе, вода капает с кухонного потолка. Сорокаваттная лампочка в недрах холодильника – яркое пятнышко за пустыми бутылками от кетчупа и банками маринованных огурцов и майонеза – подсвечивает профиль Тайлера.

Кипяти и снимай. Кипяти и снимай. Раскладывай топленый жир в пакеты от молока с раскрытыми макушками.

Подтащив стул к распахнутому холодильнику, Тайлер смотрит, как остывает топленый жир. В кухонной парилке облака холодного тумана струятся со дна холодильника и собираются у ног Тайлера.

Я заполняю молочные пакеты топленным жиром, а Тайлер ставит их в холодильник. Опускаюсь на колени перед холодильником рядом с Тайлером, и он берет мои ладони и показывает мне. Линия жизни. Линия любви. Бугорки Марса и Венеры. Холодный туман клубится вокруг нас, призрачная лампочка озаряет наши лица.

– Я хочу попросить еще об одном одолжении, – произносит Тайлер.

Речь о Марле, да?

– Никогда не обсуждай меня с ней. Не говори обо мне за моей спиной. Обещаешь?

Обещаю.

– Если хотя бы раз скажешь ей обо мне, никогда больше меня не увидишь, – заявляет Тайлер.

Обещаю.

– Обещаешь?

Обещаю.

– Не забудь, ты пообещал трижды!

Слой чего-то густого и прозрачного образуется на поверхности жира в холодильнике.

Жир, говорю я, расслаивается.

– Не волнуйся. Прозрачный слой – это глицерин. Можешь перемешать их снова, когда будешь готовить мыло. Или снять глицерин.

Тайлер облизывает губы и кладет мои руки ладонями вниз себе на бедро, на упругую фланелевую полу халата...

– Можешь смешать глицерин с азотной кислотой и приготовить нитроглицерин, – произносит он.

Я дышу ртом и говорю: нитроглицерин.

Тайлер снова облизывает губы и целует тыльную сторону моей руки.

– Можешь смешать нитроглицерин с нитратом натрия и опилками и приготовить динамит.

Поцелуй влажно блестит на моей белой руке.

Динамит, говорю я и усаживаюсь на корточки.

Тайлер снимает крышку с банки щелока:

– Можешь взрывать мосты. Можешь добавить в нитроглицерин еще азотной кислоты и парафина и приготовить гремучий студень. Можешь легко взорвать здание.

Он наклоняет банку со щелоком в дюйме над блестящим, влажным поцелуем на моей руке.

– Это химический ожог, – объясняет Тайлер, – и такой боли от ожога ты еще не испытывал. Хуже сотни сигарет.

Поцелуй блестит на моей руке.

– У тебя останется шрам, – добавляет он. – Имея достаточно мыла, можно взорвать весь мир. Помни свое обещание.

И высыпает щелок.

Слюна Тайлера сделала два дела. Влажный поцелуй на тыльной стороне моей руки удержал жгучие хлопья щелока. Это первое. Второе дело заключалось в том, что щелок жжется только в воде. Или слюне.

– Это химический ожог, – повторил Тайлер, – и такой боли от ожога ты еще не испытывал.

Щелоком можно прочищать канализацию.

Закрой глаза.

Паста из щелока с водой может прожечь алюминиевый противень.

Раствор щелока в воде растворит деревянную ложку.

При добавлении воды щелок разогревается до двухсот градусов – и, разогреваясь, прожигает мне руку, а Тайлер покрывает ладонью мои пальцы. Наши руки лежат на моих окровавленных брюках, и Тайлер говорит: будь внимателен, это величайший момент в твоей жизни.

– Потому что все, что было прежде, – это история, – заявляет он, – и все, что произойдет дальше, – тоже история.

Это величайший момент в нашей жизни.

Щелок, принявший точную форму поцелуя Тайлера, – словно костер, или раскаленное железное клеймо, или расплавленный ядерный реактор на моей руке в конце длинной, длинной дороги, в милях от меня. Тайлер просит вернуться и быть с ним. Моя рука растворяется на горизонте в конце дороги. Представьте, что огонь горит, но уже за горизонтом. Закат.

– Вернись к боли, – говорит он.

Это вроде направленной медитации в группах поддержки.

Даже не думай о слове «боль».

Направленная медитация годится для рака; значит, для этого тоже сгодится.

– Посмотри на свою руку.

Не смотри на свою руку.

Не думай о слове «жгучий», или «плоть», или «ткань», или «обугленный».

Не слушай собственных криков.

Направленная медитация.

Ты в Ирландии. Закрой глаза.

Ты в Ирландии, летом после окончания колледжа, пьешь в пабе рядом с за`мком, куда автобусы каждый день привозят английских и американских туристов, желающих поцеловать Камень Красноречия.

– Не отгораживайся, – говорит Тайлер. – Мыло и человеческие жертвы идут рука об руку.

Ты выходишь из паба в людской толпе, шагаешь по тихим улочкам, заставленным мокрыми машинами: только что закончился дождь. Царит ночь, пока ты не добираться до замка Бларни.

Полы в замке прогнили, и ты карабкаешься по каменным ступеням, а чернота с каждым шагом становится глубже. Все молчат, сосредоточившись на подъеме, поглощенные традицией этого маленького акта неповиновения.

– Послушай меня, – говорит Тайлер. – Открой глаза. В древности человеческие жертвоприношения совершали на холме над рекой. Тысячи людей приносили в жертву, а тела сжигали на погребальном костре.

– Ты можешь заплакать, – говорит Тайлер. – Можешь пойти к раковине и ополоснуть руку водой, но сначала тебе придется понять, что ты глуп и умрешь. Посмотри на меня.

– Однажды, – говорит Тайлер, – ты умрешь, и пока этого не осознаешь, ты для меня бесполезен.

Ты в Ирландии.

– Можешь плакать, но каждая слеза, упавшая на хлопья щелока, оставит сигаретный ожог.

Направленная медитация. Ты в Ирландии, летом после окончания колледжа, и, может, именно там тебе впервые захотелось анархии. За годы до встречи с Тайлером Дерданом, до того, как ты впервые нассал в заварной крем, ты узнал о маленьких актах неповиновения.

В Ирландии.

Стоишь на платформе наверху лестницы в замке.

– Мы можем использовать уксус, чтобы нейтрализовать ожог, – предлагает Тайлер, – но сначала ты должен сдаться.

После убийства и сжигания сотен людей, говорит он, густое белое вещество сползало с алтаря в реку.

Сначала ты должен достичь дна.

Ты на платформе в замке в Ирландии, за краями платформы – бездонный мрак, а впереди, в темноте, на расстоянии вытянутой руки, – каменная стена.

– Дожди, – говорит Тайлер, – годами поливали пепелище, на котором годами сжигали людей. Вода просачивалась сквозь древесный пепел, превращая его в раствор щелока, а щелок смешивался с топленным жиром жертвоприношений, и густое белое мыло выползало из-под основания алтаря и стекало по холму в реку.

Ирландцы вокруг тебя совершают свой собственный маленький акт неповиновения: приближаются к краю платформы, становятся на границе бездонной тьмы и мочатся.

Люди говорят: давай, не жалея своей модной американской мочи, сочной и желтой, пересыщенной витаминами. Пряной, дорогой и бесполезной.

– Это величайший момент твоей жизни, – замечает Тайлер, – а ты торчишь где-то и пропускаешь его.

Ты в Ирландии.

И делаешь это, да. Чувствуешь запах аммиака и дневной нормы витаминов В.

Древние люди обнаружили, что одежда становится чище, если стирать ее там, где мыло сползало в реку, после тысячелетий человеческих жертвоприношений и дождей, добавляет Тайлер.

Я мочусь на Камень Красноречия.

– Блин, – говорит Тайлер.

Я мочусь в черные брюки с засохшими кровавыми пятнами, столь не понравившимися моему боссу.

Ты в съемном доме на Пейпер-стрит.

– Это знак, – заявляет он.

Тайлер – кладезь полезной информации. Культуры без мыла, говорит он, использовали собственную мочу и мочу своих собак, чтобы стирать одежду и мыть волосы, из-за мочевой кислоты и аммиака.

Пахнет уксусом, и пожар на твоей руке в конце долгой дороги затухает.

Запах щелока вместе с тошнотворным больничным запахом мочи и уксуса опаляет твои ветвистые синусы.

– Всех этих людей убили не зря.

Тыльная сторона руки покраснела, распухла и блестит, словно губы, точно повторяющие поцелуй Тайлера. Вокруг поцелуя – сигаретные ожоги чьих-то слез.

– Открой глаза, – говорит Тайлер. Он плачет. – Поздравляю. Ты на шаг приблизился к дну. Ты должен понять, что первое мыло делали из героев.

Подумай о животных, на ком тестируют продукцию.

Подумай об обезьянах, которых запускают в космос.

– Без их смерти, их боли, их жертвы, – говорит Тайлер, – у нас бы не было ничего.

Я останавливаю лифт между этажами, а Тайлер расстегивает ремень. Когда лифт замирает, суповые тарелки на тележке перестают дребезжать. Тайлер снимает с супницы крышку, и пар взмывает к потолку.

Тайлер начинает вытаскивать член и произносит:

– Не смотри, а то ничего не получится.

В супнице – томатный суп-пюре с кинзой и моллюсками. Эти ароматы скроют любой запах, что бы мы ни добавили.

Поторопись, говорю я, оборачиваясь к Тайлеру. Конец его члена полощется в супе. Это действительно смешно, словно высокий слон в официантской белой рубашке и галстук-бабочке пьет суп своим маленьким хоботом.

– Я же сказал: не смотри!

В двери лифта перед моим носом есть небольшое оконце размером с лицо, через которое можно выглянуть в банкетный служебный коридор. Лифт стоит между этажами, и я, словно таракан, смотрю на зеленый линолеум. С точки зрения таракана, зеленый коридор тянется в бесконечность, мимо приоткрытых дверей, за которыми титаны с их гигантскими женами хлещут шампанское из бочек и орут друг на друга, сверкая огромными бриллиантами.

На прошлой неделе, говорю я Тайлеру, когда у Имперских адвокатов была рождественская вечеринка, я сунул свой стоящий член во все их апельсиновые муссы.

На прошлой неделе, сообщает Тайлер, он тормознул лифт и обпердел целую тележку бокконе дольче для чаепития младшей лиги.

Тайлер знает, как меренги впитывают запах.

С позиции таракана мы слышим, как пленная арфистка играет для титанов, которые подносят вилки с бараньими отбивными-баттерфляй, каждый кусок – размером со свинью, ко ртам, ощерившимся острыми обелисками из слоновой кости.

Давай уже, говорю я.

– Не могу, – отвечает Тайлер.

Если суп остынет, то они отправят его обратно.

Гиганты отправляют на кухню что попало, без всяких причин. Хотят поглядеть, как вы носитесь сломя голову за их денежки. На подобных ужинах и банкетах господа знают, что чаевые включены в счет, и обращаются с вами как с грязью. Вообще-то мы ничего не возвращаем на кухню. Перераспредели на блюде картофель по-французски или спаржу по-голландски, подай кому-то другому – и все в порядке.

Ниагарский водопад, говорю я. Река Нил. В школе мы думали, что, если сунуть руку спящего человека в миску с теплой водой, он обдуется.

– О, – стонет Тайлер за моей спиной. – О, да. Получилось. О, да. Да.

За выходящими в служебный коридор приоткрытыми дверями балльных залов мелькают золотые, черные и красные юбки, длинные, словно золотой бархатный занавес в Старом Бродвейском театре. Возникают пары черных кожаных «кадиллаков» со шнурками вместо лобовых стекол. Над машинами движется город офисных небоскребов в красных камербандах.

Ничего особенного, скажу я вам.

Мы с Тайлером стали партизанами-террористами сферы услуг. Банкетными саботажниками. Отель организует приемы, а когда кто-нибудь желает поесть, к еде прилагаются вино, фарфор, стекло и официанты. Весь набор услуг в одном счете. И поскольку все оплачено и грозить тебе деньгами клиент не может, для него ты – таракан.

Однажды Тайлер обслуживал банкет. Тогда он и превратился в мятежного официанта. Тайлер подавал рыбу в доме, похожем на стеклянно-белое облако, которое словно парило над городом на стальных ногах, вкопанных в склон холма. Тайлер ополаскивает тарелки от пасты, в кухню влетает хозяйка, сжимая клочок бумаги, который хлопает, словно вымпел на ветру, так сильно трясется ее рука. Сквозь стиснутые зубы мадам изъявляет желание узнать, видели ли официанты, как кто-нибудь из гостей шел по коридору в ту часть дома, где расположены спальни? Особенно кто-то из женщин? Или хозяин?

В кухне Тайлер, Альберт, Лен и Джерри ополаскивают и складывают стопкой тарелки, а помощник повара Лесли смазывает чесночным маслом артишоковые сердечки, фаршированные креветками и улитками.

– Нам не полагается заходить в ту часть дома, – отвечает Тайлер.

Мы входим через гараж. Нам можно видеть только гараж, кухню и столовую.

За спиной хозяйки в дверном проеме возникает хозяин и берет клочок бумаги из ее трясущейся руки.

– Все будет в порядке, – говорит он.

– Как мне смотреть в глаза этим людям, если я не знаю, кто это сделал? – восклицает мадам.

Хозяин кладет ладонь ей на спину, обтянутую шелковистым белым вечерним платьем, в тон дому; мадам выпрямляется, расправляет плечи и внезапно умолкает.

– Они твои гости, – напоминает хозяин. – И этот ужин очень важен.

Это выглядит весьма забавно, будто чревовещатель оживил свою куклу. Мадам смотрит на супруга, а тот легонько подталкивает ее и уводит обратно в столовую. Клочок бумаги падает на пол, и двойная дверь, закрываясь, смахивает его прямо к ногам Тайлера.

– Что там написано? – интересуется Альберт.

Лен уходит за тарелками от рыбного блюда. Лесли ставит противень с артишоковыми сердечками обратно в духовку и спрашивает:

– И правда, что?

Тайлер смотрит Лесли в лицо и отвечает, не поднимая записки:

– «Твоим утонченным ароматам не повредит немного мочи».

– Ты помочился ей в духи? – улыбается Альберт.

Нет, качает головой Тайлер, просто оставил записку между флакончиками. У нее под зеркалом в ванной – их сотня.

– Значит, ты этого не делал? – улыбается Лесли.

– Нет, но она об этом не знает.

Остаток того стеклянно-белого званого обеда в небесах Тайлер убирал из-под носа у хозяйки тарелки с остывшими артишоками, потом с остывшей телятиной с картофелем дюшес, потом с остывшей цветной капустой по-польски – и неоднократно наполнял ее бокал вином. Мадам сидела и смотрела, как едят ее гости, а вскоре, между шербетом и абрикосовым тортом, место во главе стола неожиданно опустело.

После ухода гостей они убрались, загружали холодильники и посуду в фургон отеля, когда на кухне появился хозяин и попросил Альберта помочь ему с тяжелым предметом.

Может, Тайлер переборщил, говорит Лесли.

Громко и быстро Тайлер рассказывает, как убивают китов, чтобы делать духи, которые на вес дороже золота. Большинство людей в жизни не видели кита. У Лесли в квартирке рядом с автострадой – двое детишек, а флакончики под зеркалом в ванной мадам-хозяйки стоят больше, чем мы зарабатываем за год.

Альберт возвращается и звонит «911». Зажимает ладонью трубку и говорит: не надо было Тайлеру оставлять эту записку.

– Так пожалуйста менеджеру, – усмехается Тайлер. – Пусть меня уволят. Свет клином не сошелся на этой дерьмовой работе.

Все смотрят в пол.

– Увольнение, – продолжает Тайлер, – лучшее, что может случиться с каждым из нас. Так мы перестаем толочь воду в ступе и делаем наконец что-то существенное.

Альберт говорит в телефон, что нужна «скорая», и диктует адрес. Ожидая ответа, рассказывает, что хозяйка совсем расклеилась. Альберту пришлось поднимать ее с пола, она валялась рядом с унитазом. Хозяин не мог поднять ее, потому что мадам утверждает, будто именно он помочился ей в духи и теперь пытается свести ее с ума, закрутив интрижку с одной из женщин прямо на банкете, а она устала, устала от всех этих лживых друзей.

Хозяин не может ее поднять, потому что мадам в своем белом платье свалилась за унитаз и размахивает осколком флакончика от духов. Мадам говорит, что перережет ему горло, если он попробует прикоснуться к ней.

– Круто! – восклицает Тайлер.

А от Альберта воняет.

– Альберт, дорогой, от тебя воняет, – говорит Лесли.

В этой ванной любой провоняет, отвечает Альберт. Пол усыпан разбитыми флакончиками, в унитазе – куча бутылочек. Они напоминают лед, говорит Альберт, как на самых модных отельных вечеринках, когда приходится заполнять писсуары колотым льдом. В ванной воняет, под ногами хрустят ледяные осколки, которые не тают, и когда Альберт помогает мадам в ее белом платье с мокрыми

желтыми пятнами подняться, она замахивается разбитым флакончиком на хозяина, поскальзывается на духах и битом стекле и приземляется на ладони.

Мадам плачет, свернувшись возле унитаза, у нее течет кровь.

– Ох, Уолтер, оно щиплется, щиплется, – бормочет она.

Духи, все эти мертвые киты в порезах на ее ладонях, щиплются.

Хозяин поднимает мадам, прижимает к себе. Она вскидывает руки, словно молится, но держит их на расстоянии дюйма друг от друга. Кровь течет по ладоням, сбегает по запястьям и бриллиантовому браслету, капает с локтей.

– Все будет хорошо, Нина, – говорит хозяин.

– Мои руки, Уолтер!

– Все будет хорошо.

– Кто сотворил со мной такое? Кто меня так ненавидит?

– Вы не вызовете «скорую»? – обращается хозяин к Альберту.

Это была первая миссия Тайлера в качестве террориста сферы услуг. Официант-партизан. Мародер на минимальную ставку. Тайлер занимается этим много лет, но утверждает, что вместе веселее.

В конце рассказа Альберта Тайлер улыбается и говорит:

– Круто.

В отеле, в лифте, застрявшем между кухонным и банкетным этажами, я сообщаю Тайлеру, как начихал на заливную форель на съезде дерматологов, и три человека сказали мне, что форель пересолена, а один – что она великолепна.

Тайлер стряхивает последние капли над супницей и говорит, что заряд кончился.

Проще всего проделывать это с холодным супом вишисуаз или когда шеф готовит действительно свежий гаспачо. Ничего не получится с луковым супом в горшочке, с корочкой из расплавленного сыра. Если бы мне довелось здесь обедать, я бы заказал именно его.

У нас с Тайлером больше нет идей. Портить еду – дело скучное, почти как выполнение рабочей инструкции. Потом я слышу, как один из врачей или юристов говорит, будто вирус гепатита может шесть месяцев прожить на нержавеющей стали. Поневоле задумываешься, сколько он проживет на шарлотке с ромовым заварным кремом или на запеченном лососе.

Я поинтересовался у врача, где бы нам добыть вирус гепатита, и пьяный врач рассмеялся. Все отправляется на свалку медицинских отходов, объяснил он. И снова засмеялся.

Все.

«Свалка медицинских отходов». Звучит как «достичь дна».

Держа пальцы на кнопках лифта, я спрашиваю Тайлера, готов ли он. Шрам на тыльной стороне руки распух, покраснел и блестит, словно губы, точно повторяющие поцелуй Тайлера.

– Секундочку, – отвечает он.

Наверное, томатный суп не успел остыть, потому что кривая штукавина, которую Тайлер прячет в брюки, стала ошпаренно-розовой, словно королевская креветка.

В Южной Америке, земле чудес, мы могли бы бродить по реке, где крошечные рыбки заплывали бы Тайлеру в уретру. У рыбок – шипастые плавники, направленные наружу и назад, поэтому, пробравшись в него, они бы завели хозяйство и принялись бы метать икру. Наши субботние ночи могли бы быть намного хуже. Во многих смыслах.

– Могло быть хуже, – замечает Тайлер, – чем то, что мы сделали с матерью Марлы.

Заткнись, говорю я.

Тайлер считает, что французское правительство могло забрать нас в подземный бункер в пригородах Парижа, где лаборанты-недоучки отрезали бы нам веки в рамках тестирования спрея для загара на токсичность.

– Такое случается, – добавляет он. – Почитай газеты.

Хуже того, я знаю, что Тайлер сотворил с матерью Марлы, но впервые с нашего знакомства у него есть деньги. Он зашибает реальные деньги. Перед рождеством «Нордстром» заказал две сотни кусков мыла Тайлера с желтым сахаром для лица. При розничной цене в двадцать баксов за кусок у нас появились деньги для субботних развлечений. Деньги на ремонт подтекающего газопровода. На танцы. Теперь, когда не нужно думать о деньгах, наверное, я завяжу с работой.

Тайлер зовет себя «Мыловарней на Пейпер-стрит». Люди говорят, что это лучшее мыло в мире.

– Могло быть хуже, – говорит он. – Например, ты мог случайно съесть мать Марлы.

Жую курицу гунбао и прошу его заткнуться.

Этим субботним вечером мы расположились на переднем сиденье «Шевроле Импала» 1968 года выпуска, замершей на двух спущенных колесах в первом ряду стоянки подержанных автомобилей. Мы с Тайлером беседуем и пьем пиво из банок. Переднее сиденье «импалы» шире, чем обычный диван. В этой части бульвара полно таких стоянок, их еще называют лотерейными, с машинами по две сотни баксов, и

днем цыгане, что заведуют подобными конторами, сидят в своих фанерных будках и курят длинные, тонкие сигары.

Здесь собрались потрепанные первые автомобили, на которых разъезжают старшекласники: «Гремлины» и «Пейсеры», «Маверики» и «Хорнеты», «Пинто», пикапы «Интернэшнл харвестер», заниженные «Камаро», «Дастеры» и «Импалы». Машины, которые люди сначала любят, а потом бросают. Животные в приюте. Платья подружки невесты в секонд-хэнде. С вмятинами, и серыми, или красными, или черными грунтованными крыльями и порогами, и буграми шпаклевки, которую никто так и не зашлифовал. Пластмассовое дерево, пластмассовая кожа, пластмассовые хромированные детали. По ночам цыгане даже не запирают автомобили.

Фары проезжающей по бульвару машины озаряют цену, написанную на большом, панорамном, широкоэкранном лобовом стекле «импалы». Взгляни на США. Всего за девяносто восемь долларов. Изнутри это выглядит как восемьдесят девять центов. Ноль, ноль, точка, восемь, девять. Америка ждет твоего звонка.

Большинство автомобилей стоит около сотни, и на каждом водительском стекле висит договор купли-продажи «Без гарантии».

Мы выбрали «импалу». Если субботней ночью придется спать в машине, в этой – самые большие сиденья.

Мы взяли китайскую еду, потому что не можем пойти домой. Выбор невелик: либо ночевать здесь, либо торчать до утра в ночном танцевальном клубе. Мы не ходим на танцы. Тайлер говорит, там слишком громкая музыка, особенно басы, и его биоритмы сбиваются. В последний раз он заявил, что от громкой музыки у него случился запор. Кроме того, в клубе невозможно разговаривать из-за шума, и после пары бокалов посетители ощущают себя отрезанными от мира.

Словно труп в английском детективе.

Сегодня мы ночуем в машине, потому что Марла явилась к нам и угрожала вызвать полицию, чтобы меня арестовали за то, что я сготовил ее мать. Она с визгом носилась по дому, называя меня упырем и каннибалом, и расшвыривала стопки «Ридерз дайджест» и «Нэшнл джиографик», а потом я ушел. Если излагать кратко.

После ее случайного преднамеренного самоубийства алпразоламом в отеле «Риджент» я не могу представить, чтобы Марла

вызвала полицию, однако Тайлер решил, что сегодня лучше не ночевать дома. На всякий случай.

На случай, если Марла спалит дом.

На случай, если Марла отыщет пистолет.

На случай, если Марла останется в доме.

На всякий случай.

Пытаюсь сосредоточиться.

Лик белой луны
Звездам подарит покой
Бла-бла-бла, конец.

Машины проносятся по бульвару, у меня в руке пиво, мы сидим в «импале» с холодным, твердым бакелитовым рулем фута три в диаметре и потрескавшимся виниловым сиденьем, которое щиплет мою задницу сквозь джинсы, и Тайлер говорит:

– Расскажи мне, что именно произошло.

Неделями я не обращал внимания на его затею. Один раз пошел с ним в офис «Вестерн юнион» и видел, как он отправил телеграмму матери Марлы:

«УЖАСНО МОРЩЕНИСТА (тчк) ПОЖАЛУЙСТА
ПОМОГИ (вскл знк)»

Тайлер показал клерку читательский билет Марлы, написал ее имя в графе «отправитель» и заявил, что да, иногда парней зовут Марла, а клерку лучше не совать нос в чужие дела.

Когда мы выходили из «Вестерн юнион», Тайлер сказал: если я его люблю, значит, должен ему доверять. Об этом мне знать не следует, добавил он и повел меня в «Гарбонзос» за хумусом.

По-настоящему меня напугала не телеграмма, а эта еда вне дома вместе с Тайлером. Никогда, ни разу в жизни он ни за что не платил наличными. Одежду Тайлер берет в камерах забытых вещей в спортзалах и отелях. Это лучше того, что делает Марла. Она ворует джинсы из сушилок в прачечных и продает скупщикам по двенадцать долларов за штуку. Тайлер никогда не питался в ресторанах, а Марла не была морщинистой.

Безо всякой причины Тайлер отправил матери Марлы пятнадцатифунтовую коробку шоколада.

Еще один способ ухудшить эту субботнюю ночь, говорит он в «импале», это коричневый паук-отшельник. С укусом он впрыскивает не просто яд, а пищеварительный фермент или кислоту, которая растворяет ткань вокруг укуса, и твоя рука, или нога, или лицо буквально разлагается. Сегодня, когда все это началось, Тайлер прятался. Марла явилась к нам домой. Даже не постучав, заглянула в парадную дверь и крикнула:

– Тук-тук!

Я читаю в кухне «Ридерз дайджест». Меня ничто не тревожит.

– Тайлер, можно войти? – кричит Марла. – Ты дома?

Тайлера нет, отвечаю я.

– Не будь говнюком!

Я уже у парадной двери. Марла стоит в коридоре с экспресс-пакетом от «Федэкса».

– Мне нужно положить кое-что в вашу морозилку, – объясняет она.

Я тащусь за ней в кухню, повторяя: нет.

Нет.

Нет.

Нет.

Марла не будет держать свой хлам в этом доме.

– Но, пупсик, – говорит она, – у меня в номере нет холодильника, а ты разрешил.

Нет, не разрешал. Последнее, что мне нужно, – это Марла, приносящая сюда свое дерьмо по кусочкам.

Марла вскрывает посылку на кухонном столе, достает из пенопластовых упаковочных катышков что-то белое и трясет им у меня перед носом.

– Это не дерьмо, – произносит она. – Это моя мать, так что иди в задницу.

Марла достает из посылки пакет для сэндвичей с белым веществом, из которого Тайлер получает топленый жир для мыла.

– Могло быть хуже, – говорит Тайлер. – Ты мог случайно съесть содержимое одного из этих пакетов. Встать ночью, выдавить белую

пакость, добавить смесь для калифорнийского лукового супа и съесть в качестве соуса для картофельных чипсов. Или брокколи.

В тот момент, стоя с Марлой на кухне, я меньше всего на свете хотел, чтобы она открыла морозилку.

Я спросил, что она собирается делать с белым веществом.

– Парижские губы, – ответила Марла. – С возрастом губы втягиваются внутрь рта. Я коплю на коллагеновые инъекции. В вашей морозилке – почти тридцать фунтов моего коллагена.

Я спросил, какого размера губищи она хочет.

Марла призналась, что ее пугает операция.

Вещество из посылки, говорю я Тайлеру в «импале», было таким же, как то, из которого мы готовили мыло. С тех пор как силикон признали опасным, все пишут кипятком насчет коллагена; им разглаживают морщины, накачивают тонкие губы и слабые подбородки. По словам Марлы, дешевый коллаген можно получить из стерилизованного и переработанного коровьего жира, однако он в теле не задерживается. После инъекции, например, в губы организм отвергает его и начинает откачивать. Через шесть месяцев твои губы снова тонкие.

Лучшая разновидность коллагена, объяснила Марла, это твой собственный жир, отсосанный с бедер, переработанный, очищенный и впрыснутый в губы или еще куда-нибудь. Такой коллаген будет держаться.

Та штука в нашей морозилке, это был коллагеновый трастовый фонд Марлы. Стоило ее матушке накопить лишний жир, как она отсасывала его и упаковывала. Марла говорит, это называется «с миру по нитке». Если матери самой не нужен коллаген, она посылает его дочери. У Марлы никогда не было собственного жира, а ее мать считает, что семейный коллаген намного лучше дешевого коровьего.

Уличный фонарь на противоположной стороне бульвара светит сквозь договор купли-продажи и отпечатывает «БЕЗ ГАРАНТИИ» на щеке Тайлера.

– Пауки, – говорит он, – могли отложить яйца, и их личинки прогрызали бы туннели под твоей кожей. Вот какой ужасной была бы жизнь.

Мой миндальный цыпленок в теплом густом соусе на вкус напоминает нечто, высосанное из бедер Марлиной матушки.

Тогда-то, стоя в нашей кухне вместе с Марлой, я понял, что сотворил Тайлер.

«УЖАСНО МОРЩИНИСТА».

И сообразил, почему он отправил матери Марлы конфеты.

«ПОЖАЛУЙСТА ПОМОГИ».

Марла, тебе не следует заглядывать в морозилку, говорю я.

– Почему? – удивляется Марла.

– Мы не едим красное мясо, – говорит мне Тайлер в «импале», а куриный жир не годится – мыло не застынет. – Это вещество наживет нам состояние. Мы оплатили аренду этим коллагеном.

Тебе следовало рассказать Марле, замечаю я. Теперь она думает, будто это моих рук дело.

– Омыление, – продолжает Тайлер, – это химическая реакция, необходимая для производства хорошего мыла. Куриный жир не годится, как и любой другой жир с высоким содержанием соли. Послушай, у нас крупный заказ. Вот как мы поступим: отправим матушке Марлы конфеты и, может, пару кексов.

Вряд ли это сработает.

В общем, Марла заглянула в морозилку. Ладно, сначала возникла небольшая потасовка. Я пытаюсь остановить ее, пакет, который она держит, падает на линолеум и рвется, мы оба скользим в жирной белой грязи и пытаемся сдержать рвоту. Я обхватываю Марлу сзади за талию, прижимая руки к телу, ее черные волосы хлещут меня по лицу. Я повторяю, снова и снова: это не я. Это не я.

Я этого не делал.

– Моя мама! Ты ее размазал!

Нам требовалось мыло, объясняю я, прижавшись лицом к ее уху. Требовалось постирать мои брюки, оплатить аренду, починить газопровод. Это был не я.

Это был Тайлер.

– О чем ты? – кричит Марла и выкручивается из юбки.

Я пытаюсь подняться с жирного пола, хватаясь за ее индийскую ситцевую юбку, а Марла в трусиках, туфлях на танкетке и пейзажной

блузке распахивает морозилку, в которой нет коллагенового трастового фонда. Есть только две старые батарейки от фонарика, и все.

– Где она?

Я уже отступаю назад, руки и туфли скользят по линолеуму, задница протирает на полу чистую полосу, тянущуюся прочь от Марлы и холодильника. Я держу перед собой юбку, чтобы не видеть лица Марлы, когда она узнает. Правду.

Мы сделали из него мыло. Из нее. Из матушки Марлы.

– Мыло?

Мыло. Кипятишь жир. Смешиваешь со щелоком. Получаешь мыло.

Когда Марла начинает визжать, я швыряю в нее юбку и бегу. Поскальзываюсь. Снова бегу. Она гонится за мной по первому этажу, огибая углы и отталкиваясь от оконных рам. Поскальзываясь. Оставляя грязные, жирные отпечатки ладоней на цветочных обоях. Падая и врезаясь в стенные панели, поднимаясь, снова пускаясь в погоню.

– Ты сварил мою маму! – орет Марла.

Тайлер сварил ее маму.

Марла визжит позади меня.

Тайлер сварил ее мать.

– Ты сварил мою мать!

Парадная дверь по-прежнему распахнута.

А потом я оказался на улице, и Марла вопила позади в дверном проеме. На бетонной дорожке ноги не скользили, и я помчался дальше. И бежал, пока не нашел Тайлера – или Тайлер не нашел меня – и не рассказал ему, что случилось.

Держа пиво, мы растягиваемся на сиденьях, я – спереди, она – сзади. Наверное, Марла до сих пор в доме, швыряет журналы в стены и обзывает меня придурком и монстром, двуличным ублюдком-капиталистом. Мили ночи между мной и Марлой кишат насекомыми, меланомами и жадными до плоти вирусами. Там, где я нахожусь, не так уж плохо.

– Когда в человека попадает молния, – говорит Тайлер, – его голова обгорает до дымящегося бейсбольного шара, а застежка-молния сплавляется намертво.

Я спрашиваю: сегодня мы достигли дна?

Тайлер откидывается назад и произносит:

– Если бы Мэрилин Монро была жива, чем бы она сейчас занималась?

Спокойной ночи, говорю я.

Ключья обивки свисают с потолка.

– Царапала бы крышку гроба, – говорит Тайлер.

Босс стоит очень близко к моему столу и улыбается, не разжимая растянутых губ. Его промежность – у моего локтя. Я отрываюсь от сопроводительного письма для кампании по отзыву. Эти письма всегда начинаются одинаково:

Это уведомление отправлено вам в соответствии с требованиями закона о безопасности автомобильного транспорта. Мы установили, что существует дефект...

На этой неделе я применил платежную формулу – и в кои-то веки А умножить на В умножить на С оказалось больше стоимости отзыва.

На этой неделе причина – в маленьком пластмассовом зажиме, который держит резинку на дворниках лобового стекла. Одноразовая штука. Затронуто всего две сотни автомобилей. Затраты на рабочую силу минимальные.

Прошлая неделя была более типичной. Тогда проблема заключалась в коже, обработанной некой известной запрещенной тератогенной субстанцией, которую по-прежнему используют в странах третьего мира. Нечто настолько крепкое, что вызывает врожденные дефекты у плода беременной женщины. На прошлой неделе никто не звонил в министерство транспорта, не запускал процедуру отзыва.

Новая кожа, помноженная на рабочую силу и на административные издержки, превысит наш доход за первый квартал. Если кто-нибудь когда-нибудь обнаружит нашу ошибку, мы отсыпем немало денег скорбящим семьям, прежде чем хотя бы приблизимся к стоимости переобивки шестидесяти пяти сотен салонов.

Однако на этой неделе мы запускаем кампанию по отзыву. И ко мне вернулась бессонница. Бессонница вернулась, и теперь весь мир планирует нагадить мне на могилу.

На боссе серый галстук, значит, сегодня вторник.

Босс кладет мне на стол лист бумаги и спрашивает, не потерял ли я чего. Этот лист остался в ксероксе, говорит он, и начинает читать:

– Первое правило бойцовского клуба: бойцовский клуб не обсуждают.

Его взгляд скользит по бумаге, он хихикает.

– Второе правило бойцовского клуба: бойцовский клуб не обсуждают.

Я слышу, как он произносит слова Тайлера. Мистер босс с его брюшком, семейной фотографией на рабочем столе и мечтах о ранней пенсии и зимах, проведенных на трейлерной стоянке в аризонской пустыне. Мой босс с его перекрахмаленными рубашками и неперменной стрижкой каждый вторник после ленча смотрит на меня и говорит:

– Надеюсь, это не твое.

Я – Кипящая Ярость Джо.

Тайлер попросил напечатать правила бойцовского клуба и сделать десять копий. Не девять, не одиннадцать. Десять, сказал Тайлер. Но у меня бессонница, и я уже три ночи не спал. Наверное, это оригинал. Я сделал десять копий и забыл оригинал. Мысленно вижу перед собой копировальную машину. На расстоянии бессонницы от мира, копия копии копии. Ты ни до чего не можешь дотронуться, и ничто не может тронуть тебя.

– Третье правило бойцовского клуба: два человека на бой, – читает босс.

Мы не моргаем.

– По одному бою за раз.

Я не спал три дня, если только это не сон. Босс трясет бумагой у меня под носом. Что это, хочет знать он. Я играю в игры в рабочее время? Мне платят за работу, а не за игры в войнушку. И не за нецелевое использование ксерокса.

Так что? Он машет бумагой у меня под носом. Что, на мой взгляд, он должен сделать с сотрудником, который проводит рабочее время в воображаемом мире? Как бы я поступил на его месте?

Что бы я сделал?

Дыра в моей щеке, черно-синие опухоли вокруг глаз, вздутый красный шрам от поцелуя Тайлера на тыльной стороне руки. Копия копии копии.

Размышления.

Зачем Тайлеру понадобились десять экземпляров правил бойцовского клуба?

Индийская корова.

Что бы я сделал, говорю я, так это тщательно выбирал бы собеседников для обсуждения этой бумаги.

Похоже, это написал какой-то опасный, психованный маньяк-убийца, добавляю я, и этот невозмутимый шизофреник может в любой момент, прямо посреди рабочего дня, сорваться и пройтись по офису с полуавтоматической пневматической винтовкой «AR-180».

Босс молча смотрит на меня.

Этот парень, говорю я, наверное, каждый вечер сидит дома с маленьким надфилем и выпиливает крест на конце каждого патрона. И когда одним прекрасным утром он придет на работу и всадит патрон в своего назойливого, бесполезного, мелочного, ноющего, лебезящего, трусливого босса, этот патрон развалится по пропиленным канавкам, раскроется внутри, словно пуля «дум-дум», и вынесет зловонные кишки босса через позвоночник. Представьте, будто ваша чакра живота раскрывается замедленным взрывом сосисочной оболочки тонкого кишечника.

Босс выдергивает бумагу у меня из-под носа.

Давайте, читайте дальше, говорю я.

Это жутко интересно. Плод пораженного сознания.

И улыбаюсь. Края маленькой анусовидной дыры в моей щеке черно-синие, как собачьи десны. Туго натянутая кожа вокруг глаз кажется лакированной.

Босс молчит.

Я вам помогу, говорю я.

Четвертое правило бойцовского клуба – один бой за раз.

Босс смотрит на правила, а потом на меня.

Пятое правило – никаких туфель и рубашек, добавляю я.

Босс смотрит на правила, смотрит на меня.

А может, говорю я, этот больной придурок возьмет «игл-апачи», ведь у него магазин на тридцать выстрелов, а весит он всего девять фунтов. У «AR» магазин всего на пять патронов. С тридцатью выстрелами наш больной на всю голову герой может пройтись вдоль стола красного дерева и убрать всех вице-президентов, да и на директоров хватит.

Из моего рта вылетают слова Тайлера. Я был таким приятным человеком.

Я просто смотрю на босса. У моего босса голубые, голубые, бледно-васильковые глаза.

У полуавтоматической винтовки «J amp;R 68» тоже магазин на тридцать патронов, а весит она лишь семь фунтов.

Босс просто смотрит на меня.

Жутковато, говорю я. Возможно, он много лет знает этого человека. А этот человек знает о нем все: где он живет, где работает его жена, в какую школу ходят дети.

Это утомительно и – внезапно – очень, очень скучно.

Зачем Тайлеру понадобились десять копий правил бойцовского клуба?

Мне не нужно говорить, что я знаю о кожаных салонах, приводящих к врожденным уродствам, о фальшивых тормозных накладках, которые способны обмануть агента по закупкам, но начинают отказывать через две тысячи миль.

Я знаю, что реостат кондиционера иной раз раскаляется так сильно, что загораются карты в бардачке. Знаю, сколько людей сгорело заживо из-за обратной вспышки во впускном коллекторе. Видел человеческие ноги, отрезанные по колено, когда при взрыве турбокомпрессора лопасти летели через перегородку моторного отсека в салон. Я ездил смотреть на обгорелые автомобили и видел отчеты со словами «не установлена» в графе «Причина поломки».

Нет, говорю я, это не моя бумага. Беру лист двумя пальцами и выдергиваю из руки босса. Должно быть, край режет ему большой палец, потому что его рука взмывает ко рту, и он яростно сосет его, широко распахнув глаза. Я комкаю бумагу и бросаю в мусорную корзину рядом со столом.

Может, не стоит приносить мне весь хлам, что вы найдете, говорю я.

Воскресным вечером я иду в «Останемся мужчинами вместе». Подвал епископальной церкви Святой Троицы почти пустой. Только Большой Боб и я, каждый мускул в моем теле ноет, но сердце мчится вскачь, а мысли мелькают в голове. Это бессонница. Мысли всю ночь в прямом эфире.

Всю ночь ты думаешь: я сплю? Я спал?

Еще больше травмируя мое раненое тело, ручки Большого Боба вылетают из рукавов футболки, обвитые мускулами и до блеска твердые. Большой Боб улыбается: он счастлив меня видеть.

Он думал, я умер.

Я тоже, говорю я.

– Что ж, – произносит Большой Боб, – у меня хорошие новости.

Где все?

– Это и есть хорошие новости, – объясняет Большой Боб. – Группу распустили. Я прихожу сюда только для того, чтобы рассказать другим парням, которые могут появиться.

Закрыв глаза, я опускаюсь на один из старых клетчатых диванов.

– Хорошие новости в том, что есть новая группа, – добавляет Большой Боб, – но, согласно первому правилу этой новой группы, ее не обсуждают.

О.

– А согласно второму правилу, ее не обсуждают.

Вот дерьмо. Я открываю глаза.

– Эта группа называется бойцовский клуб, – говорит Большой Боб, – она собирается каждую пятничную ночь, в закрытом гараже в противоположном конце города. В ночь по четвергам собирается другой бойцовский клуб, в гараже поближе.

Мне эти места не известны.

– Первое правило бойцовского клуба гласит: бойцовский клуб не обсуждают, – продолжает Боб.

По средам, четвергам и пятницам Тайлер работает киномехаником. Я видел его чек на прошлой неделе.

– Второе правило бойцовского клуба гласит: бойцовский клуб не обсуждают.

Субботними ночами Тайлер ходит со мной в бойцовский клуб.

– Два человека на бой.

В воскресенье утром мы, избитые, возвращаемся домой и весь день спим.

– Один бой за раз, – говорит Большой Боб.

По воскресеньям и понедельникам Тайлер обслуживает банкеты.

– Никаких туфель и рубашек.

По вторникам Тайлер дома, делает мыло, упаковывает в оберточную бумагу и отправляет. «Мыловарня на Пейпер-стрит».

– Бой продолжается столько, сколько нужно. Эти правила придумал парень, основавший бойцовский клуб. Ты знаешь его? – спрашивает Большой Боб. – Я сам никогда его не видел, но парня зовут Тайлер Дердан.

«Мыловарня на Пейпер-стрит».

Знаю ли я его? Возможно, отвечаю я.

Когда я вхожу в отель «Риджент», Марла сидит в холле, в банном халате. Она позвонила мне на работу и спросила, не могу ли я пропустить спортзал и библиотеку, или прачечную, или что там у меня запланировано на вечер, и вместо этого приехать к ней.

Марла позвонила, потому что ненавидит меня.

Она не упоминает про свой коллагеновый трастовый фонд.

Вместо этого спрашивает: не сделаю ли я ей одолжение? Сегодня днем Марла лежала в постели. Она питается благотворительной едой, которую привозят ее мертвым соседям: берет пищу и говорит, что они спят. В общем, сегодня Марла лежала в постели и ждала доставки еды между полуднем и двумя часами. Несколько лет назад она лишилась медицинской страховки. Сегодня посмотрела и, кажется, увидела уплотнение, а лимфатические узлы рядом с уплотнением стали твердыми и болезненными. Она не может сказать тем, кого любит, потому что не хочет пугать их, и не может позволить себе визит к врачу, если это ерунда, но ей нужно с кем-то поговорить и кому-то показать все это.

Карие глаза Марлы – как у животного, которое нагрели в печи, а потом швырнули в холодную воду. Вулканизированные, или гальванизированные, или закаленные.

Марла говорит, что простит историю с коллагеном, если я ей помогу.

Надо думать, она не позвонила Тайлеру, потому что не хочет пугать его. Я для нее нейтрален, я – ее должник.

Мы поднимаемся в номер, и Марла рассказывает, что в дикой природе не встретишь старых животных. Они сразу умирают. Если заболевают или становятся неповоротливыми, их убивают более сильные. Животным не положено стареть.

Марла ложится на кровать, развязывает пояс халата и говорит: наша культура превратила смерть в нечто неправильное. Старые животные должны быть неестественным исключением.

Уродцами.

Марла исходит холодным по`том, а я рассказываю, как однажды в колледже у меня вскочила бородавка. На пенисе, только я говорю: на члене. Я отправился на медицинский факультет, чтобы удалить ее. Потом, через много лет, рассказал отцу. Отец заржал и назвал меня идиотом, потому что такие бородавки – все равно что природные ребристые презервативы. Женщины их обожают, и Господь сделал мне одолжение.

Я стою на коленях возле постели Марлы и холодными руками ощупываю ледяную кожу Марлы, по чуть-чуть за раз, с каждым дюймо́м растирая между пальцами чуток Марлы. Она говорит, что от этих бородавок, этих божьих ребристых презервативов, у женщин рак шейки матки.

Так вот, я сидел на бумажной подстилке в смотровом кабинете на медицинском факультете, и студент-медик опрыскивал мой член жидким азотом, а еще восемь студентов-медиков смотрели. Вот что бывает, когда у тебя нет медицинской страховки. Только они говорили не «член», а «пенис», но как его ни назови, от жидкого азота и щелока ощущения одинаковые.

Марла смеется, а потом чувствует, что мои пальцы замерли. Словно я что-то нашел. Она перестает дышать, ее живот натягивается, будто барабан, сердце стучит кулаком в тугую кожу. Но нет, я остановился, потому что рассказывал, и на минуту мы словно покинули номер Марлы. Перенеслись на много лет назад, на медицинский факультет, где я сидел на липкой бумаге с членом, горящим от жидкого азота. Тут один из студентов-медиков увидел мои голые ступни и в два прыжка покинул кабинет. Затем вернулся с тремя настоящими врачами, которые оттолкнули парня с жидким азотом в сторону.

Настоящий врач схватил меня за голую правую ступню и поднял ее к лицам других настоящих врачей. Все трое начали крутить ее, ощупывать и фотографировать, будто всех других частей полуодетого пациента с отмороженным божьим даром просто не существовало. Только ступня. Медицинские студенты подобрались ближе, чтобы тоже взглянуть.

– Как давно у вас это красное пятно на ступне? – спросил врач.

Врач имел в виду мое родимое пятно. У меня на правой ступне – родимое пятно, которое, как шутит отец, напоминает темно-красную

Австралию по соседству с маленькой Новой Зеландией. Именно это я им и сказал, и они тут же сдулись. Мой член начал оттаивать. Все ушли, остался лишь студент с жидким азотом, и, наверное, он бы тоже ушел. Он был так разочарован, что даже не посмотрел мне в лицо, когда взял мой член за головку и потянул на себя. Баллон выпустил тонкую струйку жидкого азота на остатки бородавки. Ощущения были такие, что, если закрыть глаза и представить, будто у тебя член длиной сотню миль, все равно будет больно.

Марла смотрит на мою руку и на шрам от поцелуя Тайлера.

Наверное, вы здесь редко видите родимые пятна, сказал я студенту-медику.

Не в том дело, ответил он. Все решили, что мое родимое пятно – рак. Нашли какой-то новый вид рака, который поражает молодых людей. Они просыпаются с красным пятном на ступне или лодыжке. Пятно не исчезает, а растет, пока не покроет все тело, после чего ты умираешь.

Студент сказал: врачи и все остальные возбудились, решив, будто это тот самый новый рак. Он очень редко встречается, но постепенно число случаев растет.

Это было много лет назад.

Рак – он такой, говорю я Марле. Ошибки бывают, и, может, суть в том, что не следует забывать об остальной части себя, даже если маленький кусочек испортился.

– Даже если, – вздыхает Марла.

Студент с жидким азотом сказал, что бородавка отвалится через пару дней. На липкой бумаге рядом с моей голой задницей валялся никому не нужный полароидный снимок моей ступни. Я спросил, можно ли забрать фотографию.

Она до сих пор у меня, заткнута за раму зеркала в комнате. Каждое утро я причесываюсь перед ним и думаю о том, как однажды на десять минут заболел раком. Хуже, чем раком.

Я рассказываю Марле, что в День благодарения мы с дедом впервые не пошли кататься на коньках, хотя толщина льда достигла почти шести дюймов. Бабушка вечно приклеивает маленькие круглые кусочки пластыря на лоб и руки, где родинки выглядят подозрительно. Разрастаются бахромчатыми краями, синеют или чернеют.

Когда бабушку в последний раз выписали из больницы, дед нес ее чемодан, такой тяжелый, что дед пожаловался, будто его перекосило. Моя франко-канадская бабуля была настолько застенчивой, что никогда не появлялась в купальнике на людях и всегда включала в ванной воду, чтобы заглушить другие звуки. Так вот, выходит она из больницы Лурдской Богоматери после частичной мастэктомии и говорит: «Это тебя-то перекосило?»

Для деда это подытоживает всю историю: бабулю, рак, их семейную жизнь. Он смеется всякий раз, когда вспоминает об этом.

Марла не смеется. Я пытаюсь рассмешить ее, согреть, чтобы она простила меня за коллаген. Хочу сказать ей, что ничего не нашел. Если она и обнаружила что-то сегодня утром, это была ошибка. Родинка.

У Марлы на тыльной стороне руки – шрам от поцелуя Тайлера.

Я хочу развеселить Марлу, а потому не рассказываю ей, как обнимал лысую Хлою, скелет, покрытый желтым воском, с шелковым шарфом на голой голове. Я в последний раз обнял Хлою, прежде чем она исчезла навсегда. Сказал ей, что она похожа на пиратку, и Хлоя рассмеялась. Что до меня, на пляже я всегда сижу на правой ступне. Австралия и Новая Зеландия. Или закапываю ее в песок. Боюсь, что люди увидят мою ногу – и в их сознании я начну умирать. Рак, которого у меня нет, повсюду. Я не говорю об этом Марле.

Мы много чего не хотим знать о людях, которых любим.

Чтобы согреть ее и рассмешить, я рассказываю про женщину, которая написала в колонку советов читателям «Дорогая Эбби». Эта женщина вышла замуж за симпатичного, успешного владельца похоронного бюро, и в первую брачную ночь он заставил ее лежать в ванне с ледяной водой, пока кожа не стала совсем холодной, а потом велел не шевелиться на постели и овладел ее хладным, недвижимым телом.

Самое забавное, что женщина согласилась на это в первую брачную ночь – и продолжала соглашаться последующие десять лет брака, после чего написала «Дорогой Эбби», чтобы спросить, к чему все это.

Вот почему я так любил группы поддержки: когда люди думают, будто ты умираешь, они уделяют тебе внимание.

Если эта встреча может стать последней – действительно последней, – все мысли о балансе банковского счета, песнях по радио и плохой прическе вылетают в трубу.

Ты – центр их внимания. Люди слушают, а не ждут своей очереди, чтобы высказаться.

А когда высказываются, не изливают на тебя свою историю. Этим разговором вы строите что-то вместе – и оно меняет обоих собеседников.

Марла начала ходить в группы поддержки после того, как обнаружила первое уплотнение.

Утром после того, как мы нашли второе уплотнение, Марла прискакала в кухню, сунув обе ноги в одну колготину, и заявила:

– Смотри, я русалка!

– Это не то же самое, как если парни откидываются назад на толчке и воображают, будто это мотоцикл, – сказала Марла. – Это настоящая случайность.

Незадолго до нашей с Марлой встречи в «Останемся мужчинами вместе» возникло первое уплотнение. Теперь появилось второе.

Вот что вам нужно знать: Марла еще жива. Как она мне сообщила, ее жизненная философия в том, что она может умереть в любую секунду. А трагедия жизни в том, что этого не происходит.

Обнаружив первое уплотнение, Марла отправилась в клинику, где сутулые, похожие на пугала матери сидели на пластиковых стульях вдоль трех стен приемной, с обмякшими кукольными детьми на руках или возле ног. У детей были ввалившиеся, обведенные темными кругами глаза, что наводило на мысль о подпорченных, продавленных апельсинах или бананах, а матери постоянно расчесывали пораженные грибком скальпы, вздымая хлопья перхоти. В этой клинике зубы на каждом осунувшемся лице казались гигантскими, и ты понимал, что это лишь осколки кости, проткнувшие кожу, чтобы перемалывать всякое.

Вот куда попадаешь, если у тебя нет медицинской страховки.

Прежде чем кто-либо понял, что к чему, куча геев пожелала иметь детей. Теперь эти дети больны, их матери умирают, а отцы уже умерли, и, сидя в облаке тошнотворного больничного запаха мочи с уксусом, слушая, как сестра спрашивает у каждой матери, давно ли она больна, и насколько похудела, и есть ли у ее ребенка живой родитель или опекун, Марла решает: нет.

Если ей предстоит умереть, то она не хочет об этом знать.

Марла выходит из клиники, сворачивает за угол и крадет из сушилок «Городской прачечной» все джинсы, после чего отправляется к дилеру, который дает пятнадцать баксов за штуку. Затем покупает себе хорошие колготки, на которых не бывает стрелок.

– Даже если на них не бывает стрелок, – говорит Марла, – зацепки все равно появляются.

Нет ничего вечного. Все разваливается.

Марла начала ходить в группы поддержки, потому что ей становилось легче рядом с другими человеческими подтирками. У каждого был какой-то изъян. И на время ее сердце будто остановилось.

Марла устроилась на работу, готовила планы для похоронного бюро, где огромные, толстые мужчины (а чаще – толстые женщины) выходили из демонстрационного зала с урной размером с подставку для яйца. Она сидела за столом в холле – подобранные темные волосы, колготки с зацепками, уплотнение в груди – и говорила: «Мадам, не льстите себе. В такую крошечную вещицу не влезет даже ваша сожженная голова. Возьмите урну размером с шар для боулинга».

Сердце Марлы было таким же, как мое лицо. Отбросы и отходы мира. Использованная человеческая подтирка, которую никто не захочет переработать.

Марла сказала, что между группами поддержки и клиникой она встретила множество мертвых людей. Эти люди были мертвы и на другой стороне, а по ночам звонили по телефону. Марла шла в бар и слышала, как бармен выкрикивал ее имя, а когда снимала трубку, в ней была мертвая тишина. Тогда она думала, что достигла дна.

– В двадцать четыре года понятия не имеешь, насколько низко можешь пасть, – говорит Марла, – но я была способной ученицей.

Впервые наполняя погребальную урну, Марла не надела маску, а потом высморкалась – и увидела на платке черные останки мистера

Как-Там-Его.

Если в доме на Пейпер-стрит телефон звонил один раз, ты снимал трубку и слышал тишину, значит, кто-то пытался связаться с Марлой. Это случалось чаще, чем можно было ожидать.

В дом на Пейпер-стрит позвонил полицейский детектив насчет взрыва в моем кондоминиуме. Тайлер стоял, прижавшись грудью к моему плечу, и шептал мне на ухо. Я держал трубку у другого уха, а детектив спросил, знаю ли я кого-то, кто умеет делать динамит.

– Катастрофа – естественный этап моей эволюции, – бормотал Тайлер, – к трагедии и растворению.

Я ответил детективу, что в моей квартире взорвался холодильник.

– Ярываю связи с физической мощью и собственностью, – шептал Тайлер, – потому что, лишь уничтожив себя, смогу познать величайшую мощь своего духа.

В динамите, сказал детектив, были примеси, следы оксалата аммония и перхлорида калия, и это свидетельствует о том, что бомба была самодельная. Кроме того, замок на парадной двери был взломан.

Я сказал, что той ночью находился в Вашингтоне.

Детектив объяснил, что кто-то побрызгал фреоном из баллончика в замок, а потом разбил цилиндр слесарным зубилом. Так преступники крадут велосипеды.

– Освободитель, уничтоживший мою собственность, – сказал Тайлер, – сражается за спасение моей души. Учитель, убравший все имущество с моего пути, приведет меня к свободе.

Детектив предположил, что изготовитель самодельного динамита мог открыть газ и погасить запал в плите за несколько дней до взрыва. Газ был только триггером. Ушли бы недели, чтобы газ заполнил квартиру и добрался до компрессора у основания холодильника, после чего электрический мотор компрессора вызвал бы взрыв.

– Скажи ему, – прошептал Тайлер. – Да, это сделал ты. Устроил взрыв. Это он хочет услышать.

Я ответил детективу: нет, я не открывал газ, прежде чем покинуть город. Я любил свою жизнь. Я любил ту квартиру, каждую деталь обстановки.

Это была моя жизнь. Лампы, стулья, ковры – все это было мной. Тарелки в шкафчиках были мной. Растения были мной. Телевизор был мной. Это меня взорвали. Он что, не понимает?

Детектив велел мне никуда не уезжать.

Мистер Ваша честь, мистер Глава местного братства национального профсоюза киномехаников и независимых театральных операторов сел.

Под, и над, и внутри всего, что человек считал само собой разумеющимся, росло нечто ужасное.

Ничто не вечно.

Все разваливается.

Я знаю это, потому что знает Тайлер.

Три года Тайлер монтировал и резал фильмы для сети кинотеатров. Фильм записал на шести-семи маленьких бобинах, упакованных в стальной чемоданчик. Работа Тайлера заключалась в том, чтобы собирать из маленьких бобин одну пятифутовую бобину, которая подходит для проектора с автоматической зарядкой и перемоткой. Три года, семь кинотеатров, не менее трех залов на кинотеатр, новый показ каждую неделю – за это время через руки Тайлера прошли сотни фильмокопий.

Увы, но из-за распространения проекторов с автоматической зарядкой и перемоткой профсоюз больше не нуждался в Тайлере. Мистер Глава местного братства был вынужден пригласить его для краткой беседы.

Работа была скучной, оплата – низкой, и потому, как выразился президент Союзного профсоюза союзных киномехаников независимых и союзных кинотеатров, этим дипломатическим пинком профсоюз делал Тайлеру одолжение. Не считите это увольнением. Считите сокращением.

Прямой, словно со штырем в заднице, мистер Глава говорит:

– Мы ценим ваш вклад в наш успех...

Никаких проблем, ухмыляется Тайлер. При условии, что профсоюз будет исправно присылать чек, он обещает держать рот на замке.

– Считите это досрочным выходом на пенсию. Оплачиваемую.

Через руки Тайлера прошли сотни фильмокопий.

Фильмы вернулись к кинопрокатчику. Фильмы вновь появились на экране. Комедии. Драмы. Мюзиклы. Романтика. Приключения.

Благодаря Тайлеру сдобренные отдельными порнографическими кадрами.

Содомия. Минет. Куннилингус. Садо-мазо.

Тайлеру было нечего терять.

Он был пешкой на мировой доске, мировым отбросом.

Вот что Тайлер отрепетировал со мной перед беседой с менеджером отеля «Прессмэн».

Тайлер сказал, что на другой работе был никем. Никого не интересовало, жив он или мертв, и это чувство было взаимным. Вот что Тайлер велел мне изложить в кабинете менеджера отеля, с охранниками под дверью.

Впоследствии мы с Тайлером засиделись допоздна, обмениваясь впечатлениями.

Он велел мне бросить вызов менеджеру отеля «Прессмэн» сразу после того, как он, Тайлер, отправится в профсоюз киномехаников.

Мы с Тайлером все больше напоминали однояйцевых близнецов. У обоих покрытые синяками скулы, а у кожи случилась амнезия, и она забыла, куда ей возвращаться после очередных побоев.

Мои синяки были из бойцовского клуба, а Тайлеру набил морду президент профсоюза киномехаников. Когда Тайлер выполз из офиса профсоюза, я направился к менеджеру отеля «Прессмэн».

Я сидел в кабинете. Я – Ухмыляющееся Возмездие Джо.

Менеджер отеля заявил, что у меня три минуты. Первые тридцать секунд я рассказывал, как отливал в суп, портил воздух на крем-брюле, чихал на тушеный эндивий, а теперь хочу, чтобы отель каждую неделю присылал мне чек на сумму, равную моему среднему недельному заработку плюс чаевые. Тогда я больше не буду работать и не пойду к газетчикам или здравоохранителям со сбивчивым душераздирающим признанием.

Заголовок: «Неблагополучный официант признается, что портил пищу».

Разумеется, сказал я, меня могут посадить в тюрьму. Повесить, отрезать яйца, протащить меня по улицам, содрать с меня кожу и полить щелоком, однако «Прессмэн» навсегда прославится как отель, где богатейшим людям мира подавали мочу.

Слова Тайлера, вылетающие из моего рта.

А ведь я был таким приятным человеком.

В кабинете профсоюза киномехаников Тайлер рассмеялся, когда президент профсоюза ударил его, сбил со стула. Тайлер прислонился к стене, задыхаясь от хохота.

– Давай, ты не можешь меня убить, – смеялся он. – Тупой урод. Бей сколько влезет, но убить меня ты не сумеешь.

Тебе есть что терять.

А мне терять нечего.

У тебя есть все.

Давай, прямо в живот. Потом снова в лицо. Выбей мне зубы, но не забудь про щеки. Сломай мне ребра, но если пропустишь хоть одну неделю, я обращусь к общественности, и ты со своим профсоюзником погибнешь под горой исков, которыми тебя завалит каждый владелец кинотеатра, и каждый кинопрокатчик, и каждая мамаша, чей ребенок мог увидеть в Бэмби эрегированный член.

– Я мусор и дерьмо, и псих, на твой взгляд и взгляд всего мира, – сказал Тайлер президенту профсоюза. – Тебе плевать, где я живу и что чувствую, как питаюсь и чем кормлю детей, и чем плачу доктору, если заболел. Да, я тупой, слабый, и мне скучно, но я – по-прежнему твоя ответственность.

Я сидел в кабинете менеджера отеля, с губами, разбитыми бойцовским клубом на десяток сегментов. Анус в моей щеке таранился на менеджера, и все это выглядело чертовски убедительно.

В целом я сказал то же, что и Тайлер.

Когда президент профсоюза повалил Тайлера на пол, когда мистер президент увидел, что тот не сопротивляется, Его честь с огромным телом-кадиллаком, крупнее и сильнее, чем ему требовалось, размахнулась своим модным ботинком и пнула Тайлера в ребра, а Тайлер засмеялся. Его честь врезала Тайлеру по почкам, когда Тайлер свернулся в клубок, но продолжал смеяться.

– Не сдерживайся, – сказал Тайлер. – Поверь мне, тебе полегчает. Почувствуешь себя замечательно.

В кабинете отеля «Прессмэн» я спросил менеджера, можно ли мне воспользоваться его телефоном, и набрал номер отдела новостей местной газеты. Под пристальным взглядом менеджера я сказал: здравствуйте, в рамках политического протеста я совершил ужасное

преступление против человечности. Я протестую против эксплуатации работников сферы услуг.

Если меня посадят в тюрьму, я не буду простым истеричным рабом, кончавшим в суп. Я буду героем.

Робин Гуд, Спаситель Нищих Официантов.

Это выйдет за рамки одного отеля и одного официанта.

Менеджер мягко забрал у меня трубку, сказав, что не хочет, чтобы я продолжал здесь работать. Не в таком виде.

Я стою во главе стола и спрашиваю: что? Тебе не нравится, как я выгляжу?

И не дрогнув, по-прежнему смотря на менеджера, со всей силы замахиваюсь кулаком и выбиваю свежую кровь из потрескавшихся корост в моем носу.

Вспоминаю ночь, когда мы с Тайлером впервые подрались. Ударь меня так сильно, как только можешь.

Удар не такой уж сильный. Я бью себя снова. Классное зрелище, вся эта кровь, но я бросаюсь на стену, чтобы произвести ужасный грохот и свалить висящую там картину.

Разбитое стекло, рама, цветочный натюрморт и кровь летят на пол, а я продолжаю бесноваться. Веду себя как настоящий придурок. Кровь капает на ковер, я тяну руки, оставляю ужасные кровавые отпечатки на краю стола и умоляю: пожалуйста, помогите, – но начинаю хихикать.

Пожалуйста, помогите.

Пожалуйста, не бейте меня.

Сползаю на пол и размазываю кровь по полу. Первое слово, которое я собираюсь произнести, – «пожалуйста». Поэтому я стискиваю губы. Чудовище ползает по красивым букетам и гирляндам на восточном ковре. Горячая кровь хлещет из моего носа и, стекая по горлу, попадает в рот. Раскаленное чудовище ползет по ковру, собирая пыль и ворс своими окровавленными клешнями. Приближается, чтобы схватить менеджера за полосатую лодыжку и сказать.

Пожалуйста.

Сказать.

«Пожалуйста» вылетает вместе с кровавым пузырем.

Сказать.

Пожалуйста.

Пузырь лопается и забрызгивает все кровью.

Вот как у Тайлера появилось время на бойцовский клуб семь ночей в неделю. Сначала было семь бойцовских клубов, потом их стало пятнадцать, затем двадцать три, но Тайлер хотел больше. Денежный поток не иссякал.

Пожалуйста, прошу я менеджера отеля, дайте мне денег. И снова хихикаю.

Пожалуйста, не бейте меня.

Пожалуйста.

У тебя есть все, а у меня нет ничего. Я начинаю кровавый подъем по полосатым ногам менеджера, который откинулся назад, как можно дальше, вцепившись руками в подоконник за спиной и оскалившись.

Чудовище цепляется кровавой клешней за пояс брюк менеджера, подтягивается и тянет на себя белую накрахмаленную рубашку.

Я обхватываю окровавленными ладонями гладкие запястья.

Пожалуйста. Улыбаюсь широко, так, что трескаются губы.

Менеджер кричит, пытается высвободить руки, чтобы оказаться подальше от меня, и моей крови, и моего разбитого носа, и грязи, липнувшей к крови на нас обоих, и тут, в самый подходящий момент, охранники решают наконец войти в кабинет.

Сегодня газеты пишут о том, как кто-то вломился в офисы между десятым и пятнадцатым этажами Хейн-тауэр, вылез наружу и нарисовал на южной стене здания огромную ухмыляющуюся маску высотой пять этажей, а потом устроил пожар, чтобы окна в середине каждого гигантского глаза пылали над рассветным городом всевидящим живым огнем.

На фотографии на первой газетной странице лицо напоминает злобную тыкву, японского демона, алчного дракона, парящего в небесах, а дым похож на брови ведьмы или рога дьявола. Люди кричали, запорокинув головы.

Что это значило? Кто это сделал? Огонь погас, но лицо осталось – и теперь выглядело еще ужаснее. Пустые, мертвые глазницы словно следили за людьми на улице.

Газеты все чаще пишут о подобном.

Разумеется, читаешь такое – и сразу задумываешься, а не часть ли это проекта «Хаос»?

Газета пишет, что у полиции нет никаких зацепок. Подростковые банды или пришельцы из космоса – кто бы это ни сделал – могли погибнуть, пока ползали по карнизам и свисали из окон с баллончиками черной краски.

Это сделал Комитет шалостей или Комитет поджогов? Вероятно, гигантское лицо было их домашним заданием на прошлую неделю.

Тайлер мог знать, но первое правило проекта «Хаос» гласило: никаких вопросов.

На этой неделе в Штурмовом комитете проекта «Хаос» Тайлер говорит, что вымуштровал всех по части стрельбы из пистолета. Пистолет лишь фокусирует взрыв в заданном направлении.

На последнее собрание Штурмового комитета Тайлер принес пистолет и телефонный справочник. Комитет заседает в подвале, где субботними ночами собирается бойцовский клуб. У каждого комитета – своя ночь.

Поджигатели собираются по понедельникам.

Штурмовики – по вторникам.

Шалуны – по средам.

А дезинформаторы – по четвергам.

Организованный хаос. Бюрократия анархии. Как вам угодно.

Группы поддержки. В определенном роде.

Итак, во вторник ночью Штурмовой комитет строил планы на грядущую неделю, а Тайлер читал предложения и давал комитету домашнее задание.

К следующей встрече через неделю каждый член Штурмового комитета должен ввязаться в драку, в которой проиграет. И не в бойцовском клубе. Это труднее, чем кажется. Первый встречный сделает что угодно, лишь бы уклониться от драки.

Идея в том, чтобы подцепить на улице какого-нибудь Джо, который никогда не дрался, и рекрутировать его. Впервые в жизни дать попробовать на вкус победу. Помочь взорваться. Разрешить поколотить себя до полусмерти.

Ты справишься. Если победишь, значит, облажался.

– Что нам нужно сделать, ребята, – сказал Тайлер, – так это напомнить парням, какой силой они обладают.

Это его напутствие. Потом он разворачивает сложенные бумажные квадратики, что лежат перед ним в картонной коробке. Таким образом каждый комитет предлагает планы на следующую неделю. Напиши предложение в блокноте комитета. Вырви лист, сложи и сунь в коробку. Тайлер читает их и выкидывает плохие идеи.

Вместо каждой выкинутой идеи он кладет в коробку сложенный пустой лист.

Затем каждый член комитета вытаскивает из коробки бумажку. Тайлер объяснил мне, что, если кто-нибудь вытащит пустой лист, на этой неделе ему предстоит только домашнее задание.

Если ты вытащил предложение, значит, на следующих выходных тебе придется отправиться на фестиваль импортного пива и столкнуть парня в биотуалет. Получишь дополнительные очки, если в процессе тебя побьют. Или тебе придется посетить модный показ в атриуме торгового центра и швыряться клубничным желатином с бельэтажа.

Если попадешь в руки копам, тебя исключат из Штурмового комитета. Если засмеешься, тоже исключат.

Никто не знает, кому какое предложение досталось, и никто, кроме Тайлера, не знает всех предложений и того, что он принимает, а

что выбрасывает. Ближе к концу недели в газете может появиться заметка о неопознанной личности, которая в деловом районе прыгнула на водителя «ягуара» с откидным верхом и направила машину в фонтан.

Остается только гадать. Было ли это предложение комитета, которое ты мог бы вытащить?

Ночью следующего вторника ты будешь оглядывать членов Штурмового комитета, собравшихся под одинокой лампочкой в темном подвале бойцовского клуба, и по-прежнему думать о том, кто же загнал «ягуар» в фонтан.

Кто забрался на крышу музея искусств и обстрелял шариками с краской публику в скульптурном дворике?

Кто нарисовал пылающую демоническую маску на Хейн-тауэр?

Можно представить, как в ночь задания в Хейн-тауэр юристы и бухгалтеры или курьеры пробираются в офисы, где трудятся каждый день. Наверное, сначала они немного выпили, хотя это против правил проекта «Хаос». Они используют ключи, где это возможно, и баллончики с фреоном, чтобы разбить цилиндры в замках. Они свисают из окон, спускаются на веревках вдоль кирпичного фасада, падают, доверяя друг другу свои жизни, раскачиваются, рискуют погибнуть в тех самых офисах, где день за днем ощущают медленное приближение смерти.

Следующим утром эти самые клерки и младшие бухгалтеры стоят в толпе, запрокинув аккуратно причесанные головы, смурные от бессонницы, но трезвые и при галстуках, и слушают, как люди вокруг гадают, кто же это сотворил, а полиция приказывает всем отойти подальше, немедленно, и вода струится из дымящихся выбитых зрачков в гигантских глазах.

Тайлер втайне поведал мне, что на собрание приходится не более четырех хороших предложений, так что шансы вытянуть реальное задание – примерно один к шести. В Штурмовом комитете – двадцать пять человек, включая Тайлера. Каждый получает домашнее задание – проиграть бой в общественном месте, – и каждый тащит предложение.

На этой неделе Тайлер сказал:

– Купите пистолет.

Он дал одному парню телефонный справочник и велел выдрать объявление, а потом передать справочник другому. Чтобы два человека

не явились в одно и то же место покупать оружие или стрелять.

– Это, – произнес Тайлер, доставая пистолет из кармана куртки, – пистолет, и через две недели каждый из вас должен принести на собрание пистолет примерно такого размера. Лучше расплатитесь наличными. На следующей встрече вы все обменяетесь оружием и сообщите о краже купленного вами пистолета.

Никто ничего не спросил. Никаких вопросов – первое правило проекта «Хаос».

Тайлер пустил пистолет по рукам. Он был маленьким, но очень тяжелым, словно гигантский объект вроде горы или солнца сжался, сплавился и стал оружием. Члены комитета брали его двумя пальцами. Все хотели спросить, заряжен ли он, однако второе правило проекта «Хаос» гласило: никаких вопросов.

Может, заряжен, может, нет. Мы всегда должны предполагать худшее.

– Пистолет, – сказал Тайлер, – предмет простой и совершенный. Нужно просто нажать спусковой крючок.

Третье правило проекта «Хаос»: никаких оправданий.

– Спусковой крючок высвобождает боек, который ударяет по капсюлю.

Четвертое правило: никакого вранья.

– Взрыв выталкивает металлическую пулю из гильзы, а ствол пистолета фокусирует взрывающийся порох и направляет летящую пулю. Словно человек из пушки, словно ракета из стартовой шахты, словно сперма, она несется в заданном направлении.

Придумав проект «Хаос», Тайлер сказал, что цель проекта «Хаос» не имеет никакого отношения к другим людям. Тайлеру было плевать, пострадают они или нет. Цель заключалась в том, чтобы показать каждому участнику проекта: у него хватит сил управлять историей. Мы, каждый из нас, можем захватить власть над миром.

Тайлер придумал проект «Хаос» в бойцовском клубе.

Однажды ночью я подцепил там новичка. В субботнюю ночь молодой парень с лицом ангела впервые пришел в бойцовский клуб, и я вызвал его на бой. Таково правило. Если ты впервые в клубе, то должен драться. Я знал это и вызвал его, потому что меня снова замучила бессонница, и я хотел уничтожить что-нибудь красивое.

Поскольку у значительной части моего лица нет никакой возможности прийти в норму, терять мне в смысле внешности нечего. Мой босс на работе спросил, как я справляюсь с незаживающей дырой в щеке. Когда пью кофе, зажимаю ее двумя пальцами, чтобы не текло, ответил я.

Есть удушающий захват, который не вырубает противника полностью, и той ночью в бойцовском клубе я схватил новичка и принялся колотить по прекрасному ангельскому лицу, сначала костяшками, а потом, когда проткнувшие губы зубы разбили мне костяшки, основанием кулака. Я бил, пока он не свалился на пол.

Позднее Тайлер заметил, что ни разу не видел, чтобы я уничтожил что-либо столь основательно. Той ночью он понял, что нужно перевести клуб на новый уровень или прикрыть его.

На следующее утро за завтраком Тайлер сказал:

– Ты был похож на маньяка, шизик. Что с тобой стряслось?

Я ответил, что чувствовал себя дерьмом и совершенно не мог расслабиться. Я не пил. Наверное, у меня выработалась зависимость. Можно подсесть на драки, и, очевидно, теперь мне требовалось нечто большее.

Тем утром Тайлер придумал проект «Хаос».

Спросил, с чем я дрался на самом деле.

Все эти слова Тайлера насчет дерьма и рабов истории – именно так я себя и ощущал. Я хотел уничтожить все прекрасное, чего у меня никогда не было. Спалить дождевые леса Амазонки. Закачать хлорфторуглероды прямо в озоновый слой. Открыть сливные клапаны на супертанкерах и раскупорить морские нефтяные скважины. Я хотел убить всю рыбу, которую не смогу съесть, и сжечь французские пляжи, каких никогда не увижу.

Я хотел, чтобы весь мир достиг дна.

Колотя того мальчика, я на самом деле хотел всадить пулю в лоб каждой вымирающей панде, не желающей трахаться, чтобы спасти свой вид, и каждому киту или дельфину, который сдался и выбросился на берег.

Не считите это вымиранием. Считите сокращением.

Тысячелетиями люди поганили и обгаживали эту планету, а теперь история ждет, что я убегу за всеми. Я должен мыть и плющить

свои суповые банки. И отчитываться за каждую каплю использованного моторного масла.

И я должен оплачивать счета за радиоактивный мусор, и закопанные топливные баки, и свалку токсичных отходов, слитых за поколение до моего рождения.

Я держал лицо мистера ангела на сгибе локтя, будто младенца или футбольный мяч, и лупил костяшками, пока его зубы не проткнули губы. Затем мутузил локтем, пока он не выскользнул у меня из рук и не свалился безжизненной грудой у ног, а отбитая кожа на скулах не почернела.

Я хотел вдыхать дым.

Птицы и олени – глупая роскошь, а все рыбы должны плавать кверху брюхом.

Я хотел сжечь Лувр. Я приду к мраморам Элгина с кувалдой и подотрусь «Моной Лизой». Теперь это мой мир.

Это мой мир, мой, а все древние люди мертвы.

Тем утром за завтраком Тайлер придумал проект «Хаос».

Мы решили избавить мир от истории.

Мы завтракали в доме на Пейпер-стрит, и Тайлер сказал: представь, будто сажаешь редис и картофель на заброшенном поле для гольфа. Охотишься на лося в сыром лесистом каньоне рядом с руинами Рокфеллеровского центра и собираешь моллюсков рядом со скелетом Спейс-Нидл, накренившимся на сорок пять градусов. Мы разрисуем небоскребы огромными тотемными лицами и гоблинами, и каждый вечер остатки человечества будут прятаться в пустых зоопарках и запираются в клетках, чтобы спастись от медведей, больших кошек и волков, которые ночами станут бродить снаружи и смотреть на нас сквозь решетку.

– Переработка отходов и ограничение скорости – херня, – заявил Тайлер. – Все равно что бросить курить на смертном одре.

Проект «Хаос» спасет мир. Культурный ледниковый период. Досрочные темные времена. Проект «Хаос» заставит человечество впасть в спячку или ослабнуть, чтобы Земля смогла исцелиться.

– Ты оправдываешь анархию, – добавил он. – Сам догадайся.

Подобно тому, что бойцовский клуб творит с клерками и офисными служащими, проект «Хаос» уничтожит цивилизацию, чтобы мы могли сотворить из мира нечто лучшее.

– Представь, будто крадешься за лосем мимо витрин универмага и зловонных рядов прекрасных гниющих платьев и смокингов на вешалках. На тебе – кожаная одежда, которая прослужит до конца жизни, и ты карабкаешься по лианам пуэрарии толщиной с запястье, обвивающим Сирс-тауэр. Как в Джеке и бобовом стебле. Лезешь сквозь сочащийся влагой лесной полог, и воздух так чист, что ты видишь крошечные фигурки, молотящие кукурузу и раскладывающие полоски оленины для сушки на пустой, заброшенной супермагистральной, протянувшей свои раскаленные августом восемь полос на тысячи миль.

Такова цель проекта «Хаос», сказал Тайлер. Полное и немедленное уничтожение цивилизации.

Что будет дальше в проекте «Хаос», не знает никто, кроме него. Второе правило: никаких вопросов.

– Не покупайте патроны, – велел Тайлер Штурмовому комитету. – И чтобы вас это не тревожило, скажу сразу: да, вам придется кого-то убить.

Поджоги. Штурмы. Шалости и Дезинформация.

Никаких вопросов. Никаких вопросов. Никаких оправданий и никакого вранья.

Пятое правило проекта «Хаос»: ты должен доверять Тайлеру.

Он хочет, чтобы я печатал и делал копии. Неделю назад Тайлер расхаживал по подвалу дома на Пейпер-стрит. «Шестьдесят пять туфель спереди назад, сорок туфель справа налево», – размышлял Тайлер вслух.

– Сколько будет шестью семь? – спросил он.

Сорок два.

– А сорок два на три?

Сто двадцать шесть.

Тайлер вручил мне рукописный лист с заметками и велел набрать их и сделать семьдесят две копии.

Зачем так много?

– Затем, что столько парней смогут спать в подвале, если уложить их на трехъярусные койки из армейских излишков.

А как насчет их вещей?

– Они возьмут с собой лишь то, что будет в списке, и все это должно уместиться под матрасом.

Список, обнаруженный моим боссом в копировальной машине, счетчик которой показывает семьдесят две копии, гласит:

Наличие требуемых предметов не гарантирует допуска к тренировкам, однако рассматриваться будут только новобранцы, которые придут полностью снаряженными и принесут ровно пятьсот долларов наличными для расходов на погребение.

– Кремировать неимущий труп стоит не менее трех сотен, – сообщил мне Тайлер.

И цены росли. Если у покойника не будет хотя бы такой суммы, его тело отправится в анатомический театр.

Эти деньги должны всегда лежать в ботинке новобранца, чтобы его смерть не стала обузой для проекта «Хаос».

Кроме того, новобранец должен принести с собой следующее:

Две черные рубашки.

Двое черных брюк.

Босс тащит мне на стол очередной лист и кладет у моего локтя. Я больше не ношу галстук. На боссе – синий галстук, значит, сегодня четверг. Дверь в кабинет босса теперь всегда закрыта, и мы не обменялись и парой слов с того дня, как он нашел в копировальной машине правила бойцовского клуба, а я намекнул, что могу выпотрошить его выстрелом из винтовки. Славно подурачился.

О, я мог бы позвонить в отдел контроля в министерстве транспорта. Монтажный кронштейн переднего сиденья не прошел аварийных испытаний, прежде чем его запустили в производство.

Если знать где искать, повсюду зарыты трупы.

– Доброе утро, – говорю я.

– Доброе утро, – отвечает босс.

У моего локтя лежит очередной важный, секретный документ.

Пара крепких черных ботинок.

Две пары черных носков и простого нижнего белья.

Одна теплая черная куртка.

Включая одежду, в которой явится новобранец.

Одно белое полотенце.

Один армейский матрас.

Одна белая пластмассовая миска.

Босс по-прежнему стоит у моего стола. Я беру оригинал списка и благодарю его. Он уходит в свой кабинет, а я возвращаюсь к пасьянсу на компьютере.

После работы я отдаю Тайлеру копии.

Так проходят дни. Я иду на работу. Возвращаюсь домой. Иду на работу.

Возвращаюсь домой, и у нашего парадного крыльца стоит парень. Держит коричневый бумажный пакет со второй черной рубашкой и брюками. Есть у него и все прочее: белое полотенце, армейский матрас и белая пластмассовая миска. Из верхнего окна мы с Тайлером подглядываем за парнем, и Тайлер велит отослать его прочь.

– Слишком молодой, – объясняет он.

Парень на крыльце – мистер ангельское лицо, которого я пытался уничтожить в ту ночь, когда Тайлер придумал проект «Хаос». Несмотря на подбитые глаза и коротко подстриженные светлые волосы, видно, что на его суровом красивом личике нет морщин и шрамов. Наряди его в платье, заставь улыбнуться – и он будет женщиной. Мистер ангел просто стоит, прижавшись большими пальцами ног к парадной двери, и глядит прямо перед собой, в растрескавшееся дерево, свесив руки по бокам, в черных ботинках, черной рубашке и черных брюках.

– Избавься от него, – говорит мне Тайлер. – Он слишком молод.

Я спрашиваю: слишком – это насколько?

– Не важно. Если новобранец молодой, мы говорим ему, что он слишком молодой. Если толстый – слишком толстый. Если старый – слишком старый. Худой – слишком худой. Белый – слишком белый. Черный – слишком черный.

Так испытывали кандидатов в буддистских храмах квадриллионы лет назад, объясняет Тайлер. Велишь претенденту уходить, и если его решимость настолько сильна, что он прождет у входа три дня, без еды, укрытия и поощрения, тогда – и только тогда – ему разрешают войти и начать учебу.

Я говорю мистеру ангелу, что он слишком молод, но наступает время обеда, а он все стоит. После обеда я иду на улицу, колочу мистера ангела метлой и швыряю его вещички на дорогу. Тайлер сверху смотрит, как я луплю паренька метлой по уху, а он продолжает стоять. Потом кидаю его пожитки в сливную канаву и ору.

Уходи, ору я. Ты что, не слышал? Ты слишком молод. Ты не справишься. Возвращайся через пару лет и попробуй снова. Уходи. Убирайся с моего крыльца.

На следующий день парень продолжает стоять, и на улицу выходит Тайлер.

– Мне жаль, – произносит он.

Тайлер говорит: ему очень жаль, что он рассказал парню про тренировки, но тот действительно слишком молод, и ему следует уйти.

Добрый коп. Злой коп.

Я снова ору на беднягу. Потом, через шесть часов, появляется Тайлер и говорит: очень жаль, но нет. Парень должен уйти. Тайлер грозит позвонить в полицию, если он не исчезнет.

А парень стоит.

Его одежда валяется в сливной канаве. Ветер уносит разорванный бумажный пакет.

А парень стоит.

На третий день у парадной двери возникает следующий новобранец. Мистер ангел продолжает стоять, и Тайлер спускается вниз и говорит мистеру ангелу:

– Собери свои пожитки и заходи.

Новому парню Тайлер объясняет: ему жаль, но произошла ошибка. Новый парень слишком стар для тренировок, и лучше ему уйти.

Я каждый день хожу на работу. Возвращаюсь домой – и каждый день на парадном крыльце торчит один или два парня. Эти новые парни не смотрят мне в лицо. Я закрываю дверь и оставляю их на крыльце. Некоторое время это происходит ежедневно. Иногда новобранец уходит, но большинство остается до третьего дня. В итоге заполняются почти все койки, которые мы с Тайлером купили и разместили в подвале.

Однажды Тайлер дает мне пятьсот долларов наличными и велит постоянно носить в ботинке. Мои личные похоронные деньги. Очередная старинная буддистская традиция.

Я прихожу домой с работы – и дом кишит незнакомцами, которых принял Тайлер. Все они трудятся. Весь первый этаж превратился в кухню и мыловарню. В ванной всегда кто-то есть. Отряды людей исчезают на несколько дней и возвращаются с красными прорезиненными пакетами с жидким, водянистым жиром.

Однажды Тайлер поднимается наверх, где я прячусь в своей комнате, и говорит:

– Не мешай им. Они знают, что делать. Это часть проекта «Хаос». Никто не понимает всего плана целиком, однако каждый обучен безукоризненно выполнять одну простую задачу.

Правило проекта «Хаос»: ты должен доверять Тайлеру.

Потом он исчезает.

Команды проекта «Хаос» целый день перерабатывают жир. Я не сплю. Всю ночь слышу, как другие команды смешивают щелок, нарезают бруски и просушивают на бумаге для готовки, а потом заворачивают каждый в оберточную бумагу и заклеивают эмблемой

«Мыловарни на Пейпер-стрит». Похоже, все, кроме меня, знают, что делать, а Тайлера никогда нет дома.

Я жмусь к стенам, словно мышь в ловушке часового механизма из молчаливых людей, которые с энергией дрессированных мартышек готовят, работают и спят командами. Потяни рычаг. Нажми кнопку. Команда мартышек-астронавтов целый день готовит еду, и целый день команды мартышек-астронавтов едят из пластмассовых мисок, которые принесли с собой.

Однажды утром я ухожу на работу – и вижу на парадном крыльце Большого Боба в черных ботинках, черной рубашке и черных брюках. Я спрашиваю, встречал ли он Тайлера? Не Тайлер ли его послал?

– Первое правило проекта «Хаос», – говорит Большой Боб, сведя пятки вместе и выпрямив спину, – никаких вопросов.

Я интересуюсь: и какой же безмозглой маленькой честью одарил его Тайлер? Задача некоторых парней сводится к тому, чтобы день напролет варить рис, мыть миски или чистить сортир. День напролет. Пообещал ли Тайлер Большому Бобу просветление, если тот шестнадцать часов в сутки станет заворачивать мыло?

Большой Боб не отвечает.

Я иду на работу. Возвращаюсь домой – и Большой Боб по-прежнему на крыльце. Я не сплю всю ночь, а следующим утром Большой Боб возится в саду.

Прежде чем отправиться на работу, я спрашиваю Большого Боба: кто его впустил? Кто дал ему это задание? Он видел Тайлера? Тот приходил прошлой ночью?

– Первое правило проекта «Хаос»... – начинает Боб.

Да, перебиваю я. Да, да, да, да, да!

Пока я на работе, команды мартышек-астронавтов вскапывают грязную лужайку вокруг дома и посыпают грязь английской солью, чтобы снизить кислотность. Сдабривают бесплатным навозом со скотобазы и мешками обрезков ногтей из парикмахерских, чтобы отогнать кротов и мышей и обогатить почву белком.

Ночью мартышки-астронавты приносят со скотобойни мешки кровавой муки для обогащения почвы железом и костной муки, чтобы обогатить почву фосфором.

Команды мартышек-астронавтов сажают калейдоскопными узорами базилик и тимьян, салат-латук и мяту, проростки лещины

виргинской, эвкалипта и жасмина. Розовое оконце во всевозможных оттенках зелени. Другая команда выходит по ночам и при свечах убивает слизней и улиток. Третья команда мартышек-астронавтов собирает лучшие листья и можжевельные ягоды, чтобы варить естественный краситель. Окопник, потому что это природное дезинфицирующее средство. Листья фиалки – они помогают от головной боли, и подмаренник душистый – он придает мылу аромат свежескошенной травы.

Кухня заставлена бутылками сорокапятиградусной водки для изготовления полупрозрачного мыла с розовой геранью и желтым сахаром, а также мыла с пачули, и я краду бутылку и трачу свои личные похоронные деньги на сигареты. Приходит Марла. Мы говорим о растениях. Гуляем с ней по разровненным гравийным дорожкам среди калейдоскопных садовых узоров, пьем и курим. Обсуждаем ее грудь. Обсуждаем что угодно, кроме Тайлера Дердана.

Однажды в газете появляется заметка о том, как отряд людей в черном пронесся по зажиточному кварталу и роскошному автосалону, колотя бейсбольными битами по передним бамперам машин так, чтобы воздушные подушки выстрелили, а сигнализация заорала.

В «Мыловарне на Пейпер-стрит» другие команды собирают лепестки роз, ветрениц и лаванды и упаковывают цветы в коробки с лепешками чистого топленого жира, чтобы тот впитал аромат и получилось мыло с цветочным запахом.

Марла рассказывает мне о растениях.

Роза, говорит она, это природное вяжущее средство.

Названия некоторых растений словно взяты из некролога: ирис, базилик, рута, розмарин и вербена. Другие, например, таволга и примула, аир и валериана, напоминают имена шекспировских фей. Кокушник, сладко пахнущий ванилью. Лещина, очередное природное вяжущее средство. Касатик, дикий ирис.

Каждую ночь мы с Марлой гуляем по саду, пока я не удостоверюсь, что сегодня Тайлер домой не придет. Прямо за нами всегда волочится мартышка-астронавт, чтобы подобрать веточку мелиссы, или руты, или мяты, которую Марла растерла перед моим носом. Сигаретный окурочок. Мартышка-астронавт разравнивает за собой дорожку, чтобы стереть следы нашего пребывания.

Однажды ночью, в парке на окраине города, другая группа людей полила бензином все деревья и почву между ними и устроила великолепный лесной пожар. В газете написали, что стекла домов на противоположной стороне улицы плавилась от огня, а припаркованные машины проседали на размякших покрышках.

Дом Тайлера на Пейпер-стрит – живое существо, влажное изнутри от дыхания и пота множества людей. Множество людей шевелятся внутри, и дом – вместе с ними.

Еще одной ночью, когда Тайлер не вернулся домой, кто-то просверлил банкоматы и таксофоны, потом вставил в просверленные отверстия масленки и при помощи шприца для смазки накачал банкоматы и таксофоны солидолом или ванильным пудингом.

А Тайлер не бывал дома, однако месяц спустя несколько мартышек-астронавтов красовались с его поцелуем, выжженным на тыльной стороне руки. Вскоре они тоже исчезли, и на парадном крыльце появились новые, им на смену.

И каждый день команды людей приезжали и уезжали на разных автомобилях. Ни одна машина не появлялась дважды. Однажды вечером я услышал, что Марла на крыльце говорит мартышке-астронавту:

– Я пришла повидать Тайлера Дердана. Он здесь живет. Я его друг.

Мартышка-астронавт отвечает:

– Мне жаль, но ты слишком... – Он делает паузу. – Слишком молода, чтобы обучаться тут.

– Иди в задницу!

– И кроме того, – продолжает мартышка-астронавт, – ты не принесла необходимые вещи: две черные рубашки, двое черных брюк...

– Тайлер! – орет Марла.

– Пару крепких черных ботинок.

– Тайлер!

– Две пары черных носков и простого нижнего белья.

– Тайлер!

Я слышу, как захлопывается парадная дверь. Марла не стала ждать три дня.

Обычно после работы я отправляюсь домой и делаю себе сандвич с арахисовым маслом.

Когда я прихожу, одна мартышка-астронавт читает другим мартышкам-астронавтам, которые расселись на полу, заняв весь первый этаж:

– Ты – не прекрасная, единственная в своем роде снежинка. Ты – такая же гниющая органика, как прочие, и все мы – часть одной компостной кучи.

– Наша культура сделала нас одинаковыми. Больше нет черных и белых, бедных и богатых. Мы все одинаковые. По отдельности мы – ничто.

Мартышка-астронавт замолкает, когда я вхожу, чтобы приготовить себе сандвич, и все мартышки-астронавты сидят молча, будто вокруг меня никого нет. Не обращайтесь внимания, говорю я. Я это уже читал. Я это напечатал.

Наверное, даже мой босс это читал.

Мы все – одна большая навозная куча, добавляю я. Продолжайте. Играйте в свою игру. Не обращайтесь на меня внимания.

Мартышки-астронавты молча ждут, пока я приготовлю сандвич, возьму очередную бутылку водки и поднимусь наверх. За спиной раздается:

– Ты – не прекрасная, единственная в своем роде снежинка...

Я – Разбитое Сердце Джо, потому что Тайлер бросил меня. Отец тоже. Я могу говорить об этом часами.

Иногда по ночам, после работы, я иду в другой бойцовский клуб, в подвале, или баре, или гараже, и спрашиваю, не видел ли кто Тайлера Дердана.

В каждом новом бойцовском клубе человек, которого я ни разу не встречал, стоит под одинокой лампочкой, окруженный другими людьми, и читает слова Тайлера.

Первое правило бойцовского клуба: бойцовский клуб не обсуждают.

Когда начинаются бои, я отвожу главу клуба в сторону и спрашиваю, не видел ли он Тайлера. Я живу с ним, объясняю я, и он давно не появлялся дома.

Глаза парня лезут на лоб: я действительно знаю Тайлера Дердана?

Так происходит почти в каждом новом бойцовском клубе. Да, отвечаю я, мы с Тайлером лучшие друзья. После чего все внезапно хотят пожать мне руку.

Эти новенькие таращатся на анус в моей щеке и почерневшую кожу лица, желто-зеленую по краям, и называют меня сэром. Нет, сэр. Это вряд ли, сэр. Никто из их знакомых никогда не встречал Тайлера Дердана. Друзья друзей видели его, и они основали этот филиал бойцовского клуба, сэр.

Потом они подмигивают мне.

Никто из их знакомых никогда не видел Тайлера Дердана.

Сэр.

Все спрашивают: это правда? Тайлер Дердан действительно собирает армию? Так говорят. Правда, что Тайлер Дердан спит всего час в сутки? Ходят слухи, будто он отправился в путешествие и основывает бойцовские клубы по всей стране. Всех интересует: что дальше?

Собрания проекта «Хаос» переместились в большие подвалы, потому что комитеты – Поджигатели, Штурмовики, Шалуны и Дезинформаторы – разрастаются по мере того, как все больше парней оканчивают бойцовский клуб. У каждого комитета есть глава, но даже главы не знают, где Тайлер. Он звонит им каждую неделю по телефону.

Все в проекте «Хаос» желают знать, что будет дальше.

Какова наша цель?

Чего нам ждать?

На Пейпер-стрит мы с Марлой гуляем ночью босиком по саду, на каждом шагу тревожа ароматы шалфея, лимонной вербены и розовой герани. Черные рубашки и черные брюки сгорбились вокруг нас со свечами, поднимают листья в поисках улиток и слизней. Марла спрашивает: что здесь творится?

Ключья волос торчат из комьев грязи. Волосы и дерьмо. Костяная мука и кровавая мука. Растения растут быстрее, чем мартышки-астронавты успевают подрезать их.

– Что ты собираешься делать? – спрашивает Марла.

В грязи блестит что-то золотое, и я опускаюсь на колено, чтобы посмотреть.

Я не знаю, что будет дальше, отвечаю я.

Похоже, нас обоих выкинули.

Краем глаза замечаю, как черные мартышки-астронавты рыщут вокруг, горбясь над своими свечами. Золотое пятнышко в грязи – коренной зуб с золотой пломбой. Рядом с ним – еще два, с пломбами из серебряной амальгамы. Это челюсть.

Я говорю: нет, не знаю, что будет дальше. И заталкиваю первый, второй, третий зуб в грязь, и волосы, и дерьмо, и кость, и кровь, чтобы Марла не увидела.

В пятницу вечером засыпаю на своем рабочем столе.

Когда просыпаюсь, уткнувшись лицом в скрещенные руки, звонит телефон, а все остальные уже ушли. Телефон звонил в моем сне, и неясно, прокралась ли реальность в сон или это сон проник в явь.

Я снимаю трубку. Соответствие и обязательства. Это мой отдел. Соответствие и обязательства.

Солнце садится, могучие грозовые тучи размером с Вайоминг и Японию плывут к нам. Не то чтобы у меня на работе было окно. Вся наружная стена от пола до потолка стеклянная. Где бы я ни работал, везде стекло от пола до потолка. Повсюду вертикальные жалюзи. Промышленные серые ковры с коротким ворсом, испещренные курганчиками в тех местах, где компьютеры подключены к сети. Лабиринт кабинок, огороженных заборами из обитой фанеры.

Где-то жужжит пылесос.

Мой босс ушел в отпуск. Прислал мне сообщение и исчез. Я должен подготовиться к формальной проверке через две недели. Забронировать комнату для совещаний. Навести блеск. Обновить резюме. И тому подобное. Против меня готовят дело.

Я – Абсолютная Невозмутимость Джо.

Я вел себя отвратительно.

Снимаю трубку, и это Тайлер. Он говорит:

– Выйди на улицу, ребята ждут тебя на парковке.

Я спрашиваю: какие ребята?

– Они все ждут.

Мои руки пахнут бензином.

– Пора в путь, – говорит Тайлер. – У них машина. «Кадиллак».

Это сон.

Не уверен, снится ли Тайлер мне.

Или это я снюсь ему.

Нюхаю руки, пахнущие бензином. Вокруг никого, я встаю и выхожу на улицу.

Парень из бойцовского клуба занимается машинами, он припарковался у тротуара на чьем-то черном «Роллс-Ройс Корниш», и

я стою и таращусь на черный с золотом портсигар, готовый везти меня куда-то. Механик вылезает из салона и просит меня не волноваться, он взял номерные знаки с какой-то тачки на долговременной парковке в аэропорту.

Наш бойцовский механик говорит, что может завести что угодно. Два провода торчат из рулевой колонки. Соедини провода, замкни реле стартера – и катайся на здоровье.

Или можно через автосалон взломать код ключа.

Три мартышки-астронавта в черных рубашках и черных брюках сидят на заднем сиденье. Не вижу зла. Не слышу зла. Не говорю о зле.

Я спрашиваю: и где же Тайлер?

Механик из бойцовского клуба, словно водитель, держит дверцу открытой для меня. Он высокий и костлявый, его плечи напоминают перекладину телефонного столба.

Я спрашиваю: мы едем к Тайлеру?

В середине переднего сиденья меня ждет праздничный торт со свечками. Я сажусь в машину. Мы едем.

Неделя в бойцовском клубе – и ограничения скорости больше не проблема. Твое дерьмо может на пару дней почернеть от внутренних травм, но ты будешь совершенно спокоен. Другие автомобили мечутся вокруг, притираются вплотную. Водители показывают тебе средний палец. Незнакомцы ненавидят тебя. В этом нет ничего личного. После бойцовского клуба ты настолько расслаблен, что просто не можешь нервничать. Даже радио не включаешь. Пусть трещина в ребрах при каждом вдохе пылает болью. Машины сзади мигают фарами. Солнце садится, оранжевое с золотом.

Механик ведет автомобиль. Праздничный торт лежит на сиденье между нами.

Жутко видеть парней вроде нашего механика в бойцовском клубе. Тощие люди никогда не обмякают. Дерутся, пока не превратятся в отбивную. Татуированные белые парни, напоминающие скелеты, которые окунули в желтый воск; черные парни, похожие на сушеное мясо, – обычно они держатся сплоченно, их легко можно представить в «Анонимных Наркоманах». Они никогда не просят остановиться. Эти парни, пытающиеся излечиться, подобны энергии, они трясутся так быстро, что края размываются.словно единственный дозволенный им выбор – это как они умрут, и они выбирают смерть в бою.

Им приходится сражаться друг с другом, этим парням.

Никто больше не вызывает их на бой, а они не могут вызвать никого, кроме другого дрожащего, нервного скелета, потому что прочие откажутся.

Зрители молчат, когда парни вроде нашего механика колотят друг друга.

Слышишь только, как бойцы дышат сквозь зубы, как шлепают цепляющиеся руки, как кулаки со свистом бьют по тонким, ввалившимся ребрам, зажатым в клинче. Видишь, как пляшут под кожей сухожилия, мускулы и вены. Кожа бугрится и блестит под одинокой лампочкой, влажная от пота.

Проходит десять, пятнадцать минут. Они потеют, и запах этих парней напоминает о жареных цыплятах.

Двадцать минут. Наконец один падает.

После жестокого боя два бывших наркомана держатся вместе до конца ночи, выдохшиеся и улыбающиеся.

Со времен бойцовского клуба этот механик вечно болтается возле дома на Пейпер-стрит. Хочет, чтобы я послушал песню, которую он сочинил. И увидел скворечник, какой он смастерил. Механик показал мне фотографию какой-то девушки и спросил, достаточно ли она симпатичная, чтобы жениться на ней.

Устроившись на переднем сиденье, механик говорит:

– Видел, какой я испек для тебя торт? Сам приготовил.

Сегодня не мой день рождения.

– Масло уходило через поршневые кольца, – продолжает он, – но я поменял масло и воздушный фильтр. Отрегулировал клапана и момент зажигания. Сегодня обещают дождь, поэтому я поменял резинки дворников.

Я интересуюсь: что затеял Тайлер?

Механик открывает пепельницу и защелкивает прикуриватель.

– Это испытание? – спрашивает он. – Ты нас испытываешь?

Где Тайлер?

– Первое правило бойцовского клуба: бойцовский клуб не обсуждают, – говорит механик. – А последнее правило проекта «Хаос» – никаких вопросов.

И что он может мне сказать?

– Ты должен понять, что твой отец стал для тебя прообразом Бога, – произносит механик.

Позади нас моя работа и мой офис становятся все меньше, меньше, меньше, и исчезают.

Мои руки пахнут бензином.

– Если ты мужчина-христианин и живешь в Америке, отец для тебя – прообраз Бога. А если не знаешь своего отца, если он сбежал, или умер, или никогда не бывает дома, что ты думаешь о Боге?

Это догмы Тайлера Дердана. Накорябанные на клочках бумаги, пока я спал, врученные мне, чтобы я распечатал и отксерил их на работе. Я все это читал. Наверное, даже мой босс читал.

– В итоге, – добавляет механик, – ты тратишь жизнь на поиски отца и Бога. Тебе следует принять во внимание то, что Богу ты не нравишься. Может, он нас ненавидит. Это не самое ужасное на свете.

Тайлер считал, что привлечь внимание Бога скверным поведением лучше, чем вообще не привлекать, потому что Божья ненависть важнее Его равнодушия.

Если можешь стать либо худшим врагом Господа, либо никем, что ты выберешь?

Согласно Тайлеру Дердану, мы – средние дети Господа, им нет особого места в истории и они не стоят особого внимания.

Если мы не привлечем внимания Господа, то нам не светят вечные муки или искупление.

Что хуже – ад или пустота?

Мы сможем спастись, только если нас поймают и накажут.

– Сожги Лувр, – говорит механик, – и подотришь «Моной Лизой». Так Господь хотя бы узнает наши имена.

Чем ниже падешь, тем выше взлетишь. Чем дальше убежишь, тем сильнее Бог захочет вернуть тебя.

– Если бы блудный сын остался дома, упитанный телец был бы жив, – усмехается механик.

Недостаточно быть причисленным к песчинкам на морском берегу и звездам в ночном небе.

Механик выводит черный «Корниш» на старое объездное шоссе без полосы обгона, и за нами быстро выстраивается очередь грузовиков, соблюдающих скоростной режим. Фары сзади озаряют салон, наши отражения возникают на внутренней стороне лобового

стекла. Мы соблюдаем скоростной режим. Так быстро, как позволено законом.

Закон есть закон, сказал бы Тайлер. Ехать слишком быстро – все равно что устроить пожар, или сбросить бомбу, или застрелить человека.

Преступник есть преступник.

– На прошлой неделе мы могли бы заполнить еще четыре бойцовских клуба, – говорит механик. – Может, Большой Боб согласится управлять очередным филиалом, если удастся найти бар.

Значит, на следующей неделе он обсудит правила с Большим Бобом и вручит ему его собственный бойцовский клуб.

С этого момента, когда бойцовский клуб открывается и все выжидательно толпятся вокруг лампочки в середине подвала, глава должен обходить толпу по внешнему периметру, в темноте.

Я спрашиваю: кто придумал новые правила? Тайлер?

Механик улыбается и отвечает:

– Сам знаешь, кто их придумывает.

Согласно новому правилу, никто не должен быть средоточием бойцовского клуба. Никто не должен находиться в центре, кроме двух бойцов. Глава будет кричать из темноты, медленно обходя толпу. Мужчины в толпе будут смотреть на других мужчин по ту сторону пустого центра подвала.

Так будет во всех бойцовских клубах.

Найти бар или гараж для нового бойцовского клуба несложно. Первый бар, тот самый, в котором до сих пор собирается изначальный бойцовский клуб, за одну субботнюю ночь окупает месячную арендную плату.

Если верить механику, еще одно новое правило бойцовского клуба гласит: клуб всегда будет бесплатным. Не нужно будет платить за вход. Механик кричит в открытое окно встречному потоку и ночному ветру, обдувающему бок машины:

– Нам нужны вы, а не ваши деньги!

– Пока ты в бойцовском клубе, твой счет в банке не имеет значения. Твоя работа не имеет значения. Твоя семья не имеет значения, и не имеет значения, кем ты себя считаешь.

– Твое имя не имеет значения.

– Твои проблемы не имеют значения! – подхватывают мартышки-астронавты на заднем сиденье.

– Твои проблемы не имеют значения! – кричит механик.

– Твой возраст не имеет значения! – орут мартышки-астронавты.

– Твой возраст не имеет значения! – вопит механик.

Тут механик, хладнокровный как огурец, выезжает на встречную полосу, и «Корниш» заполняется светом фар. Одна машина, другая несутся на нас, визжа клаксоном, и в последнее мгновение механик уворачивается от них. Фары приближаются, растут, клаксон гудит, а механик наклоняется вперед, в сияние и шум, и кричит:

– Твои надежды не имеют значения!

Никто не подхватывает его крик.

На сей раз успевает увернуться встречная машина.

Приближается еще одна, мигает, переключаясь между ближним и дальним светом, клаксон ревет, а механик визжит:

– Тебе нет спасения!

Механик не сворачивает, сворачивает встречный автомобиль.

Еще одна машина – и механик орет:

– Когда-нибудь мы все умрем!

Встречная машина сворачивает, но механик вновь преграждает ей путь. Она снова сворачивает – и механик опять оказывается перед ней.

В это мгновение ты таешь и разбухаешь. В этот миг ничто не имеет значения. Взгляни на звезды – и ты пропал. Ничто. Ни твой багаж. Ни скверное дыхание. За окнами темнота, вокруг режут клаксоны. Фары светят, высоко – низко, высоко – низко, перед твоими глазами, и тебе больше никогда не придется идти на работу.

Никогда не придется стричься.

– Быстрый, – говорит механик.

Машина снова уворачивается, и он вновь сворачивает вслед за ней.

– Что бы ты хотел сделать перед смертью? – спрашивает он.

Встречный автомобиль сигналил, а механик спокойно смотрит на меня.

– Десять секунд до столкновения, – говорит он.

– Девять.

– Восемь.

– Семь.

– Шесть.

Работа, говорю я. Я хотел бы уволиться с работы.

Визг проносится мимо: машина сворачивает, но механик не повторяет ее маневра.

Спереди приближаются новые огни, и механик смотрит на трех мартышек на заднем сиденье.

– Эй, мартышки-астронавты, – говорит он, – видели, как нужно играть? Колитесь, или мы трупы.

Справа нас обгоняет машина, наклейка на бампере гласит: «По пьяни я вожу лучше». Если верить газетам, тысячи этих наклеек просто появились на автомобилях одним прекрасным утром. Есть и другие: «Отбей меня нежно». «Пьяные водители против матерей». «Животных на вторсырье».

Читая газету, я понимаю: это работа Комитета дезинформации или Комитета шалостей.

Сидя рядом со мной, наш чистенький, трезвый бойцовский механик говорит: точно, пьяные наклейки на бамперах – часть проекта «Хаос».

Три мартышки-астронавта молчат на заднем сиденье.

Комитет шалостей печатает самолетные инструкции, на которых пассажиры дерутся за кислородные маски в лайнере, несущемся на скалы со скоростью тысяча миль в час.

Комитеты шалостей и дезинформации соревнуются друг с другом в разработке компьютерного вируса, который заставит банкоматы плевать десяти- и двадцатидолларовыми купюрами.

Выскакивает раскаленный прикуриватель, и механик велит мне зажечь свечи на торте.

Я зажигаю свечи, торт мерцает под маленьким пламенным нимбом.

– Что бы вы хотели сделать, прежде чем умереть? – спрашивает механик и выруливает перед несущимся на нас грузовиком. Грузовик протяжно ревет, выдавая гудок за гудком, фары, подобно расцвету, сияют все ярче и ярче, отражаясь в улыбке механика.

– Быстрее загадайте желание, – обращается он к мартышкам-астронавтам. – Пять секунд до забвения.

– Одна, – говорит он.

– Две.

Грузовик прямо перед нами, ослепительно-яркий и ревущий.

– Три.

– Покататься на лошади, – слышится с заднего сиденья.

– Построить дом.

– Сделать татуировку.

– Уверуйте в меня – и умрете на веки вечные, – говорит механик.

В последний момент грузовик сворачивает, и механик тоже сворачивает, но «Корниш» заносит, и его зад врежется в край переднего бампера грузовика.

Разумеется, в тот момент я этого не понимаю, я вижу огни, фары грузовика гаснут, наступает темнота, и меня бросает сначала на пассажирскую дверцу, потом на торт и механика за рулем.

Механик лежит, вцепившись в руль, пытаюсь удержать его в прямом положении, свечи на торте погасли. На одну великолепную секунду в черной кожаной темноте салона воцаряется абсолютный мрак, и мы кричим на низкой ноте, в унисон со стонами грузовика, и у нас нет ни контроля, ни выбора, ни направления, ни выхода, и мы мертвы.

Прямо сейчас я хочу умереть. По сравнению с Тайлером я – ничто.

Я беспомощен.

Я глуп, могу лишь желать вещей и нуждаться в них.

Моя крошечная жизнь. Моя говенная мелкая работенка. Шведская мебель. Я никогда, никогда никому об этом не говорил, но до встречи с Тайлером я собирался завести собаку и назвать ее Антураж.

Вот какой ужасной может стать жизнь.

Убейте меня.

Я хватаю руль и возвращаю нас в автомобильный поток.

Сейчас.

Приготовиться катапультировать душу.

Сейчас.

Механик борется за обочину, а я – за смерть.

Сейчас. Удивительное чудо смерти: вот ты ходишь и говоришь – а вот ты уже предмет.

Я ничто; даже меньше, чем ничто.

Холодный.

Невидимый.

Пахнет кожей. Мой ремень безопасности перекрутился и связал меня, словно смирительная рубашка, и, попробовав сесть, я ударяюсь головой о руль. Очень больно. Моя голова лежит на коленях механика, и, посмотрев вверх и сфокусировавшись, я вижу над собой его улыбающееся лицо. Он ведет машину, и звезды светят в водительское окно.

Мое лицо и руки покрыты чем-то липким.

Кровь?

Сливочная глазурь.

Механик смотрит вниз.

– С днем рождения.

Я чувствую запах дыма и вспоминаю торт.

– Я чуть не сломал руль о твою голову, – говорит механик.

Ничего больше, лишь ночной воздух, и запах дыма, и звезды, и механик, который улыбается и ведет машину с моей головой на коленях, и внезапно у меня пропадает всякое желание подниматься.

А где торт?

– На полу, – говорит механик.

Только ночной воздух. Запах дыма усиливается.

Мое желание исполнилось?

Лицо надо мной улыбается на фоне звездного окна.

– Эти свечи для тортов, – говорит механик, – их невозможно погасить.

Мои глаза привыкают к свету звезд, и я вижу дым, поднимающийся от множества крошечных пожарчиков на ковре.

Механик из бойцовского клуба жмет на газ, невозмутимо бушует за рулем, и нас по-прежнему сегодня ждет важное дело.

До конца цивилизации мне нужно научиться узнавать направление по звездам. Вокруг тихо, словно едем в открытом космосе. Наверное, мы свернули с шоссе. Парни на заднем сиденье отрубались или спят.

– Ты побывал на пороге жизни, – говорит механик.

Он опускает руку и касается длинной припухлости в том месте, где мой лоб встретился с рулем. Лоб распух, и глаза почти не открываются, а механик проводит по припухлости холодным пальцем. «Корниш» подсказывает на ухабе, и боль словно вытягивается над глазами, подобно тени от козырька кепки. Задние рессоры и бампер кашляют и скрипят в тиши ночной дороги.

Механик говорит, что задний бампер «Корниша» держится на соплях, его почти оторвало передним бампером грузовика.

Я спрашиваю: это часть его домашнего задания в проекте «Хаос»?

– Да, – кивает он. – Я должен был принести в жертву четырех человек и принять груз жира.

Жира?

– Для мыла.

Что затеял Тайлер?

Механик начинает говорить – и я слышу Тайлера Дердана.

– Я вижу сильнейших и умнейших из всех людей, что жили когда-либо, – произносит он, и звезды в водительском окне светят в его лицо. – И эти люди заправляют машины и обслуживают столики.

Наклон его лба, брови, изгиб носа, ресницы и глаза, лепной профиль двигающихся губ очерчены темнотой в звездном свете.

– Если мы соберем этих людей в тренировочных лагерях и воспитаем их...

– Пистолет лишь фокусирует взрыв в заданном направлении...

– Есть класс сильных, молодых мужчин и женщин, они хотят прожить жизнь не зря. Реклама заставляет их гоняться за машинами и

шмотками, какие им не нужны. Целые поколения выполняют работу, которую ненавидят, ради того, чтобы купить то, что им не нужно.

– На долю нашего поколения не выпало мировой войны или Великой депрессии, но мы ведем войну духовную. Мы восстали против культуры. Наша жизнь – великая депрессия. Депрессия духа.

– Мы должны показать этим мужчинам и женщинам свободу, поработив их, и показать мужество, напугав их.

– Наполеон хвалился, будто может выдрессировать людей расставаться с жизнью за клочок ленты.

– Представь, как мы объявим забастовку, и все откажутся работать, пока мы не перераспределим мировое богатство.

– Представь, как отслеживаешь лося в сыром лесистом каньоне рядом с руинами Рокфеллеровского центра.

– Твои слова насчет работы, – говорит механик. – Ты это серьезно?

Да, серьезно.

– Вот почему мы сегодня в пути, – произносит он.

Мы – охотничий отряд, а цель охоты – жир.

Мы едем на свалку медицинских отходов.

Мы пойдем к мусоросжигательной печи и там, среди грязных хирургических простыней, бинтов, десятилетних опухолей, внутривенных трубок и использованных игл – жутких, действительно жутких вещей, – среди образцов крови и ампутированных обрезков, откопаем больше денег, чем сможем вывезти за одну ночь, даже на самосвале.

Мы будем загружать этими деньгами «Корниш», пока он не просядет до земли.

– Жир, – говорит механик, – жир после липосакции, высосанный из богатейших бедер Америки. Богатейших, тучнейших бедер в мире.

Наша цель – большие красные пакеты с отсосанным жиром. Мы привезем его на Пейпер-стрит, смешаем со щелоком и розмарином и продадим тем самым людям, которые заплатили за его отсос. Только они могут позволить себе мыло по двадцать баксов за кусок.

– Богатейший, мягчайший жир в мире, жирнейший жир, – говорит он. – Мы сегодня что-то вроде Робин Гуда.

Маленькие восковые костры шипят на ковре.

– Пока будем там, – добавляет механик, – заодно поищем вирус гепатита.

Теперь слезы текли ручьем, одна скатилась по стволу пистолета и капнула на мой указательный палец. Раймонд Хессел закрыл глаза, и я с силой прижал пистолет к его виску, чтобы он навсегда запомнил это ощущение, чтобы помнил меня, и свою жизнь, и смерть, которая могла наступить в любую секунду.

Пистолет был дорогим, и я боялся, что соль испортит его.

Все прошло на удивление легко. Я выполнил указания механика. Вот для чего нам требовались пушки. Вот как нужно было делать домашнее задание.

Каждый должен был принести Тайлеру двенадцать водительских прав. Это означало, что каждый принес в жертву двенадцать человек.

Я припарковался за углом и сидел, пока не закончилась смена Раймонда Хессела в круглосуточном «Корнер-март». Около полуночи, когда он ждал ночного автобуса, я подошел к нему и сказал: привет.

Что до Раймонд Хессела, Раймонд не сказал ничего. Может, решил, что мне нужны его деньги, минимальная оплата труда, четырнадцать баксов из бумажника. О Раймонд Хессел, двадцати трех лет, как твои слезы катились по стволу моего пистолета, прижатого к твоему виску! Нет, дело было не в деньгах. На свете есть не только деньги.

Ты даже не поздоровался.

Причина не в твоём маленьком, жалком бумажнике.

Я сказал: хорошая ночь, прохладная, но ясная.

А ты даже не поздоровался.

Я предупреждал: не беги, иначе мне придется застрелить тебя в спину. Я достал пистолет, на мне были латексные перчатки, на случай, если оружие когда-нибудь станет уликой. А на нем не будет ничего, кроме высохших слез Раймонда Хессела, белого, двадцати трех лет, без особых примет.

Тогда я привлек твое внимание. Твои глаза настолько расширились, что даже в свете фонаря я увидел, что они зеленые, как антифриз.

Ты понемногу отступал всякий раз, когда пистолет касался твоего лица, словно дуло было раскаленным или ледяным. Пока я не сказал: стой на месте, и тогда ты позволил пистолету коснуться тебя, но запрокинул голову подальше от дула.

Ты отдал мне свой бумажник, как я просил.

Имя на водительских правах: Раймонд К. Хессел. Ты живешь на Беннинг Ю-В, дом 1320, квартира «А». Видимо, это подвал. Обычно подвальным квартирам дают буквы, а не номера.

Раймонд К. К. К. К. К. Хессел, я обращался к тебе.

Ты запрокинул голову подальше от пистолета и кивнул. Да, верно, ты живешь в подвале.

У тебя в бумажнике лежали фотографии. Твоей матери.

Тут тебе пришлось открыть глаза и одновременно увидеть фотографию улыбающихся мамочки и папочки и пистолет, но ты справился, а потом снова закрыл глаза и заплакал.

Ты остынешь, о дивное чудо смерти. Вот ты человек – а вот предмет, и мамочке с папочкой придется звонить престарелому доктору и просить твои зубные снимки, потому что от твоего лица почти ничего не осталось, а мамочка с папочкой всегда ожидали от тебя большего, и нет, жизнь несправедлива, и вот к чему все свелось.

Четырнадцать долларов.

Это, спросил я, твоя мама?

Да. Ты плакал, хлюпал, всхлипывал. Сглотнул. Да.

У тебя был читательский билет. Абонемент видеопроката. Карточка социального обеспечения. Четырнадцать долларов наличными. Я хотел взять проездной на автобус, но механик сказал: только водительские права. Просроченный студенческий билет муниципального колледжа.

Ты чему-то учился.

К этому времени ты уже рыдал, поэтому я сильнее прижал пистолет к твоей щеке, а ты начал пятиться, пока я не сказал: не двигайся, или ты покойник. Так чему ты учился?

Где?

В колледже, сказал я. У тебя есть студенческий билет.

О, не знаю, всхлип, хлюп, угм, соп, всякому. Биологии.

Послушай меня, Раймонд К. К. К. Хессел, ты умрешь очень скоро, сегодня. Через секунду или через час – тебе решать. Давай, ври. Скажи

первое, что придет в голову. Сочини что-нибудь. Мне плевать. У меня пушка.

Наконец ты отвлекся от крошечной трагедии в собственной голове и начал слушать.

Вставь пропущенные слова. Кем хочет стать Раймонд Хессел, когда вырастет?

Пойти домой, сказал ты, просто пойти домой.

Быть не может, усмехнулся я. Но после этого, как бы ты хотел провести свою жизнь? Если бы мог делать что угодно?

Придумай что-нибудь.

Ты не знал.

В таком случае, ты покойник. Поверни голову.

Смерть наступит через десять, девять, восемь...

Ветеринаром, ответил ты. Ты хочешь быть ветеринаром.

То есть возиться с животными. Для этого нужно учиться.

Слишком много учиться, добавил ты.

Ты можешь надрывать задницу в колледже, Раймонд Хессел, или умереть. Выбирай. Я сунул твой бумажник в задний карман твоих джинсов. Значит, ты действительно хочешь лечить животных? Я убрал соленное от слез дуло от одной щеки Раймонда и прижал к другой. Этим ты всегда мечтал заниматься, доктор Раймонд К. К. К. Хессел?

Да.

Не врешь?

Нет. То есть да, не вру.

Ладно, сказал я и прижал влажное дуло к твоему подбородку, а затем к кончику носа, оставляя блестящие мокрые круги твоих слез.

В таком случае, возвращайся в колледж. Если проснешься завтра утром живым, найдешь способ вернуться туда.

Я прижал влажное дуло к каждой щеке, потом к подбородку, ко лбу и там его и оставил. Ты все равно что покойник, сказал я.

У меня твои права.

Я знаю, кто ты, где живешь. Я сохраню твои права и приду, мистер Раймонд К. Хессел. Через три месяца, затем через шесть, через год, и если не вернешься в колледж, чтобы стать ветеринаром, то ты покойник.

Ты не ответил.

Убирайся отсюда и живи своей маленькой жизнью, но помни: я слежу за тобой, Раймонд Хессел, и предпочту убить тебя, чем смотреть, как ты вкалываешь на дрянной работенке, денег от которой хватает только на сыр и телевизор.

Теперь я уйду, так что не оборачивайся.

Вот чего хочет от меня Тайлер.

Мои губы произносят слова Тайлера.

Я – глас Тайлера.

Я – руки Тайлера.

Каждый в проекте «Хаос» – часть Тайлера Дердана, и наоборот.

Раймонд К. К. Хессел, сегодня ужин покажется тебе необычайно вкусным, а завтра будет самый прекрасный день в твоей жизни.

Просыпаешься в Скай-Харбор.

Переводишь часы на два часа назад.

Автобус везет меня в деловую часть Феникса, и в каждом баре, куда я ни зайду, сидят парни со швами по краю глазницы, где удар впечатал плоть в череп, и со свернутыми носами. Они видят меня со сборчатой дырой в щеке, и мы сразу же становимся семьей.

Тайлер давно не был дома. Я делаю свою работенку. Скачу из аэропорта в аэропорт, смотрю на машины, в которых погибли люди. Прелесть путешествий. Крошечная жизнь. Крошечное мыло. Крошечные самолетные кресла.

Куда бы я ни отправился, я везде спрашиваю про Тайлера.

На случай, если я найду его, у меня в кармане лежат двенадцать водительских прав моих человеческих жертв.

В каждом баре, каждом чертовом баре, я вижу избитых парней. В каждом баре они обнимают меня и хотят купить мне пиво. Будто я заранее знаю, в каких барах собирается бойцовский клуб. Я интересуюсь, не видели ли они парня по имени Тайлер Дердан. Глупо спрашивать, знают ли они про бойцовский клуб. Первое правило бойцовского клуба: бойцовский клуб не обсуждают. Но не встречали ли они Тайлера Дердана? Они отвечают: никогда о нем не слышали, сэр. Но, может, вы найдете его в Чикаго, сэр. Наверное, дело в дыре в моей щеке: все зовут меня «сэром». И подмигивают. Просыпаешься в О'Харе и едешь в Чикаго. Переводишь часы на час вперед.

Если можно проснуться в другом месте и в ином времени, почему нельзя проснуться другим человеком? В каждом баре избитые парни желают купить тебе пиво. Нет, сэр, они никогда не встречали этого Тайлера Дердана. Подмигивание. Даже не слышали о нем. Сэр. Я спрашиваю про бойцовский клуб. Здесь сегодня будет бойцовский клуб? Нет, сэр. Второе правило бойцовского клуба: бойцовский клуб не обсуждают. Избитые парни в баре качают головами. Никогда о таком не слышали, сэр. Но, может, вы найдете бойцовский клуб в Сиэтле, сэр. Просыпаешься в Мейгс-Филд и звонишь Марле, узнать, что творится на Пейпер-стрит. Она отвечает: все мартышки-

астронавты бреют головы. Их электрическая бритва раскаляется, и весь дом провонял паленым волосом. Мартышки-астронавты выжигают свой дактилоскопический рисунок щелоком.

Просыпаешься в СиТаке.

Переводишь часы на два часа назад. Едешь в деловую часть Сиэтла, и в первом же баре бармен щеголяет шейным корсетом. Его голова так далеко запрокинулась назад, что он вынужден скосить глаза на свой разбитый баклажанный нос, чтобы улыбнуться тебе.

В баре пусто.

– С возвращением, сэр, – произносит бармен.

Я никогда прежде не был в этом баре.

Я спрашиваю, знакомо ли ему имя Тайлер Дердан.

Он ухмыляется, выставив подбородок над белым шейным корсетом:

– Это испытание?

Точно, говорю я, испытание. Он когда-нибудь встречал Тайлера Дердана?

– Вы заходили на прошлой неделе, мистер Дердан, – замечает бармен. – Забыли?

Тайлер был здесь.

– Вы здесь были, сэр.

Раньше я сюда не заходил.

– Как скажете, сэр, – кивает бармен, – но в четверг вечером вы зашли спросить, собирается ли полиция нас прикрыть.

В прошлый четверг я всю ночь маялся бессонницей, гадая, сплю я или нет. Проснулся поздно в пятницу, смертельно усталый, словно глаз не сомкнул.

– Да, сэр, – говорит бармен. – В четверг вечером вы стояли на том же самом месте и спрашивали у меня про полицейские рейды, а еще интересовались, сколько парней нам придется прогнать из бойцовского клуба по средам.

Он оглядывает пустой бар и продолжает:

– Никто нас не услышит, мистер Дердан, сэр. Прошлой ночью мы отослали двадцать семь человек. Вечером после бойцовского клуба здесь всегда пусто.

В каждом баре, куда я заходил на этой неделе, все называли меня сэр.

В каждом баре избитые парни из бойцовского клуба ведут себя одинаково. Откуда незнакомцам знать, кто я такой?

– У вас есть родимое пятно, мистер Дердан, – объясняет бармен. – На ступне. Похоже на Новую Зеландию рядом с темно-красной Австралией.

Это известно только Марле и моему отцу. Даже Тайлер об этом не знает. На пляже я всегда сажусь на эту ногу. Рак, которого у меня нет, теперь повсюду.

– Все в проекте «Хаос» знают об этом, мистер Дердан. – Бармен поднимает руку, тыльной стороной ко мне. На руке выжжен поцелуй.

Мой поцелуй?

Поцелуй Тайлера.

– Все знают про родимое пятно. Это часть легенды. Ты становишься легендой, чувак.

Звоню Марле из мотеля в Сиэтле и спрашиваю, занимались ли мы когда-нибудь этим. Ну, этим.

– Чем?

Спали вместе.

– Что?!

Занимался ли я когда-нибудь с ней, ну, сексом?

– Боже!

Так что?

– Что? – говорит она.

Был ли у нас секс?

– Что ты за дерьмо!

Так был или нет?

– Убила бы тебя!

Это «да» или «нет»?

– Я знала, что к этому придет, – говорит Марла. – Ты псих. То любишь меня, то игнорируешь. Спасаясь мне жизнь, а потом делаешь из моей мамы мыло.

Я щиплю себя.

Спрашиваю у Марлы, как мы познакомились.

– На раке яичек, – отвечает она. – Потом ты спас мне жизнь.

Я спас ей жизнь?

– Ты спас мне жизнь.

Тайлер спас ей жизнь.

– Ты спас мне жизнь.

Засовываю палец в дыру в щеке и дергаю. Перед такой болью ни один сон не устоит.

– Ты спас мне жизнь, – повторяет Марла. – В отеле «Риджент». Я случайно попыталась покончить с собой. Помнишь?

О!

– В ту ночь я сказала, что хочу от тебя аборт.

У нас разгерметизация кабины.

Я спрашиваю Марлу, как меня зовут.

Мы все умрем.

– Тайлер Дердан, – отвечает она. – Тебя зовут Тайлер Безмозглая Задница Дердан. Ты живешь на Пейпер-стрит, С-В, пятьдесят один двадцать три, где сейчас полно твоих ученичков, которые бреют головы и жгут себе пальцы щелоком.

Мне нужно поспать.

– Тебе надо вернуться, – кричит Марла в трубку, – пока эти троллята не пустили меня на мыло!

Нужно найти Тайлера.

Шрам на руке, я спрашиваю Марлу, откуда он взялся?

– От тебя. Ты поцеловал мне руку.

Нужно найти Тайлера.

Поспать.

Я желаю Марле спокойной ночи, ее крики становятся тише, тише, тише и смолкают совсем, когда я кладу трубку.

Всю ночь твои мысли в прямом эфире.

Я сплю? Спал ли я? Это бессонница.

Попробуй немного расслабляться с каждым выдохом, но сердце несется вскачь, а в голове – мысленный торнадо.

Ничто не помогает, даже направленная медитация.

Ты в Ирландии.

Считать овец.

Считаешь дни, часы, минуты с тех пор, как в последний раз спал. Врач усмехается. От недостатка сна еще никто не умирал. Твое синюшное, сморщенное лицо похоже на лицо трупа.

В четвертом часу утра, в номере мотеля в Сиэтле, поздновато искать группу поддержки раковых больных. Поздновато для маленьких голубых таблеточек амобарбитала или ярко-алого секонала, полного игрового набора Долины кукол. В четвертом часу утра не попадешь в бойцовский клуб.

Нужно найти Тайлера.

Поспать.

Потом просыпаешься – и Тайлер стоит в темноте рядом с кроватью.

Когда ты засыпал, Тайлер стоял рядом и говорил:

– Проснись. Проснись, мы решили проблему с полицией в Сиэтле. Проснись.

Комиссар полиции желал провести рейд по поводу так называемой активности организованных банд и ночных боксерских клубов.

– Но не тревожься, – говорит Тайлер. – Мистер полицейский комиссар не создаст нам проблем. Мы держим его за яйца.

Я спрашиваю, преследует ли Тайлер меня.

– Забавно, – говорит он. – Я хотел спросить у тебя то же самое. Ты обсуждал меня с другими людьми, нарушил свое обещание.

– Всякий раз, стоит тебе заснуть, я сбегая и делаю что-то дикое, безумное, совершенно невероятное.

Тайлер опускается на колени рядом с кроватью и шепчет:

– В прошлый четверг ты заснул, а я сел на самолет до Сиэтла, чтобы провести небольшой смотр бойцовских клубов. Проверить число отказников и прочее. Поискать новые таланты. В Сиэтле тоже проект «Хаос».

Кончики пальцев Тайлера скользят по припухлости над моими бровями.

– Проект «Хаос» есть в Лос-Анджелесе и Детройте. Крупный проект «Хаос» развернут в Вашингтоне и Нью-Йорке. В Чикаго такой проект «Хаос», что ты бы не поверил.

– Поверить не могу, что ты нарушил обещание, – добавляет он. – Первое правило: бойцовский клуб не обсуждают.

Он находился в Сиэтле на прошлой неделе, когда бармен в шейном корсете рассказал ему, что полиция собирается провести рейд по бойцовским клубам. Сам комиссар полиции желал чего-то особенного.

– Дело в том, – говорит Тайлер, – что полиция ходит в бойцовские клубы, и ей там нравится. У нас есть газетные репортеры, судебные клерки и юристы, и мы заранее знаем, что должно произойти.

Нас собирались закрыть.

– По крайней мере, в Сиэтле, – говорит Тайлер.

Я спрашиваю, что сделал он.

– Мы сделали вот что, – отвечает Тайлер.

Созвали собрание Штурмового комитета.

– Больше нет тебя и меня. – Он щиплет кончик моего носа. – Думаю, ты это уже понял.

Мы оба используем одно тело – но в разное время.

– Мы задали особое домашнее задание. Велели принести нам дымящиеся яйца достойного комиссара полиции Сиэтла.

Я не сплю.

– Нет, спишь, – уверяет Тайлер.

Мы создали команду из четырнадцати мартышек-астронавтов, пятеро из которых были полицейскими, и все вместе явились сегодня вечером в парк, где Его честь выгуливает свою собаку.

– Не волнуйся, – говорит Тайлер, – собака не пострадала.

Все нападение заняло на три минуты меньше, чем лучшая репетиция. Мы заложили двенадцать минут. Лучшая репетиция заняла девять.

Пять мартышек-астронавтов держали комиссара.
Тайлер рассказывает мне все это, но я уже знаю.
Три мартышки-астронавта стояли на стреме.
Одна мартышка-астронавт распоряжалась эфиром.
Одна мартышка-астронавт стащила с Его чести спортивные штаны.

Собака оказалась спаниелем и постоянно лаяла.

Лаяла и лаяла.

Лаяла и лаяла.

Лаяла и лаяла.

Одна мартышка-астронавт трижды обернула верхнюю часть мошонки Его чести резинкой, так, чтобы резинка туго натянулась.

– Одна мартышка сидит между его ног с ножом, – шепчет Тайлер, придвинув избитое лицо к моему уху. – А я советую уважаемому комиссару полиции остановить рейд на бойцовские клубы, иначе мы всем расскажем, что у Его чести нет яиц.

– Как думаете, далеко продвинетесь, ваша честь? – шепчет Тайлер.

От резинки мошонка немеет.

– Далеко продвинетесь в политике, если избиратели будут знать, что у вас нет яиц?

К этому моменту Его честь уже ничего не чувствует.

Его яйца на ощупь как лед.

Если хотя бы один бойцовский клуб закроется, мы разошлем его яйца на запад и восток. Одно – в «Нью-Йорк таймс», другое – в «Лос-Анджелес таймс». Каждому по яйцу. Вроде пресс-релиза.

Мартышка-астронавт убирает тряпицу с эфиром, и комиссар говорит: не надо.

А Тайлер отвечает:

– Нам нечего терять, кроме бойцовского клуба.

У комиссара есть все. У нас осталось только мировое дерьмо и отбросы.

Тайлер кивает мартышке-астронавту с ножом между ног комиссара.

– Представь остаток жизни с пустой мошонкой, – произносит Тайлер.

Комиссар говорит: нет.

Не надо.
Остановитесь.
Пожалуйста.
Ох.
Господи.
Помоги.
Мне.
Помоги.
Нет.
Останови.
Их.

Мартышка-астронавт режет – и перерезает резинку.

Всего шесть минут – и дело сделано.

– Запомни это, – говорит Тайлер. – Ты зависишь от людей, которых пытаешься растоптать. Мы стираем твоё бельё, готовим тебе еду и подаём обед. Заправляем твою постель. Охраняем твой сон. Водим «скорые». Переключаем звонки. Мы – повара и таксисты и знаем про тебя все. Мы обрабатываем твои страховые иски и операции по кредитной карте. Контролируем всю твою жизнь.

– Мы – средние дети истории, взращенные телевидением в вере, что однажды станем миллионерами, кинозвездами и рок-звездами, но это неправда. И мы только начали осознавать этот факт. Не связывайся с нами.

Мартышке-астронавту пришлось крепко прижать эфирную тряпку, чтобы приглушить всхлипывания комиссара и вырубить его.

Другая команда одела комиссара и отвезла вместе с собакой домой. Теперь сохранность секрета зависела от него. Мы уже не ждем рейдов на бойцовские клубы.

Комиссар добрался до дома испуганным, но невредимым.

– Всякий раз, когда мы выполняем эти маленькие домашние задания, – говорит Тайлер, – парни из бойцовского клуба, которым нечего терять, чуть больше вкладываются в проект «Хаос». – Он стоит на коленях рядом с моей кроватью.

– Закрой глаза и дай мне руку.

Я закрываю глаза, и Тайлер берет меня за руку. Я чувствую его губы на шраме от поцелуя.

– Я сказал, что, если начнешь обсуждать меня за моей спиной, никогда больше меня не увидишь, – говорит он. – Мы – не два разных человека. Короче, когда ты бодрствуешь, ты босс и можешь называть себя кем угодно, но как только засыпаешь, боссом становлюсь я, а ты становишься Тайлером Дерданом.

Но мы дрались, замечаю я. В ту ночь, когда придумали бойцовский клуб.

– На самом деле, ты дрался не со мной, – возражает Тайлер. – Ты сам так сказал. Ты дрался со всем, что ненавидишь в жизни.

Но я тебя вижу.

– Ты спишь.

Но ты снимаешь дом. У тебя была работа. Две работы.

– Проверь в банке свои погашенные чеки, – советует Тайлер. – Я снял дом на твоё имя. Ты увидишь, что почерк на чеках за аренду совпадает с почерком на записках, которые ты для меня печатаешь.

Тайлер тратил мои деньги. Неудивительно, что мой кредит всегда превышен.

– Что до работы, как думаешь, почему ты всегда такой уставший? Дело вовсе не в бессоннице. Стоит тебе заснуть, как я захватываю управление и иду на работу, или в бойцовский клуб, или ещё куда. Тебе повезло, что я не стал укротителем змей.

Я спрашиваю: что насчет Марлы?

– Марла любит тебя.

Марла любит *тебя*.

– Она не видит разницы между тобой и мной. В ночь вашего знакомства ты назвался вымышленным именем. Ты никогда не называл своего настоящего имени в группах поддержки. С тех пор как я спас ей жизнь, Марла думает, будто тебя зовут Тайлер Дердан.

И что, теперь, когда я знаю про Тайлера, он просто исчезнет?

– Нет, – говорит он, по-прежнему держа меня за руку. – Меня бы здесь вообще не было, если бы ты не захотел. Я буду жить своей жизнью, когда ты спишь, но если попробуешь наколоть меня, если будешь приковывать себя к кровати по ночам или горстями жрать снотворное, мы станем врагами. И я до тебя доберусь.

Что за чушь? Это сон. Тайлер – плод моего воображения. Диссоциативное расстройство идентичности. Диссоциативная фуга. Тайлер Дердан – моя галлюцинация.

– Иди в задницу, – говорит Тайлер. – Может, это ты – моя шизофреническая галлюцинация.

Я был первым.

– Ну да, ну да, поглядим, кто будет последним, – усмехается он.

Это не по-настоящему. Это сон, и я проснусь.

– Так просыпайся!

Звонит телефон, и Тайлер исчезает.

Солнце пробивается сквозь занавески.

Семь утра, я просил разбудить меня. Снимаю трубку – и в ней мертвая тишина.

Ускоренная перемотка, возвращаюсь домой к Марле и «Мыловарне на Пейпер-стрит».

Все продолжает разваливаться.

Дома я боюсь заглядывать в холодильник. Представьте десятки полиэтиленовых пакетиков для сэндвичей, подписанных городами вроде Лас-Вегаса, Чикаго и Милуоки, где Тайлеру пришлось привести в исполнение свои угрозы для защиты филиалов бойцовского клуба. В каждой пакетике – два замороженных неприглядных обрывка плоти.

В углу кухни мартышка-астронавт сидит на корточках на потрескавшемся линолеуме и разглядывает себя в ручное зеркало.

– Я – поющее, танцующее дерьмо этого мира, – говорит мартышка-астронавт ручному зеркалу. – Я – токсичный отход Божьего творения.

Другие мартышки-астронавты бродят по саду, собирают и убивают.

Положив руку на дверцу морозилки, я делаю глубокий вдох и пытаюсь сконцентрировать свою просветленную духовную сущность.

Капли на розах.

Диснеевские звери.

В частях тела боль.

Морозилка приоткрыта на дюйм. Марла заглядывает мне через плечо и спрашивает:

– Что на обед?

Мартышка-астронавт сидит на корточках, разглядывает себя в ручное зеркало.

– Я – дерьмо и заразные человеческие отходы творения.

Круг замкнулся.

Месяц назад я боялся, что Марла заглянет в морозилку. Теперь я сам боюсь туда заглядывать.

О боже. Тайлер.

Марла любит меня. Она не видит разницы.

– Я рада, что ты вернулся, – говорит Марла. – Нам нужно поговорить.

Это точно, отвечаю я.

Я не могу заставить себя открыть морозилку.

Я – Сморщенная Мошонка Джо.

Я прошу Марлу: не трогай ничего в морозилке. Даже не открывай ее. Если найдешь что-нибудь внутри, не ешь это и не скармливай кошкам, никому не скармливай. Мартышка-астронавт с ручным зеркалом смотрит на нас, поэтому я говорю Марле, что нам нужно уйти. Оказаться в другом месте и побеседовать.

На лестнице в подвал одна мартышка-астронавт читает другим мартышкам-астронавтам:

– Три способа приготовить напалм. Первый: смешать в равных пропорциях бензин и замороженный концентрат апельсинового сока. Второй: смешать в равных пропорциях бензин и диетическую колу. Третий: сыпать раскрошенный наполнитель для кошачьего лотка в бензин, пока не загустеет.

Мы с Марлой телепортируемся из «Мыловарни на Пейпер-стрит» в кабинку у окна на оранжевой планете «У Дэнни».

Об этом рассказывал Тайлер: когда англичане открывали новые земли, основывали колонии и рисовали географические карты, они, как правило, давали этим местам подержанные английские названия. Каждое место должно было получить свое название. Или почти каждое.

Взять, к примеру, Ирландию.

Или Нью-Лондон в Австралии.

Нью-Лондон в Индии.

Нью-Лондон в штате Айдахо.

Нью-Йорк в штате Нью-Йорк.

Ускоренная перемотка в будущее.

Когда начнется эксплуатация дальнего космоса, открывать и наносить новые планеты на карты наверняка будут мегатонные корпорации.

Созвездие «IBM».

Галактика «Филипа Морриса».

Планета «У Дэнни».

Каждая планета будет отождествляться с корпорацией, которая первой до нее доберется.

Мир «Будвайзера».

У нашего официанта на лбу огромная шишка, он стоит, вытянувшись в струнку, пятки вместе.

– Сэр! – говорит наш официант. – Готовы сделать заказ? Сэр! Для вас любое блюдо – бесплатно. Сэр!

Такое впечатление, будто суп пахнет мочой.

Два кофе, пожалуйста.

– Почему он не хочет брать с нас денег? – удивляется Марла.

Он считает меня Тайлером Дерданом, объясняю я.

Раз так, Марла заказывает жареных моллюсков, и суп-пюре из моллюсков, и рыбную корзину, и жареного цыпленка, и запеченный картофель со всем причитающимся, и шоколадный торт с взбитыми сливками.

Через окно в кухню три повара линии раздачи – один со швами на верхней губе – смотрят на нас с Марлой и шепчутся, сдвинув избитые головы. Я прошу официанта: пожалуйста, принесите нам чистую еду. Не кладите никакой дряни в наш заказ.

– В таком случае, сэр, – отвечает он, – рекомендую даме воздержаться от супа-пюре из моллюсков.

Спасибо. Обойдемся без супа-пюре. Марла смотрит на меня, и я говорю: доверься мне.

Официант разворачивается на пятках и марширует с нашим заказом в кухню.

Трое поваров показывают мне через окно поднятые большие пальцы.

– К Тайлеру Дердану прилагаются приятные бонусы, – произносит Марла.

С этого момента, говорю я ей, она должна по ночам следовать за мной повсюду и записывать все места, которые я посещаю. С кем встречаюсь. Кастрирую ли кого-то важного. И тому подобные детали.

Я достаю бумажник и показываю Марле свои водительские права с моим настоящим именем.

Не Тайлером Дерданом.

– Но все знают, что ты – Тайлер Дердан, – замечает она.

Все, кроме меня.

Никто на работе не зовет меня Тайлером Дерданом. Босс зовет меня настоящим именем.

Мои родители знают, кто я такой.

– И почему, – спрашивает Марла, – ты Тайлер Дердан для некоторых, но не для всех?

Впервые я встретил Тайлера во сне.

Я был измотанным, психованным, дерганным и, всякий раз садясь на самолет, хотел, чтобы он разбился. Завидовал людям, умирающим от рака. Ненавидел свою жизнь. Я устал, мне наскучили моя работа и моя мебель, и я не видел способа что-либо изменить.

Только закончить.

Я чувствовал себя в ловушке.

Я был слишком полноценным.

Слишком совершенным.

Я хотел выбраться из своей крошечной жизни. Бросить роль порционного масла и тесных самолетных сидений.

Шведской мебели.

Высокоинтеллектуального искусства.

Я взял отпуск. Уснул на пляже, а когда проснулся, увидел Тайлера Дердана, голого и потного, испачканного песком, с мокрыми, спутанными волосами, свисающими на лицо.

Тайлер вытаскивал из прибоа плавник и волок на пляж.

Он создал тень гигантской руки и сидел на ладони совершенства, которое сам сотворил.

Мгновение – большего от совершенства ждать не приходится.

Может, я так и не проснулся на том пляже.

Может, все это началось, когда я отлил на Камень Красноречия.

Когда засыпаю, в действительности я не сплю.

За другими столиками на планете Дэнниз я вижу одного, двух, трех, четырех, пятерых парней с черными скулами или свернутыми носами. Парни улыбаются мне.

– Нет, – говорит Марла, – ты не спишь.

Тайлер Дердан – отдельная личность, которую я создал, и теперь он угрожает захватить мою реальную жизнь.

– Совсем как мать Тони Перкинса в «Психо», – добавляет она. – До чего же круто. У всех свои маленькие причуды. Я встречалась с парнем, который проколол себе все части тела.

Я хочу сказать, что, когда засыпаю, Тайлер сбегает с моим телом и синюшным лицом, чтобы совершить какое-нибудь преступление. Утром просыпаюсь измотанным и избитым, и мне кажется, будто я вовсе не спал.

Следующим вечером я ложусь в постель пораньше.

И Тайлер чуть дольше стоит у руля.

Каждый вечер я ложусь раньше и раньше, и Тайлер управляет моим телом дольше и дольше.

– Но ты и есть Тайлер, – говорит Марла.

Нет.

Нет, я – не он.

Мне все нравится в Тайлере Дердане: его смелость, ум, хладнокровие. Тайлер – забавный, очаровательный, сильный и независимый, люди слушают его и ждут, что он изменит мир. Тайлер – талантливый и свободный, а я – нет.

Я не Тайлер Дердан.

– Но ты и есть Тайлер, – повторяет она.

Мы с Тайлером делим одно тело, и до сих пор я этого не знал. Когда Тайлер занимался сексом с Марлой, я спал. Он ходил и разговаривал, в то время как я думал, будто сплю.

Все в бойцовском клубе и проекте «Хаос» знают меня как Тайлера Дердана.

Если я каждый вечер буду ложиться чуть раньше, а каждое утро вставать позднее, в конце концов от меня ничего не останется.

Я просто усну – и никогда не проснусь.

– Совсем как животное в службе отлова, – говорит Марла.

«Долина псов». Там, даже если тебя не убьют, даже если ты понравишься кому-то настолько, что тебя заберут домой, тебя все равно кастрируют.

Я никогда не проснусь, и Тайлер станет боссом.

Официант приносит кофе, щелкает каблуками и уходит.

Я нюхаю кофе. Он пахнет кофе.

– Ну ладно, – говорит Марла, – даже если я тебе поверю, чего ты хочешь от меня?

Чтобы Тайлер не захватил контроль полностью, Марла должна не давать мне уснуть. Никогда. Полный цикл.

В ту ночь, когда Тайлер спас ей жизнь, она попросила его не давать ей уснуть всю ночь.

Как только я усну, Тайлер захватит власть, и случится нечто ужасное.

А если я все-таки усну, Марла должна следить за Тайлером. Куда он идет. Что делает. Чтобы днем я поспешно исправил нанесенный ущерб.

Его зовут Роберт Полсон, ему сорок восемь лет. Его зовут Роберт Полсон, и Роберту Полсону всегда будет сорок восемь.

В долгосрочной перспективе любая выживаемость стремится к нулю.

Большой Боб.

Большая Сырная Лепешка. Лосина получил домашнее задание по охлаждению и сверлению. Таким образом Тайлер проник в мой кондоминиум и взорвал его самодельным динамитом. Берешь баллончик хладагента, дифтордихлорметана, если получится (озоновая дыра и все такое), либо тетрафторэтана, и опрыскиваешь им цилиндр замка, пока не замерзнет.

На задании по охлаждению и сверлению нужно опрыскать замок на таксофоне, или паркомате, или газетном автомате, а потом молотком с зубилом разбить замороженный цилиндр.

На задании по сверлению и наполнению нужно просверлить таксофон или банкомат, затем вставить в дыру масленку и при помощи шприца для смазки накачать вышеозначенный предмет солидолом, ванильным пудингом или пластичным цементным раствором.

Не то чтобы проекту «Хаос» требовалось воровать мелочь. «Мыловарня на Пейпер-стрит» не успевала справляться с заказами. Помоги нам Господь, когда начнутся праздники. Цель домашнего задания – закалить нервы. Ты должен проявить смекалку. Внести вклад в проект «Хаос».

Вместо зубила можно обработать замороженный цилиндр замка электродрелью. Получится ничуть не хуже, зато тише.

Полиция приняла беспроводную дрель за оружие и застрелила Большого Боба.

Ничто не указывало на связь Большого Боба с проектом «Хаос», или бойцовским клубом, или мылом.

У него в кармане лежало фото его самого – огромного, в набедренной повязке, на каком-то конкурсе. Глупо так жить, сказал Боб, когда стоишь на сцене, ослепший от огней и оглохший от шумов в

звуковой системе, пока судья не прикажет: выставь правую ногу, напряги четырехглавую мышцу и замри.

Подними руки так, чтобы мы их видели.

Вытяни левую руку, напряги бицепс и замри.

Замри.

Брось оружие.

Это лучше, чем реальная жизнь.

На его руке был шрам от моего поцелуя. От поцелуя Тайлера. Большой Боб сбрил свои уложенные волосы и сжег щелоком свой дактилоскопический рисунок. И лучше смерть, чем арест, потому что, если тебя арестуют, ты выбываешь из проекта «Хаос» и больше не получаешь домашних заданий.

Вот Роберт Полсон – теплый центр сосредоточения всей жизни мира, а вот Роберт Полсон – предмет. Полицейский выстрел, удивительное чудо смерти.

Сегодня в каждом бойцовском клубе глава вышагивает в темноте по периметру толпы мужчин, которые смотрят друг на друга через пустую середину подвала, и кричит:

– Его зовут Роберт Полсон!

– Его зовут Роберт Полсон! – кричит толпа.

– Ему сорок восемь лет! – кричит глава.

– Ему сорок восемь лет! – кричит толпа.

Ему сорок восемь лет, и он был частью бойцовского клуба.

Ему сорок восемь лет, и он был частью проекта «Хаос».

Лишь в смерти мы обретаем наши истинные имена, ибо в смерти перестаем быть частью борьбы. В смерти мы становимся героями.

– Роберт Полсон! – ревет толпа.

– Роберт Полсон! – ревет толпа.

– Роберт Полсон! – ревет толпа.

Сегодня я прихожу в бойцовский клуб, чтобы закрыть его. Стою под одинокой лампочкой в середине подвала, и клуб приветствует меня. Для всех собравшихся я – Тайлер Дердан. Умный. Сильный. Дерзкий. Я поднимаю руки, призывая к тишине, и говорю: почему бы нам не разойтись? Отправляйтесь домой и забудьте о бойцовском клубе.

Я думаю, бойцовский клуб выполнил свою задачу.

Проект «Хаос» отменяется.

Я слышал, по телевизору показывают хороший футбольный матч...

Сотня мужчин молча смотрит на меня.

Погиб человек, объясняю я. Игры закончились. Это больше не смешно. И тут из темноты за пределами толпы раздается безымянный голос главы филиала:

– Первое правило бойцовского клуба: бойцовский клуб не обсуждают.

Я кричу: идите домой!

– Второе правило бойцовского клуба: бойцовский клуб не обсуждают.

Бойцовский клуб отменяется! Проект «Хаос» отменяется!

– Третье правило: два человека на бой.

Я Тайлер Дердан, кричу я. Я приказываю вам убираться!

Никто на меня не смотрит. Люди глядят друг на друга через середину подвала.

Голос главы филиала звучит в комнате. Два человека на бой. Никаких рубашек и туфель.

Бой продолжается столько, сколько нужно.

Представьте, что это произносится в сотне городов, на нескольких языках.

Правила заканчиваются, а я по-прежнему стою в круге света.

– Записавшиеся на первый бой, займите ринг! – раздается голос из темноты. – Очистить середину клуба!

Я не шевелюсь.

– Очистить середину клуба!

Я не шевелюсь.

Одинокая лампочка отражается в сотне пар глаз, мерцающих в темноте, и все они выжидательно смотрят на меня. Я пытаюсь увидеть каждого человека так, как увидел бы Тайлер. Выбрать лучших бойцов для проекта «Хаос». Кого бы Тайлер пригласил работать в «Мыловарне на Пейпер-стрит»?

– Очистить середину клуба!

Это устоявшаяся процедура. После трех требований главы меня вышвырнут за дверь.

Но я – Тайлер Дердан. Я придумал бойцовский клуб. Бойцовский клуб – мой. Я написал эти правила. Никого из вас не было бы здесь,

если бы не я. И я говорю: хватит!

– Приготовиться удалить его на счет три, два, один.

Круг людей обрушивается на меня, две сотни рук вцепляются мне в руки и ноги, меня растягивают, поднимают к свету.

Приготовиться катапультировать душу через пять, четыре, три, две, одну...

Меня передают над головами, из рук в руки, я плыву по толпе к двери. Парю. Лечу.

Бойцовский клуб мой, кричу я. Я придумал проект «Хаос». Вы не можете меня вышвырнуть. Я здесь главный. Идите по домам.

Голос главы клуба:

– Записавшиеся на первый бой, займите ринг! Немедленно!

Я не уйду. Не сдамся. Я сумею с этим справиться. Я тут главный.

– Удалить члена бойцовского клуба, немедленно!

Катапультировать душу, немедленно.

Я неторопливо вылетаю за дверь, в холодный ночной воздух, под звездное небо и ложусь на бетон парковки. Руки отдаляются, дверь захлопывается, задвижка встает на место. В сотне городов собрания бойцовского клуба продолжаются без меня.

Долгие годы я мечтал уснуть. Ускользнуть, сдаться, провалиться. Теперь сон – последнее, чего я хочу.

Я с Марлой, в номере 8 «G», в отеле «Риджент». Вокруг старики и наркоманы, они заперлись в своих каморках, и здесь мое нервное отчаяние кажется нормальным и ожидаемым.

– Вот, – говорит Марла, усевшись со скрещенными ногами на постель. Она выдавливает из блистера полдюжины таблеток-стимуляторов. – Раньше я встречалась с парнем, которого мучили жуткие кошмары. Он тоже ненавидел спать.

И что с ним стало?

– Умер. От сердечного приступа. Передозировка. Слишком много амфетаминов. Ему было всего девятнадцать лет.

Спасибо, что поделилась.

Когда мы вошли в отель, парень за стойкой отдал мне честь. Половина волос на его голове вырвана с корнем, череп покрыт шрамами. Пенсионеры, которые смотрели телевизор в холле, обернулись, чтобы поглядеть, кого это парень за стойкой назвал сэром.

– Добрый вечер, сэр.

Представляю, как в эту минуту он звонит в некий штаб проекта «Хаос» и сообщает о моем местонахождении. У них на стене висит карта города, и они отмечают мои перемещения кнопками. Чувствую себя меченым, словно перелетный гусь в передаче про природу.

Все следят за мной, ведут учет.

– Можешь принять все шесть, – говорит Марла. – Но чтобы желудок не взбунтовался, их нужно засовывать в задницу.

Мило.

– Это не я придумала, – говорит Марла. – Потом добудем что-нибудь посильнее. Настоящие наркотики, вроде амфетамина, или спида, или крока.

Я не собираюсь совать эти таблетки в задницу.

– Тогда не принимай больше двух.

Куда мы пойдем?

– В боулинг. Он работает всю ночь, и там тебе не дадут уснуть.

Я говорю: куда бы мы ни пошли, парни на улице считают меня Тайлером Дерданом.

– Поэтому водитель автобуса не взял с нас денег за проезд?

Да. А два парня уступили нам место.

– К чему ты клонишь?

Вряд ли достаточно просто спрятаться. Мы должны что-то сделать, чтобы избавиться от Тайлера.

– Я встречалась с парнем, которому нравилось надевать мою одежду, – рассказывает Марла. – Платья, шляпки с вуалями. Ты можешь одеться женщиной, и тебя никто не узнает.

Я не собираюсь одеваться женщиной – и не намерен совать таблетки себе в задницу.

– Дальше – больше, – говорит она. – Я как-то встречалась с парнем, который хотел, чтобы я разыграла лесбийскую сцену с его надувной куклой.

Могу представить, как стану одной из историй Марлы.

Я как-то встречалась с парнем, у которого было раздвоение личности.

– Я как-то встречалась с другим парнем, который пользовался увеличителем члена.

Я спрашиваю: сколько времени?

– Четыре утра.

Через три часа мне нужно быть на работе.

– Прими таблетки, – советует Марла. – Раз уж ты Тайлер Дердан, наверное, нас пустят в боулинг бесплатно. А можно, прежде чем избавиться от Тайлера, мы кое-что купим? Например, хорошую машину. Одежду. Диски. В бесплатных приобретениях есть своя положительная сторона.

Марла.

– Ладно, проехали.

Старая поговорка насчет того, что любимых всегда ранишь сильнее, работает в обе стороны.

Действительно в обе стороны.

Утром я отправился на работу – а там полицейские заграждения между зданием и парковкой, и у парадного входа полиция берет показания у моих коллег. Вокруг толпится народ.

Я даже из автобуса не стал выходить.

Я – Холодный Пот Джо.

Из автобуса вижу, что панорамные окна на третьем этаже моего офисного здания выбиты, а внутри пожарный в грязно-желтом макинтоше атакует обгоревшую панель на подвесном потолке. Дымящийся стол, подталкиваемый двумя пожарными, появляется в выбитом окне, наклоняется, скользит, пролетает три этажа и приземляется на тротуар, скорее ощутимо, нежели звучно.

Рассыпается, продолжая дымиться.

Я – Пятки, В Которые Ушла Душа Джо.

Это мой стол.

Я понимаю, что босс мертв.

Три способа изготoвить напaлм. Я знал, что Тайлер собирается убить моего босса. Когда почувствовал, что мои руки пахнут бензином, когда сказал, что хочу уволиться, я дал ему разрешение. Будьте так любезны.

Убейте моего босса.

Ох, Тайлер.

Я знаю, что взорвался компьютер.

Знаю, потому что знает Тайлер.

Я не хочу этого знать, но ювелирным сверлом можно просверлить дырочку сверху в компьютерном мониторе. Всем мартышкам-астронавтам известно это. Я печатал записки Тайлера. Это новая разновидность бомбы-лампочки, когда сверлишь отверстие в лампочке и заполняешь ее бензином. Затыкаешь дырочку воском или силиконом, вкручиваешь лампочку в патрон и ждешь, пока кто-нибудь войдет в комнату и включит свет.

В электронно-лучевую трубку помещается намного больше бензина, чем в лампочку.

В случае катодно-лучевой трубки, КЛТ, ты либо снимаешь с нее пластмассовый кожух – это несложно, – либо используешь вентиляционные отверстия в верхней части кожуха.

Сначала нужно отключить монитор от источника питания и от компьютера.

То же самое можно проверить с телевизором.

Имей в виду: одна искра, даже статический разряд от ковра – и ты труп. Вопящий, пылающий труп.

Остаточное напряжение катодно-лучевой трубки может достигать 300 вольт, поэтому первым делом замкни конденсатор основного блока питания толстой отверткой. Если ты уже мертв, значит, отвертка была без изоляции.

Внутри катодно-лучевой трубки – вакуум, поэтому как только просверлишь отверстие, трубка начнет засасывать воздух, вроде как вдыхать с тихим присвистом.

Расширь маленькое отверстие сверлом, затем еще более крупным, чтобы вставить в него воронку. Потом наполни трубку взрывчаткой по своему выбору. Отлично подойдет самодельный напалм. Бензин или смесь бензина с замороженным апельсиновым концентратом либо наполнителем для кошачьего лотка.

Забавная штука – смесь перманганата калия с сахарной пудрой. Суть в том, чтобы смешать ингредиент, который очень быстро горит, с ингредиентом, какой обеспечит это горение кислородом. При таком стремительном горении возникает взрыв.

Пероксид бария и цинковая пыль.

Нитрат аммония и алюминиевый порошок.

Новая поваренная книга анархиста.

Нитрат бария в серном соусе, сдобренный углем. Вот вам порох.

Приятного аппетита.

Накачай этим компьютерный монитор, и когда кто-нибудь включит питание, ему в лицо взорвутся пять-шесть фунтов пороха.

Проблема в том, что мне нравился мой босс.

Если ты мужчина-христианин и живешь в Америке, отец для тебя – прообраз Бога. И иногда отца тебе дарит карьера.

Вот только Тайлеру мой босс не нравился.

Полиция будет искать меня. В прошлую пятницу я покинул здание последним. Проснулся за столом, запотевшим от моего дыхания, и Тайлер сказал мне по телефону: «Выходи. Машина ждет».

«Кадиллак» ждет.

Мои руки пахли бензином.

Механик из бойцовского клуба спросил: что бы ты хотел сделать перед смертью?

Я хотел уволиться. Дал Тайлеру отмашку. Милости прошу. Убей моего босса.

Я покидаю взорванный офис и еду на автобусе к гравийному разворотному кругу в конце маршрута. Здесь городские кварталы заканчиваются, начинаются пустыри и вспаханные поля. Водитель достает пакет с ленчем и термос и наблюдает за мной в зеркальце заднего обзора.

Я пытаюсь сообразить, куда пойти, чтобы не попасться полицейским. С заднего сиденья вижу около двадцати человек между мной и водителем. Насчитываю двадцать затылков.

Двадцать бритых затылков.

Водитель автобуса поворачивается и кричит мне:

– Мистер Дердан, сэр, я восхищаюсь тем, что вы делаете!

Никогда прежде я его не видел.

– Простите меня, – говорит он. – Комитет утверждает, это ваша собственная идея, сэр.

Бритые головы поворачиваются, одна за другой. Люди встают. У одного в руке тряпка, пахнувшая эфиром. Ближайший ко мне человек держит охотничий нож. Человек с ножом – механик из бойцовского клуба.

– Вы смельчак, – добавляет водитель автобуса, – если согласились стать домашним заданием.

– Заткнись, – говорит механик водителю автобуса. – Дозорному полагается молчать.

Ты знаешь, что одна из мартышек-астронавтов держит резинку, чтобы обмотать тебе мошонку. Мартышки-астронавты заполняют переднюю часть автобуса.

– Вы знаете правила, мистер Дердан, – произносит механик. – Вы сами их придумали. Сказали: если кто-либо когда-либо – даже вы сами – попытается закрыть клуб, мы должны взять этого человека за яйца.

Гонады.

Шары.

Яички.

Huevos.

Представьте, что лучшая ваша часть заморожена и лежит в пакете для сэндвичей в «Мыловарне на Пейпер-стрит».

– Вы знаете, что сопротивление бесполезно, – говорит механик.

Водитель автобуса жуёт сэндвич и наблюдает за нами в зеркало заднего вида.

Воеет полицейская сирена. В далеком поле тарахтит трактор. Птицы. Стекло в задней части автобуса наполовину опущено. Облака. Сорняки растут по краю гравийного разворотного круга. В сорняках жужжат пчелы или мухи.

– Нам нужен небольшой залог, – продолжает механик бойцовского клуба. – Это не пустая угроза, мистер Дердан. На сей раз нам придется отрезать их.

– Это копы, – говорит водитель.

Сирена – где-то спереди.

Как мне сопротивляться?

Полицейская машина тормозит перед автобусом, красно-синие огни сверкают через лобовое стекло, а кто-то снаружи вопит:

– Не двигаться!

И я спасен.

В определенном смысле.

Я могу рассказать копам про Тайлера. Выложить все про бойцовский клуб, и, вероятно, я отправлюсь в тюрьму, а проект «Хаос» станет их проблемой, и мне не придется смотреть на нож.

Копы подходят к ступеням автобуса, и первый коп спрашивает:

– Вы его уже порезали?

– Давайте быстрее, у нас ордер на его арест, – говорит второй коп.

Потом снимает шляпу и обращается ко мне:

– Ничего личного, мистер Дердан. Приятно наконец с вами познакомиться.

Я говорю: вы совершаете большую ошибку.

– Вы предупредили, что наверняка это скажете, – замечает механик.

Я не Тайлер Дердан.

– И насчет этого тоже предупредили.

Я меняю правила. Можете собирать бойцовский клуб, но больше мы не будем никого кастрировать.

– Да, да, да, – кивает механик. Он уже на середине прохода, держит перед собой нож. – Вы предупредили, что непременно это скажете.

Ладно, я Тайлер Дердан. Пусть. Я Тайлер Дердан, и я устанавливаю правила, и я говорю: положи нож.

Механик кричит через плечо:

– Какое у нас лучшее время для порежь-и-беги?

– Четыре минуты, – отвечает кто-то.

– Кто-нибудь засекает?

Оба копа поднялись в автобус, один смотрит на часы и говорит:

– Подождите, пока секундная стрелка окажется на двенадцати.

– Девять, – говорит коп.

– Восемь.

– Семь.

Я прыгаю в открытое окно.

Мне в живот врезается тонкий металлический подоконник, а позади механик бойцовского клуба орет:

– Мистер Дердан! Вы испортите нам время!

Наполовину свесившись из окна, я царапаю черную резиновую боковину задней крыши. Хватаюсь за край колесной арки и подтягиваюсь. Кто-то хватается меня за ноги и тянет назад. Я зову далекий маленький трактор. Эй! Эй! Мое лицо покраснело и горит. Я повис вниз головой. Еще немного подтягиваюсь. Руки, стиснувшие лодыжки, тянут меня назад. Галстук хлопает по лицу. Пряжка ремня цепляется за подоконник. Пчелы, и мухи, и сорняки – в нескольких дюймах от моего лица, и я ору:

– Эй!

Вцепившиеся в мои брюки руки втаскивают меня внутрь, стягивают трусы и ремень мне на задницу.

Кто-то в автобусе кричит:

– Одна минута!

С моих ног падают туфли.

Пряжка ремня застряла в подоконнике.

Нагретый солнцем подоконник врезается мне в живот. Белая рубашка хлопает и сползает мне на голову и плечи, а я по-прежнему цепляюсь за колесную арку и ору:

– Эй!

Мои ноги сведены и вытянуты. Трусы съезжают вниз и падают. Солнце пригревает мою голую задницу.

Кровь стучит в голове, глаза выпучиваются от давления, я вижу лишь белую рубашку, свисающую мне на лицо. Где-то тарахтит трактор. Жужжат пчелы. Где-то. Все это – за миллион миль от меня. Где-то за миллион миль кто-то позади меня кричит:

– Две минуты!

Рука проникает между моими ногами и хватает меня.

– Не причиняйте ему боль, – говорит кто-то.

За миллион миль от меня рука стискивает мои лодыжки. Представь их в конце долгой, долгой дороги. Направленная медитация.

Не представляй подоконник тупым раскаленным ножом, вспарывающим тебе живот.

Не представляй команду людей, пытающихся развести твои ноги.

В миллионах, квадриллионах миль шершавая теплая ладонь оборачивается вокруг твоего естества и тянет тебя назад, и что-то сжимает тебя, крепче, крепче, крепче.

Резинка.

Ты в Ирландии.

Ты в бойцовском клубе.

На работе.

Где угодно, но не здесь.

– Три минуты!

Где-то далеко-далеко кто-то кричит:

– Вы слышали речь, мистер Дердан. Не связывайтесь с бойцовским клубом.

Теплая ладонь обхватывает тебя снизу. Холодное острие ножа. Рука поперек твоей груди. Терапевтический физический контакт. Время обнимашек. Тряпка с эфиром плотно прижимается к твоему носу и рту. Потом – ничто, меньше, чем ничто. Забвение.

Взорванная скорлупа моей выгоревшей квартиры черна, будто космос, и покинута над городскими огоньками в ночи. Окон нет, и желтая полицейская лента крутится и раскачивается на краю пятнадцатизэтажного обрыва.

Я просыпаюсь на бетонном полу. Когда-то здесь был кленовый паркет. До взрыва на стенах висели картины. Стояла шведская мебель. До Тайлера.

Я одет. Сую руку в карман и ощупываю себя.

Я цел.

Напуган, но невредим.

Встань на краю пола, в пятнадцати этажах над парковкой, взгляни на городские огни и звезды – и ты пропал.

Все это так далеко от нас.

Здесь, в милях ночи, разделяющих звезды и Землю, я чувствую себя животным-астронавтом.

Собакой.

Обезьяной.

Человеком.

Ты просто выполняешь задание. Тянешь рычаг. Нажимаешь кнопку. Ты не понимаешь, что делаешь.

Мир сошел с ума. Мой босс мертв. Я лишился дома, работы. И все это – моих рук дело.

Ничего не осталось.

Я превысил кредит в банке.

Шагни за край.

Полицейская лента трепещет между мной и забвением.

Шагни за край.

Что еще осталось?

Шагни за край.

Осталась Марла.

Прыгни за край.

Осталась Марла, она в центре всего и не знает об этом.

Марла любит тебя.

Она любит Тайлера.

Она не видит разницы.

Кто-то должен ей сказать. Уходи. Уходи. Уходи.

Спасайся. Спускаешься на лифте в холле, и привратник, которому ты никогда не нравился, улыбается тебе ртом с тремя выбитыми зубами и произносит:

– Добрый вечер, мистер Дердан. Вам вызвать такси? Вы хорошо себя чувствуете? Желаете воспользоваться телефоном?

Ты звонишь Марле в отель «Риджент».

Клерк в отеле говорит:

– Сей момент, мистер Дердан.

Потом Марла берет трубку.

Привратник слушает за твоим плечом. Наверное, клерк в отеле тоже слушает. Ты говоришь: Марла, нам нужно поговорить.

– Иди в задницу, – отвечает она.

Ей может грозить опасность. Марла должна знать, что происходит. Она должна с тобой встретиться. Вам нужно поговорить.

– Где?

В том месте, где мы впервые встретились. Вспоминай. Думай.

Белый шар целительного света. Дворец с семью дверями.

– Поняла, – говорит она. – Буду там через двадцать минут.

Будь.

Ты кладешь трубку, и привратник предлагает:

– Могу вызвать такси, мистер Дердан. Бесплатно, куда угодно.

Парни из бойцовского клуба следят за тобой. Нет, говоришь ты, такой приятный вечер, лучше я пройдусь.

Сегодня субботний вечер, вечер рака кишечника в подвале Первой методистской церкви, и Марла ждет тебя там.

Марла Сингер курит сигарету и закатывает глаза. Один из них подбит.

Вы садитесь на ворсистый ковер на противоположных концах медитирующего кружка и пытаетесь призвать своих тотемных животных. Марла сердито смотрит на тебя своим подбитым глазом. Вы закрываете глаза и отправляетесь во дворец с семью дверями, и ты по-прежнему ощущаешь взгляд Марлы. Ты нянчишь своего внутреннего ребенка.

Марла смотрит.

Затем наступает время обнимашек.

Марла в три шага пересекает комнату и отвешивает мне пощечину.

Полностью откройтесь.

— Ах ты вонючий кусок дерьма! — восклицает она.

Все вокруг смотрят на нас.

Кулаки Марлы обрушиваются на меня со всех сторон.

— Ты кого-то убил! — кричит она. — Я позвонила в полицию, и они вот-вот приедут!

Я хватаю ее запястья и отвечаю: может, и приедут, но вряд ли.

Марла вырывается и говорит: полиция летит сюда, чтобы посадить меня на электрический стул и сварить мои поганые глаза или хотя бы сделать мне смертельную инъекцию.

Это будет похоже на пчелиный укус.

Передозировка фенobarбитала — и долгий сон. В духе Долины псов.

Марла говорит: она видела, как сегодня я кого-то убил.

Я объясняю: если она имеет в виду моего босса, то да, да, да, я знаю, и полиция знает, и все ищут меня, чтобы сделать смертельную инъекцию, но моего босса убил Тайлер.

Просто у нас с Тайлером идентичные отпечатки пальцев, но никто этого не понимает.

— Иди в задницу, — говорит Марла, выпучивая свой подбитый глаз. — Мне плевать, что тебе и твоим ученичкам нравится, когда вас бьют. Еще раз ко мне прикоснешься — и ты покойник. Сегодня вечером я видела, как ты застрелил человека!

Нет, это была бомба, возражаю я, и это было сегодня утром. Тайлер просверлил компьютерный монитор и наполнил его бензином или черным порохом.

Все эти люди с настоящим раком кишечника стоят вокруг и смотрят.

— Нет, я проследила за тобой до отеля «Прессмэн», ты был официантом на одной из этих детективных вечеринок.

На детективных вечеринках богачи устраивают званый ужин и разыгрывают историю в духе Агаты Кристи. Где-то между гравлаксом и седлом олененка свет на минуту гаснет, и кто-то делает вид, будто его убили. Предположительно, в шутку.

До конца вечера гости пьют, поглощают консоме с мадерой и пытаются найти улики, указывающие на затесавшегося среди них убийцу-психопата.

– Ты застрелил полномочного представителя мэра по переработке отходов! – кричит Марла.

Тайлер застрелил полномочного представителя мэра по чему-то там.

– И у тебя даже нет рака!

Вот так стремительно.

Одним щелчком пальцев.

У всех на глазах.

Я кричу: у тебя тоже!

– Два года он ходит сюда, и у него ничего нет! – вопит Марла.

Я пытаюсь спасти тебе жизнь!

– Что? Зачем ее спасать?

Затем, что ты следишь за мной. Ты следила за мной сегодня, видела, как Тайлер Дердан убил кого-то – а Тайлер убьет любого, кто несет угрозу проекту «Хаос».

Все в комнате явно отвлеклись от своих личных трагедий. Своего скучного рака. Даже люди, сидящие на обезболивающих, выглядят бодрыми и заинтересованными.

Я говорю собравшимся: мне очень жаль. Я никому не хотел причинить вреда. Нам лучше уйти. Обсудить это на улице.

– Нет! Оставайтесь! Что дальше? – кричат все.

Я никого не убивал, объясняю я. Я – не Тайлер Дердан. Он – вторая половинка моей раздвоенной личности. Спрашиваю: кто-нибудь смотрел фильм «Сибил»?

– И кто собирается меня убить? – усмехается Марла.

Тайлер.

– Ты?

Тайлер, говорю я, но я о нем позабочусь. Тебе просто следует опасаться участников проекта «Хаос». Тайлер мог дать им указания следить за тобой или похитить тебя.

– Почему я должна тебе верить?

Вот так стремительно.

Потому, что, кажется, ты мне нравишься, отвечаю я.

– Но ты меня не любишь?

Скользкий момент, говорю я. Не торопи события.

Все вокруг улыбаются.

Мне нужно идти, выбраться отсюда. Я говорю: опасайся бритоголовых парней и парней, которых недавно поколотили. С подбитыми глазами. Без зубов. И все такое.

– Куда ты идешь? – спрашивает Марла.

Я должен позаботиться о Тайлере Дердане.

Его звали Патрик Мэдден, и он был полномочным представителем мэра по переработке отходов. Его звали Патрик Мэдден, и он был врагом проекта «Хаос».

Я выхожу в ночь, раскинувшуюся за стенами Первой методистской церкви, и все возвращается.

Все, что знает Тайлер, возвращается ко мне.

Патрик Мэдден составлял список баров, в которых собираются бойцовские клубы.

Я знаю, как управляться с кинопроектором, вскрывать замки и как Тайлер снял дом на Пейпер-стрит, прежде чем появиться передо мной на пляже.

Я знаю, почему появился Тайлер. Он любил Марлу. С первой нашей встречи Тайлер – или какая-то часть меня – нуждалась в способе быть с Марлой.

Все это не имеет значения. Не сейчас. Но детали возвращаются, пока я шагаю сквозь ночь к ближайшему бойцовскому клубу.

Есть субботний бойцовский клуб в подвале бара «Арсенал». Наверное, он был в списке Патрика Мэддена, бедного мертвого Патрика Мэддена.

Сегодня я иду в «Арсенал», и при моем появлении толпа расступается, как застежка-молния. Для всех собравшихся я – Тайлер Дердан, Великий и Могучий. Отец и Бог.

Отовсюду я слышу:

– Добрый вечер, сэр!

– Добро пожаловать в бойцовский клуб, сэр!

– Спасибо, что присоединились к нам, сэр!

Мое чудовищное лицо только-только начало заживать. В щеке ухмыляется дыра. Губы хмуро кривятся.

Поскольку я Тайлер Дердан и вы можете поцеловать меня в задницу, я вызываю на бой всех, кто пришел в клуб сегодня ночью. Один бой за раз. Никаких туфель. Никаких рубашек.

Бой длится столько, сколько нужно.

И если Тайлер любит Марлу.

Значит, и я люблю Марлу.

То, что происходит, нельзя описать словами. Я хочу сжечь все французские пляжи, которых никогда не видел. Представь, будто преследуешь лося в сыром лесистом каньоне рядом с руинами Рокфеллеровского центра.

Первый противник удерживает меня двойным нельсоном и вбивает мое лицо, мою щеку, дыру в моей щеке в бетонный пол, пока мои зубы не ломаются и не впиваются зазубренными корнями в язык.

Теперь я помню Патрика Мэддена, лежавшего мертвым на полу, его крохотную жену, маленькую девочку с шиньоном. Она хихикала, пытаясь влить шампанское в мертвые губы мужа.

Жена сказала: фальшивая кровь чересчур красная. Миссис Патрик Мэдден смочила два пальца в луже крови, натекающей рядом с ее мужем, и сунула их в рот.

Зубы впиваются мне в язык, я ощущаю вкус крови.

Миссис Патрик Мэдден почувствовала вкус крови.

Я помню, как стоял на задворках детективной вечеринки, окруженный мартышками-астронавтами в роли телохранителей. Марла в платье с обойным узором из темных роз смотрела на меня с противоположной стороны бального зала.

Второй противник упирается коленом мне в спину между лопатками. Заводит обе мои руки за спину и бьет меня грудью о бетонный пол. Я слышу, как хрустит одна ключица.

Я бы пришел к мраморам Элгина с кувалдой и подтерся бы «Моной Лизой».

Миссис Патрик Мэдден подняла два окровавленных пальца, кровь сочилась в просветы между ее зубами, стекала на запястья и бриллиантовый браслет, капала с локтя.

Третий бой, я прихожу в себя – и наступает время третьего боя. В бойцовском клубе нет имен.

Твое имя не имеет значения.

Твоя семья не имеет значения.

Судя по всему, третий противник знает, что мне нужно, и зажимает мою голову в жаркой темноте. Удушающий захват, не вырубаящий человека полностью. Третий противник держит мою голову на сгибе локтя, будто младенца или футбольный мяч, и лупит меня кулаком по лицу.

Пока мои зубы не прокусывают щеку изнутри.

Пока дыра в щеке не достигает угла рта и не объединяется с ним в рваную ухмылку, которая тянется из-под носа к уху.

Третий противник колотит, пока не разбивает себе руку.

Пока я не начинаю плакать.

Все, что любишь, отвергнет тебя или умрет.

Все, что создашь, будет выброшено на помойку.

Все, чем ты гордишься, обратится в прах.

Я – Озимандия, царь царей.

Удар – и мои зубы с лязгом смыкаются на языке. Часть языка падает на пол, и ее отшвыривают в сторону.

Крошечная фигурка миссис Патрик Мэдден, стоящая на коленях рядом с телом супруга, богачи – люди, которых они называли друзьями, – высятся над ними, пьяные и хохочущие.

Жена спросила: «Патрик?»

Лужа крови растекается дальше и дальше, достигает ее юбки.

«Патрик, хватит, прекрати быть мертвым», – говорит она.

Кровь поднимается по подолу ее юбки, карабкается под действием капиллярных сил, от волокна к волокну.

Вокруг меня орут члены проекта «Хаос».

Миссис Патрик Мэдден тоже начинает кричать.

А в подвале бара «Арсенал» Тайлер Дердан сползает на пол теплым клубком конечностей. Великий Тайлер Дердан на мгновение стал совершенством. Сказал, что мгновение – все, чего можно ждать от совершенства.

А бой продолжается, потому что я хочу умереть. Потому что лишь в смерти мы обретаем имена и перестаем быть частью проекта «Хаос».

Тайлер стоит рядом, ангельски блондинистый и прекрасный. Моя воля к жизни меня поражает.

Я – окровавленный биоптат, присохший к голому матрасу в своей комнате в «Мыловарне на Пейпер-стрит».

В комнате ничего нет.

Мое зеркало с фотографией моей ступни, с того дня, когда у меня десять минут был рак. Хуже, чем рак. Зеркала нет. Дверь шкафа распахнута, и внутри нет моих шести белых рубашек, черных брюк, нижнего белья, носков и туфель.

– Поднимайся, – говорит Тайлер.

Внутри всего, что я считал само собой разумеющимся, растет нечто ужасное.

Все развалилось.

Мартышки-астронавты ушли. Забрали все – жир от липосакций, койки, деньги. В первую очередь – деньги. Оставили только сад и арендованный дом.

– Последнее, что нам предстоит, – это твоя мученическая смерть. Твоя великая кончина.

Как будто смерть – не печальное, унылое происшествие, а радостное, бодрящее событие.

Ох, Тайлер, мне больно. Просто убей меня.

– Поднимайся.

Убей меня наконец. Убей. Убей. Убей. Убей.

– Это должно быть знатное зрелище, – произносит Тайлер. – Только представь: ты стоишь на крыше высочайшего в мире здания, которое захвачено проектом «Хаос». Дым валит из окон. Столы сыплются на уличные толпы. Настоящая опера смерти, вот что тебя ждет.

Нет, говорю я. Ты достаточно меня использовал.

– Не будешь сотрудничать, мы займемся Марлой.

Веди, киваю я.

– Тогда выметайся из постели, – говорит Тайлер, – и садись в машину.

Итак, мы с Тайлером – на крыше Паркер-Моррис-билдинг, и у меня во рту пистолет.

Нам осталось жить десять минут.

Через десять минут Паркер-Моррис-билдинг исчезнет. Я знаю это, потому что знает Тайлер.

Прижимая дуло пистолета к моему нёбу, Тайлер говорит:

– На самом деле мы не умираем.

Языком отталкиваю дуло к уцелевшей щеке и замечаю: Тайлер, это про вампиров.

Нам осталось восемь минут.

Пистолет нужен на тот случай, если полицейские вертолеты доберутся сюда первыми.

В глазах Господа на крыше один человек засунул пистолет себе в рот, но пистолет этот держит Тайлер, и это моя жизнь.

Возьми курящуюся девяностовосьмипроцентную азотную кислоту и смешай с серной в пропорции один к трем. Получишь нитроглицерин.

Семь минут.

Смешай нитроглицерин с опилками – будет добрая пластичная взрывчатка. Многие мартышки-астронавты смешивают нитроглицерин с хлопком и добавляют в качестве сульфата английскую соль. Это тоже работает. Другие мартышки используют парафин в смеси с нитроглицерином. У меня с парафином никогда ничего не получалось.

Четыре минуты.

Мы с Тайлером стоим на краю крыши, у меня во рту пистолет. Интересно, насколько он чистый.

Три минуты.

Потом кто-то кричит: «Стой!» – и на крыше появляется Марла.

Она направляется ко мне, потому что Тайлер исчез. Пуф. Тайлер – моя галлюцинация, не ее. Как по мановению волшебной палочки, он исчез. И теперь я стою с пистолетом во рту.

– Мы за тобой следили! – кричит Марла. – Все ребята из группы поддержки. Ты не должен этого делать. Положи пистолет.

За спиной Марлы – больные раком кишечника, мозговыми паразитами, туберкулезом. Они шагают, хромают, катятся на инвалидных креслах ко мне.

– Подожди! – просят они.

Холодный ветер доносит до меня их голоса:

– Остановись!

И:

– Мы можем тебе помочь!

– Позволь нам помочь тебе.

В небе слышится стрекот полицейских вертолетов.

Я кричу: уходите! Убирайтесь отсюда. Это здание вот-вот взорвется.

– Мы знаем! – отвечает Марла.

Для меня это – момент полного прозрения.

Я убиваю не себя, кричу я. Я убиваю Тайлера.

Я – Жесткий Диск Джо.

Я помню все.

– Это не любовь, – кричит Марла, – но, думаю, ты мне тоже нравишься!

Одна минута.

Марле нравится Тайлер.

– Нет, мне нравишься ты, – повторяет Марла. – Я вижу разницу.

И ничего не происходит.

Ничего не взрывается.

Уткнув дуло в уцелевшую щеку, я говорю: Тайлер, ты смешал нитроглицерин с парафином.

Парафин не работает.

Я должен сделать это.

Полицейские вертолеты.

И я нажимаю спусковой крючок.

В доме отца моего обитателей много. Разумеется, нажав спусковой крючок, я умер.

Лжец.

И Тайлер тоже умер.

Над головой кружат полицейские вертолеты, а Марла и люди из группы поддержки, которые не могут спасти себя, пытаются спасти меня – конечно, мне пришлось нажать спусковой крючок.

Это было лучше, чем реальная жизнь.

И твое единственное совершенное мгновение не может длиться вечно.

На небесах белым-бело.

Обманщик.

На небесах царит тишина, и все носят обувь на резиновой подошве.

На небесах я могу спать.

Люди пишат мне на небеса, уверяют, что помнят меня. Я их герой. Я поправлюсь.

Ангелы здесь ветхозаветного типа, легионы и лейтенанты, небесное воинство, которое работает по сменам и суткам. Кладбище. Вместе с едой на подносе – таблетки в бумажном стаканчике. Игровой набор «Долины кукол».

Я встретил Господа, он сидел за длинным ореховым столом, и стена за ним была увешана дипломами. Господь спросил меня:

– Почему?

Почему я причинил столько боли?

Неужели не осознавал, что каждый из нас – священная, единственная в своем роде снежинка особой, уникальной индивидуальности?

Неужели я не вижу, что все мы – проявления любви?

Я смотрю на Господа, который делает записи за своим столом. Он все понял неправильно.

Мы – не особенные.

Но мы не дерьмо и не мусор.

Мы – это мы.

Мы – это мы, и что случается, то случается.

А Господь говорит:

– Нет, это не так.

Да. Что ж. Как угодно. Господь ничему не учится.

Господь спрашивает, что я помню.

Я помню все.

Пуля из пистолета Тайлера разорвала мне другую щеку, одарив меня ухмылкой от уха до уха. Как у злобной хэллоуинской тыквы. Японского демона. Алчного дракона.

Марла еще на земле, пишет мне. Говорит, что однажды меня отпустят.

И если бы на небесах был телефон, я бы позвонил ей и, когда она ответила бы: «Алло», не повесил трубку. Я бы сказал: «Привет, как дела? Расскажи мне обо всем подробно».

Но я не хочу возвращаться. Пока не хочу.

Потому что время от времени кто-то приносит мне поднос с обедом и лекарствами, кто-то с подбитым глазом или швами на лбу говорит:

– Мы скучаем по вам, мистер Дердан.

Или кто-нибудь со сломанным носом проходит мимо меня со шваброй в руках и шепчет:

– Все идет по плану.

Шепчет:

– Мы уничтожим цивилизацию, чтобы сотворить из мира нечто лучшее.

Шепчет:

– Мы ждем вашего возвращения.

Примечания

1

Аэропорт в Чикаго.

2

Аэропорт в Нью-Йорке.

3

Аэропорт в Бостоне.

Вашингтонский аэропорт им. Джона Даллеса.

Аэропорт в штате Техас.

6

Сокращенное название аэропорта Сиэтл/Такома в штате Вашингтон.

7

Аэропорт в штате Мичиган.

Аэропорт Сан-Франциско.

Аэропорт Чикаго (внутренние линии).

Международный аэропорт Сиэтла.

Американская актриса венгерского происхождения.

Сигареты с лепестками гвоздики.

«Долина кукол» (1967) – фильм по одноименному роману Жаклин Сюзанн (1918–1974) о взлете и падении трех молодых женщин. Под «куклами» подразумеваются барбитураты, под «Долиной кукол» – Голливуд.